

КОРНЕЛИЯ ДОБКЕВИЧ

ШТОЛЬНЯ В СОВЫХ ГОРАХ

ЛЕГЕНДЫ И СКАЗАНИЯ
ЗЕМЛИ ОПОЛЬСКОЙ, БЕСКИДОВ
И НИЖНЕЙ СИЛЕЗИИ (ПОЛЬША)

НАША КСЕНГАРНЯ • ВАРШАВА • 1965

Авторизованный перевод с польского

Я. НЕМЧИНСКОГО

Иллюстрировала

М. ОРЛОВСКА-ГАБРЫСЬ

Титул оригинала:

SZTOLNIA W SOWICH GÖRACH

СКАЗАНИЯ ЗЕМЛИ ОПОЛЬСКОЙ

О ТРЕХ БРАТЬЯХ ИЗ ОПОЛЯ

Нагнали некогда на Ополе ветры с горы Сьлёнжи свирепую бурю. Потемнело небо от сине-черных туч, а река Одра стала в тот страшный день серой и мутной, словно поднял разгневанный князь речной Утопец со дна ее весь ил и взболтал его ветвями поваленной бурей пихты. Шумела и бурлила разбушевавшаяся Одра, отрывала от берега огромные пласты, уносила вниз по течению вырванные с корнями деревья, разбивала волнами плоты и рыбацьи ладьи...

От грохота бури проснулся лежавший на самом дне реки Утопец и восстал он со своего мягкого ложа, что каждый день выстилала свежими водорослями его прислужницы-русалки. Выплыл он на поверхность и, усевшись на гребне белогривой волны, огляделся вокруг.

А по небу змеились в это время сверкающие молнии, золотыми мечами своими как бы рассекая непроглядную тьму. От их нестерпимого блеска щурил Утопец свои белёсые глаза, окаймленные зелеными ресницами, с любопытством смотрел на клубившиеся вверх тучи. Дрожало все вокруг от ужасных раскатов грома, и бешеный ветер развеивал длинные космы речного владыки. А меж ними, уцепившись своими колючками, торчали водяные орехи – те

самые, что дети так любят собирать на берегу Одры.

Красив был Утопец лицом, только имело оно цвет необычный. Если бы довелось кому из людей увидеть его при дневном свете, тотчас же заметил бы зеленый оттенок щек, золотистый лоб и бурые усы, которые сильно были похожи на стебли водяных растений. А когда Утопец приглаживал их темной рукой своей, то видать было перепонки меж пальцев.

Наряжен был Утопец – будто князь настоящий или рыцарь богатый. Оружие его покрывала рыба чешуя серебристая, а драгоценных украшений ему не занимать было: в песке речном много находилось золотых и серебряных самородков, а из раковин крупных беззубок добывали русалки для своего владыки красивые жемчужины.

Боялись русалки выйти на поверхность: не выносили они грома, страшились молний. Легкие одежды их были сотканы из водяной ряски, которую пряли они в погожие вечера, усевшись в кружок на прибрежном лужке, при свете ясного месяца. Вот и ныне остались они в подводном замке речного владыки, не пошли за ним – даже окна позакрывали ставнями из больших раковин, только бы не слышать грома...

А Утопец, как и подобало рыцарю, отплыл тем временем на волне одринской – словно на коне белогривом. И пригнала его буря к самому Ополю.

Давно знал он этот город. Помнил Утопец еще те дни, когда в бору, по обоим берегам Одры, с рассвета и до поздней ночи стучали топоры. Это лесорубы валили красивые пихты, крепкие дубы и светлые березы, чтобы поставить первые деревянные дома, возвести оборонный палисад и замостить улицы древнего этого города на острове Пасека. В те времена охотно подплывал Утопец к самому берегу и с радостью любовался трудом человека. А когда сплавляли к Пасеке бревна, что валили в верховьях реки, то Утопец тайком подталкивал их, чтобы шибче плыли они вниз, к городу. И не раз дивились опольские плотники тому, что лес так скоро попадает к ним: невдомек им было, что это Утопец, проплывая под плотами, ускорял их ход по реке...

Так проходили зимы и весны, летели годы. Расцветал город, становился многолюдным и шумным. Сколько же радости испытывал Утопец, когда теплой летней ночью, напоенной ароматом только что скошенной травы, прибегали на берег Одры опольские девушки и, слегка дрожащие, беспокойные, опускали на воду красивые венки!

Тайком, из-за густых зарослей камыша, поглядывал на них Утопец, приказывал иногда шаловливой волне отнести венки прямо в руки хлопца, избранника девушки. Не пожалел бы им тогда речной владыка и цветка папоротника, если бы имел его. Да расцветал папоротник только в Иванову ночь, в глухом лесу, а туда Утопец никогда не ходил – не в ладах он был с Лесным Дедом¹.

Но порой любил Утопец и какую-либо каверзу людям подстроить. Бывало и так, что начнет он водить пьяницу по болотам, да искупает его в грязи по самую шею, а со старых баб-сплетниц платки посрывает, если придут они к реке белье полоскать, да развяжут свои длинные языки.

Словом, всякое бывало с речным владыкой, но всегда любил он многолюдное и шумное Ополе. Вот и в ту памятную ночь спешил он в город, гонимый заботой о нем. А не постряхивал ли буйный ветер яблоч в садах ополянских? Не поразбрасывал ли он копен сжатой пшеницы? Не посрывал ли только что уложенной соломенной кровли с убогих хат паромщиков и рыбаков, живущих на окраине города?

Быстро плыл Утопец и всё зорче всматривался в озаряемую молниями ночь. И вдруг... увидел над Ополем багровое зарево! Огромные языки пламени то и дело взмётывались к самому небу, окрашивая края туч в кровавый пурпур и золото... Поначалу очень удивился Утопец, потом понял всё, устранился безмерно и приказал ветрам: что есть мочи гнать волны речные прямо к городу. А зарево всё ширилось и росло, всё больше алело среди мрака ночи. Искры снопами взлетали к тучам, а вода в Одре словно багрянцем покрылась...

– Пожар! – возопил Утопец и дрогнул от страха, припомнив дома, что сложены были из тисовых и сосновых бревен, горячие крыши из соломы и сухого камыша, ветхие изгороди вокруг хат, деревянный настил улиц...

¹ Лесной Дед – сказочный персонаж: лесовик, леший.

Пожар!.. Видно ударила молния в чью-то бедную хату. Горит Ополе! Огонь пожирает дома, пламя уже лижет бревенчатые мостовые, за плетни и ворота хватается... Горит Ополе! Гибнет труд человека, огнем и дымом уносится, пропадает только что собранный урожай!.. Как сейчас Утопец жалел людей!

Протянул он свои длинные руки к тучам, застонал громко, заплакал горько. В отчаянии безмерном взмолился о дожде, чтобы хоть этим помочь любимому городу. И услышали его мольбу грозные тучи. Плотнее сомкнулись они над пылающим городом, еще ниже закрубились. И вот уж холодный, проливной дождь захлестал струями косыми по горящим домам Ополя.

Ударил тогда речной владыка руками по волнам Одры. Взбурлила, поднялась вода, выступила из берегов и хлынула в те улицы, что пониже, у самого берега. Залила их мгновенно, но осторожно – не совсем затопила. С шипением стал отступать пред нею злобный огонь... А ливень всё гуще, всё сильнее шумит! Струи воды стекали по обугленным срубам домов, по обгоревшим изгородям и воротам...

Погасло зарево. Утихли раскаты грома. Только ливень шумит над Ополем. Исчезли и волны на Одре.

Погрузился тогда Утопец в темную речную пучину – рад был, что послушали его тучи. Быстро отнесло подводное течение речного владыку в его замок, что на дне реки был построен – там, где самая большая глубина.

После того пожара много горожан осталось без крова, а еще больше – без крохи хлеба. У многих тогда в пламени одежда погибла и скарб домашний – иные и рубахи последней из огня не вынесли. Плакали люди в Ополе, холода и голода страшились: осень быстро подступала, пожелтела листва на березах, покраснела в лесу брусника. Дни короче стали, а утра – холоднее.

В городе ропот поднялся, стал народ на сходки собираться, судить-рядить, как быть дальше? И порешили люди: собрать денег побольше, чтобы помочь тем бедным, кои дома

свои и добыток при пожаре утратили. Мудрые женщины опольские так при этом дело повели, чтобы как можно больше людей в кошель за серебром заглянуло...

На правом берегу Одры шумела на холме дубрава. Там, в тени могучих дубов, неведомо каким чудом уцелел древний маленький костёл. На склоне же того холма, из-под скалы, бил прозрачный ключ, от которого тонкой серебристой ленточкой сбегал вниз ручеек, где-то за городом впадавший в Одру. Холм этот издавна был известен в тех местах. Говорили даже, что некогда побывал здесь сам епископ Войцех, и будто бы он проповеди там произносил и крестил жителей Ополя. А ключ тот Войцех заставил бить из-под земли потому, что не хватило ему воды для крещения. Вот такие необычные вести и привлекали людей на холм, и каждый, кому доводилось побывать в городе, стремился посетить маленький костёлик. А ведомо было, что славилось Ополе своими торгами не только в Силезии, но и на Руси, в земле чешской, и даже в Италии про них молва шла.

И стало так, что мудрые женщины опольские заказали умельцам сделать из липового белого дерева резной ларец. Был тот ларец дивной работы, а в нем особая прорезь проделана, куда свободно можно монеты опускать. И крышка вся, и боковинки его покрыты были искусным орнаментом: разросся в обе стороны куст дивный, а на нем множество листочков и цветов изумительных. Необыкновенный то был узор – некогда называли его „древо жизни". Изваянный, нарисованный или вышитый на какой-либо вещи, имел он – по старым поверьям – чудодейственную силу: приносил счастье тому, кто той вещью владел. Потому и не в диво было, что мудрые женщины опольские так вот изукрасили ларец тот – должен он был стать единой копилкой для всех бедняков Ополя!

Ранним утром в день торгов пошли эти женщины на холм и повесили ларец свой в притворе старого костёла. А как раз в это время лучи солнечные били в открытые двери храма и позолотили они белое дерево и узор чудного ларца-копилки. На темной стене костёла, озаренный сиянием солнечным, еще прекраснее виделся ларец и притягивал он к себе взоры всех, кто входил в притвор костельный.

– Ах, что за узор! Какой красивый ларец! – воскликнула комеса¹ и поспешно сняла с пальца золотое кольцо, чтобы опустить его в ларец.

– Это копилка для бедных погорельцев нашего города... – шепнула девушка-служанка своим подругам. Одетые в длинные льняные платья с передничками, окружали они – словно белые полевые цветы пышную розу – свою госпожу, комесу.

– Я свой секанец² отдам! – тихо сказала одна из девушек. И, развязав кожаный мешочек, что висел у нее на поясе, достала серебро. А то была плата ее, полученная к Рождеству за целый год работы у комесы. Но и его охотно пожертвовала девушка бедным людям!

Явился в костёл и приезжий рыцарь, одетый в голубой камзол, с золотой сеткой на волосах. Он тоже бросил в ларец горсть денег, а двое купцов не пожалели даже золотую монету пожертвовать, чтобы завоевать расположение ополян. Ну, а простой люд – из тех, кого пожар стороной обошел, и подавно не поскупились долей из своего малого пожитка. Потертые медные гроши дождём сыпались в резной ларец. Даже странствующий нищий, усевшись на земле перед входом в костёл, перетряхнул свои убогие суммы и, найдя там медяк, опустил его бережно в копилку. А какой-то малыш, ничего видно не найдя в карманах, затолкал в ларец оловянную пуговицу, что нашел на дороге – захотелось и ему хоть сим малым даром помочь беднейшим, чем он сам... Много еще разных людей побывало в тот торговый день в древнем костёле на холме. И всё больше набиралось в ларце медных монет, секанцев серебряных и даже перстней золотых.

В самый полдень явились сюда три брата: Петр, Павел и Куба. Небогатые это были ополяне – только и всего добра, что ладья, которую им отец в наследство завещал. Жили братья за городом в убогой хате, что стояла на отшибе, потому и не добрался до нее пожар страшный. Везили они на ладье своей в Бжег и Вроцлав мешки с зерном и бочки с мёдом – по уговору с купцами ополянскими.

¹ Комеса – графиня (в раннем польском средневековье так называли всех богатых дам).

² Секанец – кусок серебра определенного веса, служивший в те времена денежной мерой.

– Гляньте-ка, – тихо сказал Петр братьям своим, – ныне копилку здесь повесили! Видно собирают пожертвования для тех, у кого пожар дома спалил...

– Давайте и мы отдадим всё, что заработали за эту неделю, а? – отозвался Павел.

– Понятно, отдадим! У нас ведь и хата целая осталась, и ладья есть, да и мы сами здоровые, молодые! – согласился Петр.

С этими словами оба старших брата побросали в ларец все деньги, что были у них в кошельках. Только Куба стоял с опущенной головой, будто разглядывал сапоги свои юфтевые.

– Ну, а ты что же, Куба? – спросил Петр.

Парень молчал, только носом шмыгал.

– Что же ты стоишь, растяпа, словно у тебя на ногах корни повырастали? – разгневался Павел, видя, что младший брат не торопится свою долю беднякам пожертвовать.

– Так ведь у меня одна монета всего... – мрачно ответил парень.

– Вот и отдай ее бедным, братец!

– Так последняя-ж! Как отдать?..

– Что городишь? Стыдись, Куба! Скупишься помочь более бедным, чем ты? Жаль гроша для погорельцев?!

Тут начали старшие братья укорять скупца и громко стыдить его. Проворчал Куба что-то под нос себе, потом нехотя потянулся к поясу и достал из него большую монету, завернутую в льняную тряпицу.

– Вот, возьмите... – с большой неохотой промолвил он.

– Эх, Куба, Куба! – с упреком покачали братья головами.

Парень нахмурился было, но Петр толкнул его в бок, и он всё же опустил свою монету в ларец. На обратном пути ни словом не обмолвился Куба, только исподлобья на братьев поглядывал: жалко ему было денег – берег он их на пиво, да на гулянку в корчме, с ватагой веселых парней.

Нежаркое осеннее солнце над Ополем светило весь тот день. Не протолкаться было в толпе, запрудившей всё торжище, тесно и меж лавок, да лотков купецких. Много тут было башмаков отличной выработки, уборов женских, полотна, сукон, всякой снеди вкусной, мёда и даже серёжек серебряных, перстней витых, вина в бочонках, пряного перца, шафрана и корицы заморской.

Ничего-то теперь не могли купить братья – и гроша у них за душой не осталось. Однако останавливались у лавок полюбоваться товарами красивыми.

– Эй, хлопцы! – окликнул их кто-то из толпы. И вот уж догнал братьев богатый корчмарь, в подвалах которого самый добрый мёд хранился. – Говорят, неплохая ладья у вас имеется?

– Есть, конечно! – ответил Петр. – От отца досталась.

– Ну, а коли так, то не отвезете ли в Бжег мои бочки с мёдом? Только помните – нынче же к вечеру надобно их туда доставить: сам бжегский комес закупил их у меня! Слуги там примут у вас бочки, а я не поскуплюсь заплатить, если всё хорошо сделаете.

– Доставим ко времени, корчмарь, не тревожься! Еще нынче за ужином комес твоего мёду отведаст!

Отправились старшие братья с корчмарем на его двор, чтобы присмотреть за работниками, как они бочки на воз погрузят, да к пристани подвезут. А Кубу домой послали, наказав ему ладью к дороге изготовить и взять с собой сумку с хлебом и сыром.

– Гляди же, Куба, – сказал Петр, – да слушай внимательней! Без нашего дозволения ничего на ладью не принимай, ни с кем больше о перевозе не договаривайся. Ты еще молод, и без труда людишки плохие тебе подвох учинят!

– Э, там... – проворчал Куба, да поглубже на лоб шапку надвинул.

Свернул он в заулочек между поваленными и обугленными срубами и домой направился. Пусто в заулочке было, только голодные псы чего-то вынюхивали на земле – искали, видать, кость завалящую или корку хлеба сухую, обгорелую.

„А и богат же корчмарь! – думал Куба. – Вон какой новый дом себе отгрохал... А в усадьбе у него всего полным-полно! Сидят у него в корчме мужики, потягивают из жбанов

мёд да пиво, а ему прибыль. Вот это жизнь!" И хотя трещали под ногами Кубы угли пепелища – не пожалел он в сердце своем тех бедняков, дома коих погорели, а новых поставить не в силах были...

Под старым дубом, на самом берегу Одры, стояла небогатая хата братьев. На коньке крыши весело чирикали воробьи, а в густой листве ворковали дикие голуби. На птичьем языке своем перекликались они:

– Ско-ро? Ско-ро? Ско-ро?

– По-рог... По-рог... По-рог... Новый по-рог! С-руб, с-руб!... Ско-ро станет новый с-руб?

– Тихо вы, недотёпы! – прикрикнул на них Куба и запустил в птиц камнем. Потом быстро сбежал к реке по тропке, что вилась меж густых кустов и травы.

Около пристани, на песке, лежала перевернутая вверх дном большая ладья. Была она сбита из крепкого дуба, а пазы ее старательно проконопачены сухим мохом и смолой залиты. Перевернул Куба ладью, оглядел со всех сторон – не надо ли где чего починить перед дальней дорогой? Однако старшие братья еще раньше всё проверили, так что осталось Кубе только столкнуть ладью в воду, да весла положить. Снял он сапоги, штанины закатал, поставил ладью на киль, ловко столкнул ее на воду и толстой веревкой привязал к столбику, вбитому у самой пристани.

– А хороша у тебя ладья, юноша! Да и сила в руках немалая! – вдруг услышал Куба позади себя чей-то голос.

Обернулся он и увидел перед собой человека в дорогой одежде из черного бархата, сшитой по моде чужеземной. Шляпа с фазаньим пером, да золотая цепь на шее украшали тот дорогой наряд. Борода у незнакомца была в красивых завитках, а волосы цвета вороньего крыла аж блестели от душистого масла. У пояса с красивой бахромой висел кожаный кошель.

„Богатый, видать, человек..." – подумал Куба и растянул рот в широкой улыбке. Подивился только, что при такой богатой одежде висел за спиной у незнакомца простой холщевой мешок. Может прятал в нем что? Ведь такой мешок пристало таскать только слугам, а не господам!.. Ну, да у богачей всякие причуды случаются, это Кубе хорошо известно.

– А что, ладья не из последних! – ответил парень.

Тем временем незнакомец с любопытством посматривал на ладью и на Кубу.

– Далеко едешь? – голос незнакомца был приятным.

– В Бжег, господин. Вот скоро с братьями мёд повезем самому комесу.

– Вот как? Это хорошо! А может и от меня груз примешь?

Тут незнакомец снял со спины мешок и положил его на доски пристани.

– Не-е-е... Мешок взять?.. Эх, взял бы, да братья не велят. Не позволили без их согласия ничего брать. Подождите, господин, они вот-вот подойдут!

– Юноша! – голос незнакомца еще умильнее стал. – Не могу я ждать! Спешу в город

вернуться... Да ты и сам взрослый человек, можешь свою волю иметь. Зачем же тебе обо всем братьям рассказывать? Мы же мужчины, а не бабы-болтуни. Бери мешок, и дело с концом!

Куба однако не решался. Тогда обходительный незнакомец отвязал от своего пояса кошелек, поднял его и позвенел серебром у самого уха Кубы.

– А если так?.. Или тебе деньги не любы? – тут незнакомец прищурил свои хитрые глаза и еще раз встряхнул кошелек. Куба растерялся. – Ну, возьмишь?

Вспомнил тут парень про пиво и веселых собутыльников в корчме. Ведь из-за братьев лишился он нынче пива и на гулянку не попал – заставили отдать последний грош, будто нет в городе людей побогаче, чем он! Глупые мужики! Ради других готовы из карманов последнее вытряхнуть...

– Ну так что, уговорились? – спросил незнакомец, и снова в кошельке монеты звякнули.

– Ладно, давайте! Ничего братьям не скажу... А кому мешок в Бжеге отдать?

– Брат мой придет. Узнаешь его легко – такую же одежду носит и бороду так же подвигает, как и я... Если хорошо ему послужишь, то даст тебе такой же кошелек!

Взял Куба мешок и спрятал его на корме, под сиденьем у руля, да еще сверху кафтаном старым прикрыл, чтобы незаметно было. Когда переносил мешок, почувствовал: лежит там что-то тяжелое и твердое, а чтобы не узнать было – завернуто несколько раз в толстую парусину. Тем временем незнакомец швырнул кошелек вслед Кубе на дно лодки и ушел поспешно.

Спрятал Куба деньги за пазуху, сел у руля и стал поджидать братьев. А пятками сильнее уперся в мешок, под сиденьем запрятанный. Не слишком-то заботился он о грузе, что взялся отвезти в Бжег: приятнее было за пазухой кошелек чувствовать. А в мыслях своих парень уже видел себя за миской с капустой и свиной печенкой, рядом три жбана с пивом, а потом – танцы под дуду, до самого утра... С этими думами позабыл Куба даже про сумку с хлебом и сыром, что наказали братья взять из дому.

Одра легонько плескала о берег, чуть шелестел камыш. Тишина повсюду стояла, и только слышно было, как горlinka в зарослях кого-то кличет. Засмотрелся Куба на воду: золотом и бирюзой переливалась она на солнце. И вот вдруг почудилось ему, что смотрят на него из-под воды два глаза белёсых, но таких пронзительных, что у парня по спине мурашки забегали.

– Что еще за лихо?! – крикнул парень.

Схватил он весло, да как ударит по воде! Разлетелись вокруг брызги, закачалась ладья, а из воды высунулась и ухватила за весло темная рука с цепкими пальцами, перепонкой стянутыми... Завопил Куба со страху, рванул к себе весло, что было мочи. Исчезла рука, а возле борта заплескало, забурлило что-то, пошли по воде круги.

– Тьфу!.. – сплюнул Куба с досады. – Мерещится мне что-то в этой реке, а ведь сегодня и капли пива не отведал!

И снова тишина воцарилась на Одре.

Вскоре явились братья, а с ними и работники корчмаря. Сообща погрузили на ладью три большие бочки с мёдом и несколько бочонков поменьше. Петр с Павлом сели за весла, Куба у руля остался, оттолкнули братья ладью от берега и пошли вниз по течению.

Небо по-прежнему ясное было, но теперь, по неведомой причине, вдруг задул прямо в лицо гребцам резкий ветер, стал им в глаза мокрую сыпь швырять. При том же ладья странно как-то раскачиваться начала, хоть и не было на реке волны, да крутилась всё время, будто водоворотом ее понесло... А в том месте никогда на Одре прежде водоворотов не бывало!

– Гребь поживей, брат! – подгонял Петр среднего брата. – Что-то мы нынче медленно плывем...

– Да, видишь ли, по-особенному сегодня ладья тяжела, а ведь мы и побольше грузы перевозили... Крутится, как шальная!

– Поглядывай за рулем, Куба! – то и дело кричали ему братья.

Но руль, словно замороженный, направлял ладью совсем в другую сторону. Нет, никогда еще у братьев такой поездки не случалось! Не приходилось им раньше, плывя по течению, да

еще по знакомой реке, из последних сил грести...

– Чудеса, да и только! Уж не заколдовал ли кто наши весла? – с тревогой промолвил Петр.

Но не было ответа на его вопрос.

Так, в тревоге, миновали они остров Пасеку и Бельковый остров, поросший лесом. Пустынно и безлюдно было на обоих берегах Одры, только дубы и буки навстречу братьям ветвями своими качали, да тоскливо кричали чайки. Стала в этих местах Одра шире и глубже, чем под Ополем, а всё еще словно гневалась за что-то на перевозчиков. А тут еще нагнало течение на ладью толстое бревно, и сломал об него Петр весло свое. Да и сама ладья будто набухла от воды – всё тяжелее грести становилось, а корма еще глубже в воду осела.

– Павел! – сказал тогда Петр. – Эти бочки, видать, корму утяжелили... Давай-ка, передвинем их поближе к середине, оставим позади только одну, что полегче!

Перекатили братья обе бочки на середину ладьи и поплыли дальше. Совсем трудно стало грести, а пути вроде и не убавилось – всё еще далеко до Бжега!

– Не иначе, колдовство какое-то над нами! – сказал Петр и перекрестился, а Павел трижды сплюнул через левое плечо.

Но на ладью словно беда навалилась: бурлила под нею вода, а корма еще ниже опустилась.

– Братья! Плохо наше дело, еще сильнее корма оседает!.. Ох, потонем совсем... Куба, помоги! Давай перекатим бочки еще дальше к носу!

Снова передвинули братья груз. Однако и это не помогло: Одра еще сильнее продолжала затягивать корму, где сидел Куба. Всё выше и выше вода подбирается к верхней кромке бортов...

– Тонем, братья! Тонем!.. – вскричал Петр, и лицо его стало рубахи блее.

– Куба, пересядь ближе к середине! Да и бочонок тот малый сюда перекаати... Поспеши!

Но Куба, хоть и был уstraшен не меньше братьев, даже с места не сдвинулся.

– Да толкни же ты сюда последний бочонок! – прикрикнул на него Павел. – И сам поскорее на середину переходи! Ну!

Ухватил Петр брата младшего за плечо и силком стащил его с сиденья на корме. Хмурый и побледневший, взялся Куба за весла. Однако ладья, будто кто ее силком втягивал в пучину, осела снова. Через корму раз и другой перехлестнула волна...

– Глянь-ка, Петр! – вдруг закричал Павел. – Не одни лишь бочки мы везем... Э, да тут мешок лежит!.. Не наш! Откуда он взялся, а?

Куба опустил голову.

– Это что за мешок? – спросил его Павел.

– Не знаю...

– От кого ты взял этот мешок, Куба? – еще строже спросил Павел.

– Не брал я... Не ведаю, кто его положил сюда... Не мой он... Первый раз вижу...

И только Куба сказал это, как страшно вдруг закачалась ладья, и почувствовал Куба, что кто-то ухватил его сбоку за куртку и сильно потянул за борт. Оглянувшись парень и обомлел со страху – увидел руку, опутанную водорослями. Была она темная, почти коричневая, а пальцы ее соединены перепонкой. Рука вцепилась в куртку парня и силилась втащить его в воду. А из-за синей волны, меж белых гребней, выглянуло грозное лицо с глазами в зеленых ресницах, окаймленное заростом из водяных растений...

– Спасите! – что было сил завопил Куба.

Хотел он вскочить с места, но рука крепко держала его. Опять ладья сильно качнулась и затрещала, будто ударилась о большой камень.

– Утопец! – в смертельном страхе возопил Куба. – Утопец... Хочет стащить меня в реку за то, что солгал... что не послушался, обманул вас, братья!.. Спасите! Мешок тот дал мне человек богатый, незнакомый... Не ведаю, что там спрятано. Может что плохое?.. Худо я поступил! Спасите!

Горько заплакал тут Куба, покаялся во всем. И в тот же миг почувал, что никто уже больше не тянет его за куртку. Поглядел на воду – нет никого! Исчезла в пучине темная рука,

скрылось и лицо, опутанное водорослями. Но ладья всё еще качалась, трещала и вертелась на месте, а корма по-прежнему глубоко сидела в воде...

– Давайте посмотрим, что в этом мешке лежит? – предложил Петр.

Схватил Павел мешок, поспешно развязал его и достал оттуда какой-то предмет, плотно обернутый в парусину. Сорвал ее, и... перед очами онемевших братьев появился чудный резной ларец, украшенный искусным орнаментом! Увидели они то самое „древо жизни“ – куст разросшийся в обе стороны, а на нем множество листочков и цветов, которым любовались ополяне.

– О, боже милостивый! Что вижу? – воскликнул Павел. – Да ведь это же копилка из костёла! Та самая, что ныне в нее люди деньги погорельцам собирали...

– Видать незнакомец твой – вор, чести и совести лишенный! – добавил Петр и с укором посмотрел на Кубу.

Дернулась ладья в последний раз и уже ровнее поплыла по глади речной. А Куба вытащил из-за пазухи кошелек и швырнул его на дно ладьи. Поднял Петр брошенный кошелек, развязал его и, подставив шапку, высыпал в нее горсть блестящих монет.

– Твои они, Куба! – сказал он брату. – Что делать с ними будешь?

– Так ведь и они, поди, краденые... – застыдившись, ответил Куба. – У людей их отобрал злодей, пусть же они к людям и возвращаются!.. А вы, братья, простите мне, что пожалел я нынче утром дать лепту для бедняков. И то, что обманул вас, не послушался наказа вашего... – с теми словами побросал Куба все монеты в ларец резной.

– Значит понял, что нельзя перевозить краденого? – ответил на это Петр. – Негоже отпираться и лгать, если что и принял на ладью. Вот за всё это и карает людей Утопек! Утащит такого в реку и держит у себя в плену на дне, в иле... Издавна так было, о том нам еще отец рассказывал.

– Чуть было ладью нашу не разбил речной князь, да и всех троих едва не уволок к себе в пучину! – добавил Павел.

Куба только рукавом лицо оттирает, сопит, от стыда и обиды слез сдержать не может.

– Надо поскорее вернуться в город! – сказал Павел. – Копилку вернем в костёл, а потом уж и в Бжег поплывем.

Развернули братья ладью и к Ополю направились. И хоть пошли теперь против течения, однако легко заскользила ладья, будто кто ее в корму подталкивал. Так быстро путь одолели, словно река вдвое короче стала. И оглянуться не успели, как миновали Бельковый остров и шумящую липами Пасеку. А вот уж показался и замок на Пасеке, за ним правобережный город, недавно пожаром разрушенный, вот и холм с дубами и на нем костёлик древний. А вокруг него давка, люди толпятся, один другого перебивают, крича:

– Искать грабителя!

– Отобрать ларец!

– В темницу его, вора подлого!

– Чтоб его волки вместе с костями пожрали!

– Гей, воины, горожане, крестьяне!

– Гей, купцы, люди ремесленные! Советуйте, что делать надо, как изловить злодея?

Плакали в притворе храма мудрые женщины опольские, жаль им было трудов и стараний своих – пропал ларец, из липового дерева резаный, а с ним и деньги, для бедных погорельцев собранные...

Не передашь словами, не опишешь пером гнева, коим и ополяне сами, и пришельцы, на торги с товарами прибывшие, охвачены в тот день были. Однако не успели люди торговые лавки свои позакрывать, как иная весть стрелой по городу пролетела:

– Нашелся ларец, нашелся!

– Три брата-перевозчика в костёл народную копилку доставили!

– Петр, Павел и Куба – славные люди!

– Уже висит ларец в притворе, на прежнем месте... Люди протискаться к нему не могут: каждый желает и свою лепту внести! Мудрые женщины опольские небо благодарят!

А братья уж снова в ладью сели и в путь отправились. На сей раз они счастливо и быстро

еще до захода солнца, до Бжега доплыть успели. И было красиво на реке: от сияния гаснущей зари вечерней покрылась вся Одра золотыми и розовыми отблесками. А благоприятное течение, быстроты необычайной, скорехонько домчало ладью до самого Бжега.

Но на пристани бжегской – хоть и немало там людей толпилось – не нашли братья человека в черной одежде и с бородой подвитой. Ни тогда, ни позже, так и не довелось им узнать имени того подлого вора, что украл в Ополе народную копилку...

В то лето купался однажды Куба в реке, неподалеку от дома. Росли в том месте, у самой воды, где песок побелее, ивы пышные и раскидистые. Подплыл туда Куба, вылез из воды и на песке улегся. Глянул случайно на заросли ивняка, что к самой воде подступили, и... глазам своим не поверил! Меж ветвей и корневищ лежал камзол бородатого незнакомца, весь мокрый и илом измазанный... А рядом, такая же грязная и помятая, валялась шляпа с фазаньим пером.

Быть может разбойник бросил свою богатую одежду и сменил ее на другую, победнее, чтобы не узнали его в Ополе? „А может и иначе? – с немалым страхом подумал Куба. – Ведь и так может случиться, что купался тот подлый вор, а Утопец схватил его, утащил в реку, да и держит на дне в невольниках..."

КРАСНЫЙ ЖУПАН

В давние-предавние времена жил у самой Одры хозяин умный и добрый, который хорошим ремеслом славился – корзиночником был. А звали его Ендрих Кийонка.

Никто в тех местах не мог сравниться с ним в этом ремесле: и работал он быстро, и усердие проявлял немалое. Из соломы, лыком переплетенной, мастерил он удобные корзины с двумя ручками, ловко плел тусеки ягодные для девушек из тонких, но крепких ивовых прутьев.

А когда начиналось торжище в Ополе, возил туда Кийонка большие коши, из корней сосновых сделанные – очень удобно было носить в них с огорода в подвал репу и капусту. Прилачился Кийонка делать и „конви огнёвые", чтобы было чем народу добро свое от огня спасти во время пожара. „Конви" эти были вроде ведра, только плетеные из раkitника и смолой поверху обмазанные, чтобы вода из них не вытекала. Люди охотно „конви" покупали и платить не скупились.

Немалую толику серебра хранил Кийонка на дне сундука, добрую хату имел, сад, земли немного и скотины несколько голов. Жил бы корзищик припеваючи, в покое и радости, если б не заботы и огорчения, которые чинила ему дочка единственная, Кася.

Красивая была девушка – как та яблонька в саду, что весной белым цветом покрывается, да вот беда: ленива не в меру и спесива не по годам. Бывало по утрам, вместо того, чтобы курам проса посыпать или коров подоить, начнет Кася возле зеркальца вертеться, косы свои расчесывать, да заплетать – так до самого полдня и прокрутится. А то еще ленты станет примерять, бусы янтарные надевать, или достанет из сундука шали и корсажи матери – и давай их на себя напяливать. Радехонька была бы даже в лучи солнечные или в сияние зари утренней нарядиться, если б только их в лавках купеческих продавали!

А тем временем в хлеву козы, Бабуля и Марха, с голоду ревмя-ревели и метлу грызли – ту самую, что растеряха-Кася куда попало швырнет.

И собачки, Брысь и Контеска, тоже не зевали – в сенях горшки вылизывали: ленивая Кася по несколько дней посуду немытой оставляла.

Даже и так случалось, что приходилось Ендриху не евши отправляться в поле или к реке корзинки плести. Иной раз и куска хлеба не мог взять с собой – не успела дочка хлеб испечь. И всегда-то ей времени не хватало: больше, чем наряжаться и перед зеркальцем красоваться, любила Кася танцевать и песни веселые петь.

Где ж еще, если не в корчме, нарядами блеснуть и красотой своей похвалиться?

Не было ни в Стрельцах, ни даже в самом Ополе большей модницы, чем Кася. Но и лентяйки такой тоже во всей округе не сыскать. Только и заботы, что поплясать, да на гулянье сходить!

Хата корзинщика возле самого шляха¹ в город стояла. А почти что напротив окон Ендриха, на том берегу, построил богатый человек корчму – с дверями большими, с навесом просторным. Касе всего и пути-то, что по мосту через Одру перебежать, да вербу трухлявую обогнуть. А веселые гулянки устраивал корчмарь не только по праздникам: стояла корчма на людной дороге и всегда в ней полно гостей бывало. Даже и в будний день – если только за столом веселая компания собиралась – корчмарь тут же в село за дудочниками и скрипачами посылал.

Забывала тогда Кася всю работу домашнюю – всё бросала и первой выходила на танцы. Голосок у нее был, что у жаворонка, и всегда она пела охотно:

*Козерыйку² б танцевала,
Скрипачи, играйте!
Черны сапожки стоптала,
Красные мне дайте!..*

При этом голубыми очами лукаво поводила, да маленькой ножкой в красном башмачке притоптывала. А плясала Кася, словно стрекоза или ласточка веселая – только юбки веером раздувались, да на шее коралловые бусы подскакивали.

Замирали сердца парней от красоты Касиной. Даже сам граф рациборский, увидев Касю, надулся, словно павлин, и усы стал подкручивать.

Не кросна³ были в голове у девчины, не о прялке и веретене думала она, не о маслобойке ее заботы были. Песенки, наряды яркие, танец веселый – вот что ее тешило и влекло. В хате же, как только могла, отлынивала Кася от любой работы.

– Кася! Пойди в огород, репу надо окучивать... – наказал ей однажды Ендрих.

Кася вроде бы за платком да передничком рабочим в горницу направилась, будто бы хлеб с сыром себе, на поле, в тряпицу заворачивает, а сама быстро коралловые бусы надела и под корсажик их спрятала. В тряпицу же не хлеб с сыром – красные башмачки завернула и вышитый розами фартучек украдкой туда положила.

Сидит Ендрих в своем шалаше на берегу, корзины плетёт, прислушивается – не зазвенит ли в огороде за хатой дочкина песня веселая? А тут вдруг доносится до него голос ее из-за реки, от корчмы:

*Козерыйку б танцевала,
Скрипачи, играйте!
Черны сапожки стоптала,
Красные мне дайте!..*

В превеликом огорчении дергал себя за усы бедный Ендрих каждый раз, когда вот так случалось с непослушной Касей. А частенько и за розги хватался. Да только не впрок это шло ленивой и заносчивой дивчине: быстро забывала Кася кару отцовскую и вместо того, чтобы засесть кудель прясть, снова спешила принарядиться и на гулянку сбежать.

И мудрые советы отцовские, и соседей укоры, и предупреждения, что без ее старания всё хозяйство в упадок придет – быстрее, чем воробьи всполошенные, улетали из головки Касиной. И задумал тогда Ендрих найти иной способ приструнить дочку. Когда увидел он из шалаша, что в корчму собираются музыканты, а корчмарь со своей челядью бочки с пивом из подвала выкатывают, закричал на весь двор:

– Дочушка, а где ты там?

– Тут я, в хате, татусь мой, суп с клёцками готовлю... – через открытое окно ответила Кася.

– А-а-... Это хорошо, давно уж я клёцок не отвеживал! – сказал Ендрих, а сам под окном, в густых кустах сирени спрятался.

Потом выглянул украдкой из-за куста. Что ж видит? Кася молоко нецеженное быстренько в горшок сливает и ставит его в печь, а вместо того, чтобы клёцки в руках обминать, секачом тесто на грубые куски сечет. „Ну, теперь-то я изловлю ее! Торопится моя девка на гу-

¹ Шлях – большая проезжая дорога (большак, тракт).

² Козерыйка – веселый народный силезский танец.

³ Кросна – деревенский самодельный ткацкий станок.

лянку!" – подумал Ендрих. И потихоньку припер двери снаружи, а окна ставнями позакрывал.

– Ну, сегодня дома будешь сидеть, ветреница... – пробурчал корзинщик себе в усы.

До вечера еще немало времени оставалось, поэтому вернулся Ендрих в шалаш – корзинки плести. Радехонек был, что на сей раз поневоле Кася в доме останется. Закурил себе трубку, пива немного отхлебнул из жбана, да и взялся корни сосновые подбирать – на корзины для стрелецкого ксёндза...

Не успел однако Ендрих выбрать корни, что погибче, и работу начать, как услышал вдруг, что возле хаты обе собачки – Брысь и Контеска – как-то уж больно беспокойно лают, визжат и даже выть начали, словно бы волк из лесу на двор Ендриховский пробрался и Бабулю с Мархой придушил...

Выскочил Ендрих на тропку, и страх его охватил – явственно дымом запахло. А собачки ни на минуту не смолкали. И вторили им галки, которые всей стаей с крыши сорвались и над двором с тревожным криком закружились.

– Горим! Господи, спаси нас! – закричал Ендрих.

Что было сил побежал он к дому, да на бегу задел все корзинки, что стояли одна на другой. Рассыпались они и вслед за ним покатались...

Прибежал Кийонка к хате, и сердце в нем похолодело от страха: из-под стрехи дым длинными полосами идет, по-над крышей стелется. Клубится сине-серый дым и в окошке чердачном...

– Боже! Тут пожар, а там, в хате, Касенька! – застонал корзинщик и одним сильным толчком двери дубовые распахнул. – Кася! Дочушка!..

Ничего не слышно в ответ, только дым в горле зашекотал.

– Касюня!

Вскочил Ендрих в хату, схватил пест от ступы, да так вышиб первое окно, что и ставни разом отлетели. Посветлело в хате немного, со двора ветром потянуло, и дым слегка рассеялся... Нет, не видно девчины в хате!

Полез Ендрих поспешно на чердак.

– Касенька! Касюня!.. Отзовись, где ты, доченька! – звал корзинщик, а сам глаза кулаком тер: дым слёзы выдавил.

И снова никто не ответил ему. Бегал Ендрих по чердаку, искал всюду огонь, сусек с зерном в сторону отодвинул, отбрасывал ногой всё, что попадалось ему на пути. То Касю звал таким громовым голосом, что хата тряслась, то стреху шестом протыкал – боялся, что крыша сверху горит.

А тем временем в хате что-то тихонько так зашуршало... И вот, из-за большого сундука, изукрашенного розами и гвоздикой, вылезла Кася, ни чуточки даже не испуганная. Не тронуло огнем наряд ее, а была на ней не домашняя пестрядь, но всё, что она на танцы одевала: юбки красивые, сборчатые, из темного шелка, что называют „мазелонками"; фартучек шелковый переливчатый; белая блузка с кружевом у рукавов и на шее; корсажик вышитый, а на ногах – сапожки красные. Даже бусы коралловые надела и косы лентами переплела!

Хлопнула ладошками от радости и, словно мышка, юркнула за порог хаты, да еще и козынку шелковую с собой прихватила. Через мост на Одре помчалась Кася прямо в корчму и смеющаяся, веселая, сразу в круг танцевальный вошла. А тут как раз скрипачи и дудочники веселый силезский „тройячек" заиграли...

Через окошко чердачное заметил Ендрих среди зелени прибрежной только рукава Касины белые, да ленты ее голубые.

– Ах, ты, хитрюля! Ах, ты, лисичка лукавая! – крикнул Ендрих дочери, но ответил ему только петух его пестрый. Он как раз вскочил на бочку перевернутую, посреди двора лежавшую, и запел громко – к перемене погоды.

– Стало быть нашла уловку! Но какую? – сам с собой заговорил корзинщик. – Как же она так сделала, сорока бесхвостая, что всюду дыму полно, а огня нигде нету?.. Ох, уж эти девки! То ли дело сыновья в доме! Были бы парни...

Тем временем дым понемногу рассеиваться стал, на чердаке посветлело. И вот заметил

вдруг Ендрих большой горшок глиняный, ловко укрытый за грудой кирпичин, которые он сам когда-то принес на чердак, чтобы до зимы трубу поправить. Из того-то горшка и поднимался дымок...

– Вот ведь какая проказница! – воскликнул Ендрих. – Так и есть: наложила девка горячих углей, да зелья понапихала, словно колбасы собралась коптить! Ну, поглядите, люди добрые! Сырой пакли конопляной сверху наложила!.. Ах, ты, лисица хитрющая! И дивиться нечего, что дымом весь дом заволокло!..

Вытащил Ендрих осторожно горшок тот из кирпича. Угли уже догорали. Пригасил их корзинщик сырой паклей, а для верности еще и глиной присыпал. Обыскал весь чердак и нашел еще горшков несколько: все ловко по углам спрятаны. Загасил их Ендрих и хату хорошо проветрил.

Достались ему в тот вечер на ужин остывшие клёцки и горбушка черствого хлеба: давно уж не сбивала Кася свежего масла. Сильно разгневался Ендрих на всё это дочкино своеволие, на леность Касину. И снова задумался: какой бы такой найти верный способ, чтобы дочь в дому удержать, работой нужной занять и от гулянок постоянных отвадить?

Пошел за советом к мельнику, куму своему, умному человеку, потом у ксёндза в Стрельцах помощи просил, когда корзины ему повез. Даже с учителем в школе советовался. Да вот беда: каждый из них только головой печально качал, доле отцовской сочувствовал, но средства образумить такую хитрую и ленивую дивчину – не находил...

Как-то, возвращаясь с базара, встретил Ендрих одного знакомого овчара, который на всю околицу мудростью своей славился. Умел тот овчар зельями разными болезни лечить, кровь заговаривать, а если сильно хотел, то и бурю мог звоном аж за Ополе отогнать.

Гнал овчар с базара двух тонкорунных овечек.

– Вот, посмотри на них! – сказал он Ендриху, когда тот на горе свое, на Касю, пожаловался. – Красивые, правда? А почему? Руно их красит! Ежели остричь – безобразными покажутся. Только здоровью их это не вредит. Так и с дивчиной. Пока есть у нее волосы золотистые, пока заплетает их в косы, да лентами перетягивает – красивой выглядит. Рада людям пригожестью своей похвалиться, от того и плясать ее тянет... Отрежь ты ей косы покороче – без них она на гулянку в корчму никак пойти не отважится. Останется в хате и за домашнюю работу возьмется...

Стиснуло у Ендриха сердце от жалости, когда такой совет услышал. Девушке косы отрезать? Ох, большой это стыд для нее! Но ведь и огорчений с такой дочкой не меньше, а скоро жатва наступит! Серп рук потребует!..

Однако послушался Ендрих совета мудрого овчара.

Ночью, когда утомленная танцами Кася заснула в горнице, взял Ендрих большие ножницы, что для стрижки овец хранятся в каждом хозяйстве, и, тихонько подойдя к изголовью, обрезал Касины волосы золотистые так коротко, как это малым ребятам всегда делают.

„Правду сказал овчар, – подумал корзинщик, – как лишится косы своей – поплачет, по-

голосит, да и останется дома! Куда уж такой стриженной танцевать?"

Всегда долго и крепко спала Кася. Не заботило ее, что голодными остались в хлеву две коровы, да бедные Бабуля и Марха. Всегда трудно было отцу добудиться ленивицы. Но в тот день Кася сама рано проснулась: вышивку на новой блузке надо было закончить, да рассыпавшиеся вчера кораллы нанизать на крепкую нить.

Только лишь глаза протерла, как сразу за зеркальцем потянулась: оно всегда на скамеечке возле кровати лежало. Глянула в него Кася и со страху зеркальце уронила. Рассыпалось оно на мелкие кусочки.

– Ох, спасите! Где мои волосы? Где мои косы золотые? – закричала Кася и горькими слезами залилась: увидела на голове только коротенькие космочки.

Не расскажешь словами, не опишешь пером жалоб, причитаний и плача, которые весь тот день из хаты Ендриховой доносились.

Самого корзинщика в тот день не было дома. Чуть свет забрал он Бабулю, Марху и коров и погнал всех на луг к своему куму-мельнику, а детям его наказал пасти их до самого вечера. Потом поставил в бухточке вентерь на лещей, а сам забрал удочки и поплыл на челне к тростнику, что возле моста рос: там большие и жирные окуни водились. Заехав в самую гущу тростника, спокойно ловил Ендрих рыбу до самого вечера: хороший клёв был.

Только лишь стало солнышко за лес заходить, только позолотило дымку туманную над рекой, а лилии водяные розовым отсветом окрасило, – глядь уж в корчме музыка заиграла и песни зазвенели... Ржали там кони, и челядь покрикивала на дороге: видать не бедняки туда съехались, но богатые люди проезжие, которым и обильный ужин подавай, и вино сладкое, а пуще всего – приятную забаву.

„Хо-о! – думал Ендрих, далеко забрасывая свою лещиновую удочку. – Уж сегодня-то будете вы без Каси моей танцевать!... Дома останется, лисичка! Хлеб испечет, кудель прясть будет..."

И надо же так случиться – в тот же час услышал он, как по мосту чьи-то дробные, поспешные шаги простучали. Глянул туда Ендрих, крикнул от удивления, вскочил с места и чуть было из челна не вывалился...

Увидел он на мосту... Касю! Еще наряднее она казалась, еще красивее, чем раньше. Белое платье на ней с брыжами у шеи, с оборками у рукавов, с прозрачной вышивкой. На парчевом фартучке, от матери еще оставшемся, алели розы, и венки васильковые голубели. Юбок было четыре: те, что снизу, все накрахмаленные, кружевными зубчиками украшенные. А из-под широкого венка, перетянутого яркой каймой, из-под пучка лент нюрнбергских, которые венки позади украшали – на Касины плечи, чуть не до колен, свисали две косы русые, пышные, из кудели льняной... Крепко держал их на красивой головке Касиной венки – каждой силезской дивчины красивый наряд.

– О, боже великий! – воскликнул Ендрих. – Уж и кудель себе приспособила, негодница! Опять танцевать бежит!... – и с горя не удержался от слова не в пору сказанного. – Ну и танцуй тогда хоть с самим Утопцем!

Лишь только произнес эти слова корзинщик – зашумело что-то в тростниках, заплескала сильно вода у берега. Забулькало что-то среди волн одринских, вспенились они и покатались к огромному омуту, который возле самого моста появился. И снова что-то заплескалось там...

„Видать сом балует... Сеть бы сейчас!" – подумал Ендрих и повернул челн к другому берегу, где сад его зеленел, а меж деревьев белели стены хаты.

Ночь была светлая, погожая. Полная луна щедрым сиянием своим посеребрила даже вербу трухлявую, что неподалеку от моста стояла. А на вербе сова притаилась. Уселась она на кривом суку и, не то смеясь, не то плача, кричала время от времени:

– Угу-у-у... Угу-у-у...

Глазища ее круглые и ясно-желтые, словно две пуговицы золотые, в темноте среди листьев горели. А вокруг широко разливался запах мыльнянки, возле воды цветущей, и чабреца, что при самой дороге рос.

Почти что в самую полночь возвращалась Кася домой, а всё еще мало ей было веселых песенок и забавы:

*Козерыйку б танцевала,
Скрипачи, играйте!
Черны сапожки стотала,
Красные мне дайте! –*

таким звонким девичьим голосом напевала она, что даже желтоглазая сова всполошено с вербы сорвалась и далеко в лес улетела.

Веселая и радостная шла Кася к дому и пританцовывала по дороге: то руками в бока упрется и притопнет ножкой в красном башмачке, то чинно луне поклонится и звездам на небе, что с вышины ей подмигивали. Поклонилась она и вербе трухлявой – кончиками пальцев за платье при том ухватилась, как это делают знатные дамы. И тут близкий голос услышала – напевал он в ответ вторую строфу Касиной песни:

*Пышны розы возле хаты
И цветут богато.
Мне милее ты, крестьянка,
Нежели шляхтянка!..*

И вот вдруг, из-за ствола вербы, вышел на дорогу нарядный пан, вида великолепного и гордого.

И заметила Кася в серебристом сиянии луны жупан его красный, золототканым поясом перетянутый. На соболиной его шапке с перьями, словно звезда яркая, большой алмазный аграф сверкал. Низко склонился он перед Касей и молвил:

– Весело танцуешь, девушка! Пойдем же со мной танцевать! – и рукой на мост показал.

Не приходилось еще Касе такого нарядного шляхтича видеть. Даже граф из Стрелец, которого однажды увидела она, когда в Чарновонсах на „отпущении грехов" была, и то не имел такого красивого жупана – в куцом фракке ходил. Поклонилась тут Кася, как могла красивее, и руку шляхтичу подала.

Взял ее пан легонько, за кончики пальцев. В ту же минуту почувствовала Кася, что рука у шляхтича мокрая и холодная. А когда повел он плечом – показалось Касе, что из рукава красного жупана вода потекла. „А, это мне только кажется!“ – подумала дивчина и лукаво улыбнулась кавалеру. И он ей ответил улыбкой.

Шум тростника на ветру, стрекотание кузнечиков, да плеск воды на реке в такую пленительную и милую для Касино уха музыку сплелись, что дивчина, неведомо почему, очень ловко и легко начала танец придворный, которого раньше и не знала вовсе. И при том кланялась шляхтичу в красном жупане так, будто она графиня рациборская или иная богачка-помещица из окрugi.

Рад этому был нарядный шляхтич: то и дело усы свои от удовольствия подкручивал. А были они у него длинные и настолько темные, что стебли сухие или водоросли напоминали.

– А, это мне только кажется! – сама себе шепнула Кася и поправила венчик на голове, чтобы еще красивее шляхтичу показаться.

Потом плясали они сельские танцы, а когда начал шляхтич притоптывать ногой, то весь мост задрожал и как-то трещать по-особенному стал.

„Что это мой кавалер так странно топочет?“ – подумала Кася. Улучила момент, когда склонилась в танце, да и глянула вниз. И увидела диво неслыханное: на одной ноге у кавалера был сапог из желтого сафьяна, а вторая нога... копытом конским оказалась!

„Чудной какой-то человек этот, только видать богатый очень, иначе откуда бы у него такой красивый красный жупан?“ – думала Кася. А шляхтич голову в собольей шапке пред нею склонял, будто пред королевою какой.

Заметила тут Кася и серьгу золотую, что у него на правом ухе висела. Ни один юноша – ни в их округе, ни даже в самом Ополе – такого украшения не носил. „Дак что ж? – Кася подумала. – У панов всегда какие-нибудь причуды! Один парик носит, как тот граф из Стрелец, а другой – серьгу в ухе, словно девица...“

А шляхтич тем временем так хитро затанцевал, что привел Касю на то самое место посреди моста, где последняя буря поручни сломала.

– Прошу тебя на ужин ко мне во дворец, девушка! – милым голосом сказал он и Касю под руку взял.

– А где этот дворец, ваша милость? – спросила Кася, и дрожь по ней прошла, как только он к ней прикоснулся: ледяным холодом от шляхтича повеяло.

– Там мои владения! – ответил он и рукой на пучину речную показал.

Глянула туда Кася, а там, под мостом, лишь река плещется и над водой желтые ирисы неподвижно стоят. Да еще лягушки в камышах квакают...

– Боже мой! Так ты – Утопец? – не своим голосом закричала Кася и, не помня себя от страха, бежать отсюда кинулась.

– Стой! Стой! Стой, девушка! – шляхтич в красном жупане крепко за платье Касино ухватился. – Нам хорошо там будет в иле, на дне речном... Сегодня же на тебе женюсь!.. Останься! – заговорил шляхтич, а руки его, с темными пальцами, на которых перепонка была, крепко платье Касино держали.

– Утопец! Спасите, люди добрые! – кричала Кася, но голос ее заглушала упоительная и прелестная музыка, которая всё еще со стороны тростника и из глубины речной звучала.

– Спасите! Татусь, на помощь!

Из последних сил рванулась перепуганная дивчина, из рук шляхтича в красном жупане освободилась. Как лань она по мосту к дому помчалась. Гнался за нею Утопец, громко копытом по настилу топоча.

– Стой! Подожди! – звал неожиданный кавалер Касин.

Протянув руку как можно дальше, ухватил он девушку за косы. На счастье Каси были это не собственные ее косы, а из льняной кудели сплетенные. Потому и остались они в руках Утопца вместе с венком и лентами шелковыми. Увидел это Утопец, возопил дико и с досады изо всей силы ударил копытом в мост. А льняные косы с венцом швырнул в пучину речную и сам следом нырнул туда, будто рыба – только круги по воде пошли. И музыки уже не слышно стало, словно все музыканты под водою сокрылись...

Убежала Кася от Утопца. Быть может свет его напугал – как раз в это время из корчмы на дорогу толпой парни и челядники богатеев вышли, чтобы факелами светить запоздавшим гостям, которые на ночь в колясках приехали, а груженные возы за собой вели.

Без памяти, едва дыша, Кася до дверей хаты добралась. Стеная и плача, вбежала в дом, где Ендрих еще сети чинил при свете лучины.

– Татусь! Утопец за мной гонится! Спрячьте меня, тато!

Тут, к ногам отцовским припав, слезами заливаясь, поведала Кася о встрече своей со шляхтичем в красном жупане.

– Не хочу замуж за Утопца! – рыдаючи закончила она. – Хочу остаться дома, с вами, татусь. На жнива ходить, клевер сечь для моих козочек, хлеб печь, масло сбивать... Ой, всё я сделаю! Не дайте меня на дно утащить, тато!.. Люди говорят, что ежели Утопцу какая девушка понравится, то приходит за нею! По его велению даже река русло свое меняет, дома заливает и людей утаскивает, которые воле Утопца противятся... Ой, доля моя, несчастная доля! Вот она, кара мне за своеволие, за лень мою!

– Тихо, Касенька! Не плачь! Ты же у отца под крылом, и никто в хате моей ничего тебе злого не причинит! Вытри слезы, дочушка, сядь к отцу поближе... Надо прогнать отсюда Утопца, тотчас же прогнать, а то если хоть раз показался он на мосту, то завсегда будет там людей пугать.

– А как вы это сделаете, татусь? – спросила Кася, с тревогой на двери поглядывая.

– Увидишь, дочка! А теперь стели-ка себе постель на лавке, поближе к печи, да и спи спокойно. Не придет за тобой Утопец, не бойся...

Отерла слезы Кася и постелила себе кожух на лавке. А под голову подушечку сунула и под нею пучок травы, что сбирала в ночь на Ивана-Купалу, спрятала: злую беду отгонять.

Раз и другой на отца поглядела: любопытно ей было, для чего он из короба берестяного большие иглы и нитки суровые достает?

– Что это вы делать хотите, тато? – спросила тихо, но ответа уже не слышала: сон ее крепкий одолел.

А тем временем пошел Ендрих в чулан и собрал по сундукам всю старую одежду Касину. Была там и юбка – „мазелонка" из шелка темного, с пришитым к нему корсажиком, и накидка, и фартучек. Зашил Ендрих платье у рукавов и у шеи накрепко, потом всё это соломой и стружками березовыми понабивал.

В гости к князю речному

Мчится Кася из дому... –

вполголоса шептал Ендрих, ножиком отрезая нитку. Потом и юбку сеном набил, чтобы пышнее была, да и зашил всё старательно снизу.

Танцевать, веселиться,

И за стол с ним садиться... –

тихонько напевал корзинщик, старательно расправляя складки на „мазелонке".

Вот корсажик затянем,

Ждать утра мы не станем...

С этими словами застегнул он корсажик на платье, а потом еще и фартучек у талии прикрепил.

Теперь лежала перед ним на скамье большая и потешная кукла – вроде той Мажаны, которую в воскресенье вербное топят в пруду либо в речке, под веселые песни и шутки, по старинному обычаю сельскому.

А в красивом, Касюня, веночке

Веселей танцевать тебе, дочка... –

так напевал Ендрих уже за порогом, когда вышел потихоньку из хаты, неся в руках куклу свою – „Касю".

Так вот он и пел себе, и разговаривал с нею, как с настоящей дочкой. Не оглядываясь назад, направился Ендрих к реке. Долго искал он там среди тростника венки Касин с приделанными к нему косами из льняной кудели, пока не нашел его в самой гуще камыша – измокший весь и в песке вывалянный. Обрадовался, схватил венок, ополоскал его в воде и привязал к

безголовой кукле, напевая при этом, как обычно девушки хлопцам поют:

*Алые розочки, милые тюльпаны...
А куда ж пошел ты, мой Ясю коханный?
Где бы ты не был –
Найду тебя всюду!
В воде или в небе
Твоей Кася будет!..*

Последние слова песни этой повторил Ендрих дважды, всё громче напевая. А когда закончил петь, обхватил куклу обеими руками и с размаху далеко ее в воду закинул...

Зашумела, забулькала вода в реке, поднялись на ней волны белогривые, а водовороты страшные, что у моста были, закружились и потянули куклу на самое дно. Долго под мостом что-то хлопало и билось в камышах, словно рыба огромная.

С того дня никогда уже больше не являлся Касе грозный Утопец. И не слышно стало о нем в той округе. Ну, а сама Кася такая старательная в работе сделалась, что подивиться только. Редко на танцы ходить стала, да и то всегда с подружками вместе.

Зато долгое время не могли понять люди – откуда на мосту столько дыр взялось, вроде бы копытами конскими выбитых? Особенно там одна заметная была – на самом конце моста...

ПРУССКОЕ ЗНАМЯ

Не к чему в Замлынской Гурке¹ мельницу искать. Вот уже больше века люди из деревни этой зерно свое на левый берег Особлоги на перемол возят, а порою и еще дальше. Если спросить их – почему так делают – ответят:

– Так ведь у нас в деревне мельницы нету!

– Как это так? – удивляются приезжие. – Мельницы не имеете? По какой же такой причине ваша деревня Замлынской Гуркой зовется?

– Так была же когда-то мельница...

И начинают рассказывать про Шимона Кloseка – про давнего их старосту и превеликого богача.

Добрую пшеницу выращивал на своих полях староста, тридцать ульев на пасеке, коров и овец во множестве имел, дом каменный посреди деревни, ну а в дому и перин, и утвари всякой – полно!

Сытно Шимон ел и жбанов пива не считал, когда с компанией приятелей за стол садился. Каждое воскресенье на пароконной бричке в костёл ездил, хотя и пешком недалеко идти было. И так коней хлыстом с красной кисточкой погонял, что из-под колес во все стороны грязь разлеталась.

– Шимон Кloseк словно пан какой ездит! – говаривали люди, от грязи лица утирая. И поспешно дорогу старосте уступали.

А время тогда беспокойное было. После войн долгих и кровавых засели в Силезии пруссаки. Но Шимон больше всего о своем достатке заботился и потому – чтобы от ущерба нажитое сберечь – стал он к прусским властям подлаживаться, усердие ревностное и послушность превеликую им оказывать. Не было у короля прусского во всей Силезии прислужника раболепнее.

Люди говаривали, что однажды прогнал староста даже лотошника, что для детей польские книжечки из самого Кракова скрытно привез. В доме же своем чуть не каждый день привечал Шимон жандармов в синие сюртуки, да шляпы треугольные одетых, мёдом их угощал, колбасой с горохом, да яичницей потчевал. А уж лопотали, орали по-собачьему, и пели гости так, что хоть уши периной закрывай!

– Отступник он, Шимон этот! – осуждали люди. – Со всякими живодерами компанию водит!...

¹ Замлынская Гурка – по-русски это название читается иначе: Замельничная Горка.

И начали люди Шимона сторониться, дом его за версту обходить. Даже на посиделки вечерние, когда бабы перья сообща щиплют, ни одна девушка туда ходить не стала, хотя сама старостиha их на клёчки с сыром и на кофей заманивала.

Но больше всего Шимон о прусском знамени заботился. Еще и праздник прусский не начинался, а он уж его на волостном управлении вывешивал и зеленью украшал. А чтобы знамя прямой висело, да издалеka видно его было – Шимон сам по лестнице на крышу залезал, хотя и в годах уже был, и грузен непомерно. Долго он там тряпицу эту с Фридриховым орлом расправлял, да при том еще во весь голос и короля прусского, и министров его, и даже ландрата¹ из Крапковиц расхваливал...

Не передашь словами, как всё это людей в Замлынской Гурке гневил: кто, заслышав старостины восхваления, плюнет со злости, кто куском навоза в знамя швырнет, а то и кулаком погрозит. Были и такие, что крепких тумачков Шимону не жалели – если староста в одиночку из Крапковиц пешком возвращался, да после веселой пирушки с ландратом в голове у него шумело.

А жил тогда в Замлынской Гурке некий Станек Завада – удалец, на всякие каверзы и выдумки скорый. Увидел он однажды, как староста-отступник на волостном управлении знамя прусское вывешивает, да и удумал злую шутку с ним сыграть.

«Возьму-ка я, – решил он, сидя на лавке возле хаты, – да и выкраду эту Шимонову тряпицу, как раз перед днем рождения короля прусского! И так запрячу, что этот волк жирный не отыщет ее, сколько бы ни старался: хоть раз в Замлынской Гурке прусского клейма не будет! Пусть ландрат его, козла вонючего, за бороду как следует оттащает! А потом, когда праздники их пройдут, подброшу эту тряпку с Фридриховым петухом прямо в канцелярию... Вот смеху-то будет! Ха-ха-ха!» – и так рассмеялся Станек, что все козы соседки его, старой Мисюрихи, осот в канаве щипать перестали и, будто по уговору, сразу к парню рогатые головы повернули.

Лето в том году знойное было, жито хорошо выколосилось. Весь день люди за работой возле дома, в поле и в огороде хлопотали. Один староста, как обычно, в полдень на лавке в своей канцелярии разлегшись, похрапывал, на скобу двери закрывши. Никто к нему со своим делом в эту пору ходить не отваживался – разбуженный неожиданно, Шимон Ключек в великий гнев впадал, хмурился грозно и на людей покрикивал, словно помещичий свинопас на свиней господских. Даже сам писарь и молодой писарёнок старосты боялись: бывало, как слышат, что часы на башне костельной полдень вызванивают – скорехонько в корчму, на кружку пива, уходили; только бы их начальник спал в полном покое.

А надо вам сказать, что знамя это прусское, с красивым древком дубовым, когда Шимон его не вывешивал, всегда бережно скатанное, в углу стояло, – за шкафом, где печать старостиha, чернильница, перья и книги разные хранились, а также бумаги всякие, в волостном управлении потребные.

Как и все в Замлынской Гурке, знал Станек Завада обычаи старосты, знал и час, когда он спит. В это время писарь с писарёнком всегда возле калитки Мисюрихи останавливались: поболтать с нею любили. Тут и дивиться нечему – приходилась Мисюриха писарю кумой, а сам Мисюр – свояком. А в деревне Мисюриха тем славилась, что каждый сон разьяснить умела: был у нее сонник старинный, так она его наизусть знала.

И вот, накануне дня рождения короля прусского, только лишь в костёле полдень вызволили, увидел Станек из окна своего, что возле калитки Мисюрихи уже беседа с писарем началась. Загнала Мисюриха коз в хлев, на лавку перед хатой уселась, да и давай с кумом болтать. И так они живо беседовали, что у старухи аж оборки на крахмальном чепчике качались. Не иначе, как она писарю сон его последний разгадывала...

«Ну, видать староста там разлежся» – обрадованно подумал Станек и на небо посмотрел. А солнышко уже прямо над башней костельной оказалось и пригревало сильнее, чем обычно.

Вышел парень осторожно из хаты и в огород побежал. Поначалу в густые заросли конопля спрятался, оттуда в малинник перескочил и через дыру в изгороди, лопухами прикрывшую, в сад к старосте пробрался. Прячась за яблонями, никем не замеченный, Станек под са-

¹ Ландрат – немецкий начальник уезда.

мое окно канцелярии подполз и в высокой полыни затаился.

Совсем тихо в канцелярии и в коридоре было: только через окно раскрытое слышно было, как староста похрапывает.

Вылез Станек из заросли полынной и тихонько окно открыл. Обрадованные мухи жужжать и биться о стекло перестали, и вон из душной комнаты вылетели. А староста громко сквозь сон вздохнул и еще сильнее захрапел.

Станек, словно кот проворный, так осторожно в комнату проник, что ни одна половица не скрипнула. Схватил он скатку и, дыхание притаивши, не спуская глаз со спящего старосты, швырнул знамя Фридрихово в полынь и сам за ним поспешно выскочил.

Опять-таки через заросли, через лопухи и густую крапиву – то к земле припадая, то за деревьями прячась, выбрался парень за изгородь старостиного сада, за которым, в тени верб, с тихим плеском текла Особлога.

У берегов, что некруто к прозрачной воде спускались, густые камыши росли, а в них весь день только и слышно было, как птицы болотные перекликаются. Никто в тех местах ни зверя, ни птицу не пугивал – люди из деревни в эту сторону не хаживали.

Мужики зеленого этого затишья пуще огня боялись: молва стоустая ходила, будто там, возле старого моста, кто-то путников страшит. Будто бы однажды, когда два кума Мисюрихи с ярмарки в Крапковицах возвращались и, развеселившись, петь начали – кто-то из-под моста словами той же песенки ответил. Но лишь только они в камыши заглянули, чья-то рука одного из мужиков за полу сермяги ухватила и в реку потянула. При этом что-то в воде так странно булькало и плескалось, что второй кум в страхе превеликом удрал в Замлынскую Гурку и три дня из дома не выходил...

В другой раз писарёнок со своим дядей на телеге через луга ехали; в темноте с дороги сбились. Оглядываются вокруг, а тут из-за вербы молодец статный такой выходит – в кафтане с воротником красным, и шапке алой на голове. Подвезти просит. Ну, дядя и писарёнок охотно его на воз сажают. А у них фонарь новый с собой был, только масла в нем не хватало. Тогда молодец этот сам огонь высек и как-то так устроил с фонарем тем, что он и без масла стал гореть! Потом они уже с ярким светом ехали, так что им и шапка алая, и воротник незнакомца хорошо видны были.

Но когда припало им возле моста на Особлоге ехать – поднялся в реке плеск неслыханный, и странно камыши зашумели. Испугались мужики, обратно повернуть хотели, чтобы кружным путем до Замлынской Гурки добраться, но чудной молодец разгневался страшно и вожжи у писарёнка вырвал. А кони со страху вдруг храпеть начали, словно бы волка почуяли... Ну, тут дядя писарёнка, человек силы великой, столкнул незнакомца с воза, а сам по коням ударил, да живо обратно к городу повернул – чуть колес не поломал. А молодец этот зашвырнул протяжно, шапку с головы долой, и, не успели беглецы оглянуться, как он ее им вслед бросил. И вдруг увидели перепуганные сельчане вокруг себя пруды глубокие, каких там и не было никогда. Только огонек призрачный то слева, то справа им мигал – с пути сбивал, пока солнце не взошло.

Однако горше всего мельнику приходилось. Мельница его стояла на речке, что в Особлогу впадала.

Когда разошлась по округе весть о том, что возле моста неладно стало и опасно там ездить – начали мужики обходить мельницу. Всё реже люди подъезжать сюда стали, пустынной двор мельничный казался, да и жерновам работы не хватало; всё чаще колеса останавливать приходилось. Сильно горевал мельник-бедняга, что помольщики всё реже заезжают. А потом и вовсе худо стало: сбежали от него и два молодые подручные, которых он для помощи нанимал. Беглецы же, в Замлынскую Гурку явившись, страшные вещи рассказывали: будто на мельнице кто-то ночью мешки с зерном и мукой переворачивает; что вода в речке вдруг сразу поднимается, когда не нужно, а то вовсе убывать начнет, да так быстро, что жернова останавливаются, и молоть никак невозможно...

Не смог больше мельник один в таком безлюдье оставаться – не по себе ему стало. Закрыв он ворота мельничного двора и прочь уехал. С того времени в Крапковицах безвыездно

жил, чтобы среди людей находиться. И осталась та мельница совсем заброшенная.

Только птички щебетали тут среди ветвей на ольхе, что возле моста стояла. Заросла мохом дранка на крыше дома и мельницы, а яблоки румяные, что у мельника в саду с яблонь падали, – добычей червей становились. В закромах, где еще малость зерна была, – мыши попискивали, а на крыше мельницы – выводок совиный поселился. Летали отсюда совы каждый вечер на добычу аж к лугам Станека Завады, чтобы там зазевавшуюся перепёлку схватить.

– Страшит кто-то на мельнице! Возле моста и на том лугу какое-то чудище пошаливает!.. – всё дальше и дальше по околице недобрая весть летела.

– Должно быть Утопец это, никто иной... – с миной таинственной Мисюриха соседям говаривала.

Однако Станек никакого Утопца не боялся. Когда он меж старых ольх к мосту прокрадывался, прусское знамя пряча под рубахой, так даже веселый силезский «тройячек» про себя напевал – рад был, что такую каверзу старосте подстроил.

Под его ногами мост шатался и трещал, но Станек на это внимания не обратил и даже приплясывал под песню, да так, что одна доска сразу от моста оторвалась и в воду с громким всплеском шлепнулась.

А под мостом, где наибольшая глубина, как раз в это время, на ложе из мягких трав и ряски зеленой, сам Утопец почивал – ладный молодец, в шапке алой. С того дня, как мельник свой двор покинул, и тишина на мельнице воцарилась, расположился речной владыка под мостом, будто у себя дома, а в ночи лунные и на мельницу охотно наведывался.

Плеск этот заслышав, пробудился он от глубокого сна, на поверхность выплыл и из-за камышей выглянул. Как завидел парня деревенского – тут же, по привычке своей, поугавать его замыслил. И начал Утопец тисовые сваи трясти, что в дно реки забиты были. Но в радости своей Станек и этого не заметил: весело напевая, выбежал он на площадку возле мельницы.

Сорными травами та площадка заросла, и были они Станеку почти что по пояс. А на каменном предпорожье мельницы множество ящериц зеленых на солнышке грелось. И все строения мельничные были вроде бы в сон глубокий погружены, густой паутиной оплетены и мохом поросли...

Огляделся вокруг Станек, прислушался. Тихо всё было. Только река чуть плескалась, да листва на ветру шелестела. И следа человеческого нигде не видно.

Осторожно парень двери мельничные отворил и в темные сени тихонько вошел...

Большой тут непорядок был. На полу мешки истлевшие валяются, у стен большие закрома для зерна стоят: оно уже гнить начало и пылью покрылось. От самого потолка до пола паутина свисала, и все углы ею затянуты. Крыльями хлопая, над самой головой парня сова всполошенная пролетела, испуганные нетопыри под стропилами толклись и сор прямо в глаза Станеку сыпался. Клубы пыли и муки затхлои, по полу рассыпанной, из-под ног парня поднимались, когда по доскам он прошел. Отряхнулся парень, чихнул несколько раз.

Присмотрел Станек один из самых больших сусеков, что в темном углу стоял, и зная Фридрихово поглубже за него спрятал.

– Ну, славное укрытие я нашел! – весело сказал он. – Уж тут-то никто не отважится тряпичу эту искать! Одни нетопыри будут теперь прусскому петуху кланяться!..

Тут снова над его головой сова пролетела, а один нетопырь в полу куртки вцепился и забился с писком испуганным. Стряхнул его Станек, на крыльцо выбежал и накрепко дверь за собой захлопнул. В два прыжка через площадку перебежал и вот уж на мосту снова оказался. Заскрипел под ним настил прогнивший, зашатался мост, затрещало что-то, а вода в речке бурлить начала и шуметь, словно паводок неожиданный наступил.

– Помогите! – крикнул Станек и, подобно оленю резвоному, скорее к ольхам припустился. Что было духу понесся парень напрямик: через лопухи, малинник и заросли конопляные. – Ох, лихо! – шептал он. – Что бы это могло быть? Не иначе, как этот шальной бес, Утопец!

Только на гумне своем, когда в сено пахучее забился, успокоился парень. Устав от беготни, и страху натерпевшись, – заснул крепко.

Пришла ночь, а с нею и время, когда чудеса всякие творятся, о которых люди днем и не помышляют. С полей, где клевер недавно скосили, ветер летний, теплый прилетел. С туманами, что как раз подниматься над рекой начали – поздоровался, старушке-вербе – поклонился, с внучками ее, ольхами молоденькими – расцеловался. Потом выше взлетел и погнал облачко молочно-белое прямехонько к месяцу серебристому – чтобы не светил он слишком ярко и не мешал лилиям водяным свои снежно-белые лепестки свертывать.

Наведался ночной ветер и на мельницу заброшенную. Засвистел, захохотал в щелях крыши продуваемой, застучал ставней, что на одной петле висела. И шумом этим Утопца с реки привлек.

Из укрытия своего, что под мостом было, приглядывался владыка речной к играм и показам ветра, который ему приятелем доводился. Услышал призыв. Вышел на луг прибрежный, да и пошел в сторону мельницы, чтобы – как всегда в лунную ночь – во владение ею вступить. А из рукавов кафтана его и с краев шапки алой стекали на землю капли воды. И там, куда такая капля упала, гуще трава становилась и всякие растения куститься начинали.

И затянул Утопец – вторя шелесту камыша и шумящим на ветру деревьям – любимую свою песню-заклятие:

*Пусть с шумом веселым колеса вращая,
По лопастям бурно вода ниспадает...
Вы – филины, совы, летучие мыши –
Скорей за работу! Уж колокол слышен!*

*Лишь полночь пробьет, и туман за клубится,
Молчащая мельница вновь оживится,
И будет молот облака дождевые,
Чтоб тучными стали хлеба золотые...*

Послушная своему владыке вода в речке, – едва заслышав звуки той песни – поднялась,

зашумела и понеслась быстрым потоком по лопастьям колеса. Неподвижное днем, завертелось оно и жернова закрутило...

Прошел Утопец через двор, репейником и бурьяном заросший, и остановился возле замшелых дверей мельницы. Толкнул их обеими руками с такой силой, что сорвались они с навесов, а свет лунный бледно-серебристым лучом темноту внутри рассеял.

И увидел тут Утопец стоявшие у стен сусеки с зерном, и начал как всегда забавляться – то переворачивать их, то швырять в стороны, то ногами отпихивать. Такой шум и грохот поднялся, что даже на дороге в Замлынскую Гурку слышно было! Запоздавшие проезжие, когда шум этот долетал, что силы коней подгонять начинали, а кто мог, на полевую дорогу сворачивал, только бы подальше от заброшенной мельницы убраться.

А Утопец тем временем во всю разыгрался. Нетопыри и совы когтями старые мешки треплют и крыльями бьют. Такая туча мучной пыли поднялась, что на минуту даже свет месяца затмила! Рыская так среди мешков и сусеков, нашел Утопец и знамя прусское, Станеком запрятанное. Днем, когда из-под моста за парнем следил, не заметил тряпицы этой: плохо он видел при свете солнечном.

Теперь знамя это заинтересовало его и удивило: сначала наподдал сверток копытом, что у него вместо левой ноги было, потом одумался, поднял его, развернул и осмотрел внимательно. А все совы, которые на мельнице угнездились, слетелись теперь к речному владыке, расселись вокруг него на сусеках и желтые неподвижные глаза с любопытством на знамя уставили.

Красиво переливался атлас при свете лунном. А на нем, кичливо выставив длинный клюв свой и лапы с огромными когтями, чернел спесивый прусский орел. По этому изображению королевского герба распознал Утопец в находке то самое знамя, которое не раз уже видывал из своего укрытия под мостом, откуда любил посматривать на Замлынскую Гурку. Обычно вывешивали знамя прусское на самом высоком доме в деревне, потому и догадался Утопец, что это – важная и необыкновенная вещь.

– Откуда оно могло взяться здесь? – спросил речной владыка у самой мудрой и старой совы.

– Кто-то из людей принес. И тебе в подарок оставил. Угу-у-у... – ответила сова, важно головой кивая.

– Верно! – обрадовался Утопец. – Был тут какой-то парень деревенский... Видать он-то и принес мне этот дар!

– Угу-у! Угу-у! – поддакнули совы.

А самая старшая и мудрейшая из них так промолвила:

– Надобно тебе для такой важной вещи подходящее место теперь подыскать... Угу-у!

– Верно! – согласился Утопец и брови свои зеленые в дугу свел, задумался. – Где же такую красивую вещь поместить?

– Ежели люди на большом доме в деревне вывешивали, то не иначе, как надобно повесить ее над мельницей! – молвила старая сова.

– Правильно посоветовала! – ответил на то Утопец и мудрой сове поклонился.

Свернул он старательно знамя прусское и по ступенькам затрепавшим на чердак взошел, а оттуда уж и на крышу мельницы выбрался. И повесил знамя прусское на самом коньке, чтобы его с дороги на Замлынскую Гурку хорошо видать было.

В тот вечер Утопец людей уже не пугал. Только над солдатом прусским зло подшутил: шел тот из Крапковиц в Замлынскую Гурку, а время позднее было, так Утопец с него шляпу треугольную сорвал и прямо в болото закинул. Да еще захмелевшим музыкантам трухи свещающейся за воротник насыпал – перепугались музыканты и разбежались в разные стороны.

Но шутки эти скоро надоели владыке речному. А когда заметил в камышах брошенную мельником лодку, то забрался в нее и на середину Особлоги выплыл – чтобы издали, при лунном свете, полюбоваться, как знамя короля Фридриха на мельнице заброшенной выглядит.

Но тут месяц за тучку спрятался и никому уже в эту ночь лика своего больше не показал. Не любил он смотреть на орла чужеземного!

Давно уж и полдень миновал, когда очнулся староста от дремоты своей. А была она в тот день для него очень уж приятна. Приснился ему сам король прусский, да в придачу еще и два хорошо в Силезии известных пана из свиты королевской: министр Карл Георг Хойм и генерал кирасирский, граф Манштейн из Ополя. А были эти пруссаки самыми жестокими извергами, мучителями и тиранами люда силезского. Но Кloseку-отступнику всё это нипочем было: не обращал он внимания на мучения земляков своих, а наоборот – старался, как только мог, немцам прислуживать, лишь бы их благосклонность заслужить... Вот тут и приснилось ему, что он с ними за одним столом пирует!

Потому и дивиться нечего, что староста-отступник в самом лучшем расположении духа проснулся.

Через открытое окно канцелярии до него блеяние козьего стада донеслось. Выглянул староста и видит: Тетуля и Лыска, любимые козы Мисюрихи, аж на волостной двор забрели и с козлятами своими спокойненько траву щиплют возле крыльца! А сама бабка в своих воротах стоит, с писарем и писарёнком болтает: они как раз из корчмы на службу возвращались. Видать, сны им разъясняла.

– Мисюриха! – заорал староста. – А ну, забирай отсюда чертово стадо!

– Ой, господи! – всплеснула бабка руками. – Тетуля! Лыска!.. Пошли прочь! – грозно покрикивая на коз, вбежала она во двор и давай их прутом вербным на дорогу выгонять. А писарь с писарёнком помогать ей стали – кричать, да шапками махать.

Кloseк всё в окно видел. Спесиво губы надул и бороду поглаживает; доволен, что приказ его так поспешно выполняется.

– Эй, Мисюриха! – снова позвал он, когда уже за ворота коз с козлятами выгнали. – А ну, зайди-ка ко мне!

Старуха быстренько, вслед за писарем, в канцелярию притопала. А козами ее внучонок, Киприанек, занялся.

– А поведай мне, – начал староста, за стол важно усевшись, – что бы это означать могло?... – и тут про сон свой бабке рассказал.

– Ежели кому паны снятся, – подумав бабка промолвила, – то завсегда припадает дело на воров, а то и другое какое огорчение или болезнь...

Тут писарь на своего начальника беспокойно так посмотрел, однако смолчал.

– Что-о?! На воров? – закричал прислужник немецкий. – Чего болтаешь-то?

– А это в соннике так прописано... – оправдывалась Мисюриха. – Потому и говорю.

– Ну, ладно, ступай себе! – махнул рукой староста: видать недоволен таким объяснением сна остался.

Когда старуха из канцелярии вышла, подозвал Кloseк к себе обоих помощников своих.

– Помните, что завтра праздник великий! – сказал им. – День рождения самого короля, милостиво правящего нами. Вы, писарь, возьмите пару девок, да получше волостное правление приберите. А я сейчас знамя вывешу. А ну, Мартин, достань-ка его из-за шкафа!

Мальчик охотно кинулся к большому шкафу, что запертым всегда стоял. Раз и другой засунул руку за шкаф, потом еще и заглянул туда, лицо, от испуга побледневшее, к старосте повернул и простонал жалобно:

– Так его тут нету, знамени-то...

– Что-о?! – заорал староста, и сам за шкаф заглянул. – А, дьявол вас заberi! Куда ж бы оно задевалось?

– Воры... Грабители... – бормотал перепуганный мальш.

– Я тебе дам воры, огрызок паршивый! – загремел староста. – Так-то ты знамя оберегаешь?

– Так утром-то было...

– Было... Было, недотепа этакий, балда стоеросовая! – орал рассвирепевший староста. – А ну, марш отсюда! Ищи его, где хочешь, но без знамени лучше не приходи, не то я тебе всю шкуру бичом спущу! Пошли и мы, писарь!

Сначала они втроем весь дом волостного правления перетряхнули, потом двор, сарай... Когда не нашли ничего, велел староста всех жителей Замлынской Гурки на площадь собрать,

и всем наказал знамя прусское искать. А малых ребят, Киприанека и Мартина, даже на башню костельную с этой целью послал, и на хоры им велел заглянуть – чем сильно обидел ксёндза Замлынского. В тот день люди и в поле не вышли, и коров на пастбище не гоняли: всё искали знамя это треклятое. Где только не лазили – и в канавах придорожных, и на кладбище, и под кроватями, и под шкафами смотрели, а по всем хатам даже сундуки с одеждой перетряхивали, и в закрома заглядывали. Нигде знамени того нет, как в воду кануло!

– Ну, смотрите у меня! – грозился отступник-староста. – Вот вызову жандармов из Крапковиц, все под арест пойдете!

Но никто знамени так и не смог найти. Даже в курятниках искали, в хлевах, в стогах сена – нету!

– Две горсти серебряных талеров тому дам, кто королевское знамя найдет! – такую награду пообещал староста. – Еще и корову с теленком добавлю, только знамя мне разыщите...

Но нигде не находили знамени.

Вечер наступал, люди расходиться начали по хатам. О Станеке Заваде как-то и позабыли в этой заварухе. И хотя искали знамя даже в самых отдаленных уголках деревни, – гумно его стороной обошли, потому что стояло оно на отлете, за садом густым.

Весь день парень проспал спокойно, глубоко в мягкое, пахучее сено закопавшись. Разбудил его только ветерок холодный, вечерний, который ноги его босые, что из-под сена выступали, несколько раз холодком овеял. Потянулся Станек, зевнул громко, поднялся и, как ни в чем не бывало, на улицу вышел. Как раз тут Мисюриха его и заметила: она в это время кур кормила.

– Станек, Станек! – закричала бабка. – А где ж это ты был?

– Нигде, соседка, – невинно так парень ей ответил, – только поспал немного на гумне, да вот и вылез сейчас!

– Ох, сыночек, в самую пору ты спал! – молвила бабка.

Руками размахивая и головой качая, рассказала Мисюриха соседскому парню, как всей деревней знамя прусское искали, которое вдруг исчезло и неведомо где затерялось.

– А староста наш так сейчас в доме бушует, аж страх берет! Уж и не знаем, где его искать, знамя это треклятое! – воскликнула бабка.

– Ну и леший с ним! Пусть староста у своей кобылы под хвостом его поищет! – засмеялся Станек и к себе в хату ушел.

Так вот и вышло, что в самый праздник немецкий, на волостном правлении в Замлынской Гурке, впервые за много лет, прусского знамени не оказалось.

Ни словами пересказать, ни пером описать невозможно, как в доме своем староста-отступник отчаянно выл да бушевал. То всей деревне тюрьмой грозил долголетней и розгами на площади в Крапковицах, то страшно мужиков проклинал, то снова их к дому своему скликал и щедрыми посулами склонял знамя это искать... Даже плакал и волосы свои рыжие на голове драл. Только ничему всё это не помогало.

Знамя прусское исчезло бесследно!

Тогда заперся староста в доме и стал сам себя утешать: уселся за стол обильный и давай лопать печень жирную, колбасы всякие, мёд и водку пить. И каждый раз, как чарку с водкой или кубок с мёдом поднимет – жестоко поносит мужиков из Замлынской Гурки, а короля прусского и министров его во весь голос расхваливает. До позднего вечера он так пировал, но за полуопорожненным жбаном пива сон его, наконец, сморил.

Утром воскресный день пришел, а с ним и годовщина рождения Фридриха, короля прусского. Но хотя солнышко и высоко уже поднялось, и давно в костёле на раннюю обедню прозвонили – Шимон Клосек всё еще за столом оставался и с перепоя спал крепко, голову на руки уронив. Только перед полуднем еле добудились его писарь с писарёнком. Без шапок, от страха дрожа, вбежали они к нему в горницу.

– Пан староста! – кричали они. – Пан староста! Да пробудитесь же вы, пан Шимон!

Поднялся староста со скамьи и спросил неласково:

– Ну, чего надо, что случилось?

– Ангелы небесные! Святые мученики, спасите нас!.. – со страхом превеликим бормотал

писарь.

– Говори скорее, не хныкай! – одернул его староста.

– А послушайте... – простонал писарь, еле дух переводя. – На дороге, что от Крапковиц идет, карету мы видели в шесть коней... Все кони серые, в яблоках. И едет карета к нам, а за нею кирасиры, тоже на серых...

– Сто дьяволов! – закричал перепуганный староста. – Так ведь это никто иной, как сам пан генерал, граф Манштейн, наведаясь в Замлынскую Гурку! А тут знамени нет!.. Что делать? Что делать?

Однако поздно было искать спасения. Хорошо кормленные овсом застоявшиеся серые рысаки резво несли прусского генерала к Замлынской Гурке. Мужики высыпали на площадь перед волостным правлением: любопытно им было поглазеть на такого важного пана, на слуг его, на богатую упряжку, а пуще того – послушать, что скажет немец, когда увидит: не ту знамени на положенном месте?

Шатаясь на ослабевших ногах, бледный и совсем растерянный вышел староста-отступник на крыльцо дома волостного, а писарь с писарёнком под руки его поддерживали с обеих сторон – чтобы ненароком не упал от испуга.

Тем временем граф Манштейн подъехал к дому, из кареты вышел. А был это человек необычайно толстый, в блестящем мундире синем с отворотами красными и с множеством шитья золотого. Усы его, цвета пива баварского, кверху закрученные, грозно торчали по обе стороны большого мясистого носа. Брови его льняные, блёклые, сведенные в одну черту над водянисто-голубыми, заплывшими жиром глазами, и пятна багровые на пухлом лице – на сильное возбуждение указывали.

– Не вижу тут знамени королевского! – голосом очень суровым начал он. – Да еще в самую годовщину рождения короля нашего милостивого! Где знамя?! – грозно спросил он у Шимона, который его с низкими поклонами встречал. – Почему не вывешено?

Пал тут староста-отступник в ноги генералу.

– Ясновельможный пан генерал! – простонал Клосек. – Простите мою вину, но тут вор какой-то, грабитель подлый, украл вчера наше знамя... Искали мы его, всей деревней искали, но напрасно! Смилуйтесь, ясновельможный пан граф... Не знаем, клянусь, не знаем, что стало со знаменем! Знаем только, что пропало...

– Не пропало, не пропало! – закричал генерал. – Лжешь, негодяй! Не пропало!.. Знамя на старой мельнице висит. С дороги его хорошо видно, мерзавец! Знаешь ли ты, что ждет тебя порка за такое неуважение к гербу королевства прусского?

Слезам тут староста залился, а писарь с писарёнком вторили ему в мольбах о милости, и в рыданиях громких.

– Всё готов сделать, только бы прощение вымолить у власти моей любимой... – сквозь слезы бормотал староста.

При этих словах прусский генерал успокоился малость и более милостиво сказал ему:

– Если так, то пойдешь сейчас на мельницу, сними оттуда знамя и сюда принеси. Потом выведишь его, как положено, зеленью украсишь... Ну, иди же ты, болван, козёл силезский!..

А других слов староста уже и не слышал: потонули они в потоке благодарностей – и его, и писаря, и писарёнка. Да тут еще вышел из толпы корчмарь и, кланяясь низко, просить генерала стал, чтоб соизволил в саду его отдохнуть и плодов отведать, пока филе из серны к обеду поспевает, а доброе вино бургундское в студеной ключевой воде охладится.

Принял граф это приглашение и спесиво так к саду направился. Корчмарь же наказал челяди своей за счет старосты, с которым в родстве был, каждому солдату немецкому по чарке водки поднести.

Надвинул Шимон Клосек шапку на голову и поспешил на мельницу – напрямик, через сад свой и заросли ольховые. От страха и перед генералом прусским, и перед чудищем, что на мельнице людей пугало, шел староста пригнувшись, голову в плечи втянув и ногами еле переступая.

А Утопец, который в это время в камышах отдыхал после ночной прогулки на лодке,

старосту еще издалека углядел. И подумал о нем, что это человек, который не с добром со двора вышел. Как только ступил Кloseк на мост, – начал речной владыка изо всех сил ветхие сваи раскачивать, и свалился тут староста в воду. Речка в этом месте илистая была, дно топкое, а берега болотистые, так что едва-едва отступник на сушу выкарабкался. И когда добрался в конце концов до мельницы, то всем видом своим сильно напоминал черта водяного, страшного Рокиту – так был в грязи измазан и водорослями опутан! Иззябший, отекающий водой, крадучись ступил староста в сени темные, мельничные.

А за ним, шаг в шаг, Утопец шел и, за спиной его прячась, на дудке тростниковой высвистывал. Ветер же, приятель владыки речного, песней заунывной ему вторил среди веток ольховых:

*Вечерней порою
На мельнице скроюсь...
Под ветхой стрехою
Тоскливо завою...*

От такой песни, от посвистов странных и пронзительных звуков тростниковой дудки, что неведомо откуда раздавались – мурашки по спине у старосты-отступника забегали. Чувствовал он, что кто-то ступает за ним, что над самым ухом играет и поет ему кто-то невидимый, но боязно ему оглянуться было, и не знал он – кто?

Страхом гонимый, двинулся Шимон по трещавшим ступеням на крышу мельницы, а ветер ворвался в сени через открытые двери и швырнул на голову перепуганному старосте мешки старые, из которых на него мука затхлая посыпалась. Перестал играть Утопец и сильно лестницу раскачал, а потом начал с грохотом ящики переворачивать. В темноте не жалел старосте тумачков – бил его палкой суковатой, что на дне реки нашел.

Волосы дыбом поднялись на голове у Шимона, холодный пот выступил на лице его, но всё-таки помнил отступник о гневе генерала прусского и о том, что обязан по его приказу доставить в деревню знамя с черным орлом. Поэтому, хоть и страх его к земле гнул, взобрался всё же староста на крышу, руками за полотнище знамени ухватился и уже сорвать было его хотел...

– Что-о-о? – завыл тут ветер над головой Шимона. – Дар хочешь отобрать? А ну, посмей только!..

– Посмей только!.. – у самого уха Кloseка прошептал Утопец. Покрылся он клубами тумана, который по его знаку над рекой поднялся, и, невидимый старосте, ухватил полотнище атласное с другой стороны. – Не дам!.. Не дам! – повторял грозно.

Стали они тут тащить знамя каждый в свою сторону, да так метаться, что старая мельница вдруг качнулась, затрещала и начала медленно погружаться в речку, которая неожиданно переменялась совсем. Вместо того, чтобы к Особлогу течь, как прежде, и силой быстрого потока колеса мельничные вращать – сама в большую реку превратилась. А на ней полно водоворотов и недоступных глубин образовалось...

Но староста ничего не замечал: всё еще иступленно пытался он из рук противника невидимого знамя прусское вырвать. Об одном только думал – как бы ему приказ генерала выполнить и милость его заслужить. А волны речные тем временем еще выше поднялись, вспенились, зашумели и вдруг на крышу тонущей мельницы обрушились...

Громко захохотал Утопец и, словно рыба огромная, исчез в волнах. А мельница вместе со старостой-отступником вдруг с треском в бурлящую воду погрузилась. Потом всё исчезло, и тишина наступила. Среди ольхи, как и прежде, речка спокойно текла и несла воды свои в Особлогу, а в камышах прибрежных птицы перекликались...

Тщетно поджидал генерал Манштейн старосту Кloseка. Вот уж и вечер наступил, а Шимон так в деревню и не вернулся. Но не захотел упрямый пруссак уехать из Замлынской Гурки не доведавшись, какая судьба постигла знамя его короля.

Утром велел коня себе оседлать и сам лично, во главе кирасиров, к реке поехал – на мельницу посмотреть.

Миновали пруссаки поля с ровно стоящими копнами хлебов, скошенный клевер на уча-

стке Станека, ольховую рощу. На луга прибрежные выехали. Однако и следа моста на Особлоге не нашли. Не было также и мельницы, что стояла на широкой речке, в Особлогу впадавшей. Спокойно волны, о берег плескались, сухие ветки да стебли травы несли, к берегу их прибывая.

Сошел с коня Манштейн и у самой воды остановился. В изумлении на ее быстрый бег посмотрел.

– Но где же эта мельница? Где наше прусское знамя? – обратился он к своим кирасирам. Молчали они.

– Где же мельница? – шептали уstraшенные люди.

Но только плеск реки был им ответом. Спокойно катились волны, переливаясь на солнце, словно чешуя серебристая. А потом, из каких-то глубин далеких, вынесла река и выбросила у самых ног изумленного генерала древко от знамени – поломанное. Прошло минут несколько, и вот уже волны выбросили знамя с орлом прусским, надвое разодранным – будто чьи-то неведомые руки изо всей силы тащили его в разные стороны...

КАК УТОПЕЦ КУБЕ НА ПЛОТИНЕ ПОКАЗАЛСЯ

На берегу Жабьей Струги¹, неподалеку от деревни Кокотинец, был у старушки Сквожины хороший надел луговой – как раз у плотины, за мельницей. Поседела старушка, сгорбилась от трудов непосильных в поле и дома, лицо ее, опаленное солнцем, глубокие морщины избороздили, а слезы, которых немало она в жизни пролила, начисто блеск ее глаз вымыли.

В убогой лачужке бабки Сквожины подрастал внучек ее единственный, Куба, – крепкий, будто дубок молодой, румянолицый и светловолосый. В нем одном видела Сквожина всю надежду жизни своей, потому и любила его безмерно, и пестовала с малых лет. И хотя не раз в хату к ним нужда заглядывала – не было случая, чтобы Кубе похлебки не хватило или башмаков на зиму.

Тринадцатый годок уже парню миновал, почти что до отцовых рубах дорос, но малую пользу он бабке приносил в хозяйстве: не было во всём Кокотинце другого такого лентяя и сони.

Тщетно учитель в школе сурово его наставлял, тщетно дядья и тетки пытались из него эту противную леность выбить – Куба только обеду и ужину рад был, а на косы и грабли глядеть не хотел. А если и выйдет на луг, еще меньше проку: когда бы ни пришлось сено ворошить или в стог его метать – Куба раз-другой махнет граблями, под молодым буком уляжется, да и спит себе до вечера. Частенько таким манером и сено замокнет – не больно-то парень спешил подгрести его, да на сеновал отправить.

А тем временем старушке всё труднее работать на лугу становилось. Восьмой десяток Сквожина доживала, поэтому всё чаще приходилось ей на луг Кубу посылать...

И вот однажды ленивый парень, вместо того, чтобы работать, разлегся поудобнее под любимым своим буком, что на краю луга рос, а новые деревянные грабли возле себя положил. Жаркий полдень был, солнце сильно припекало, а Жабья Струга совсем медленно текла меж берегов, всякой зеленью водяной поросших. Лежал Куба как раз напротив плотины, что поперек Жабьей Струги была поставлена. Плотину эту можно было перекрывать наглухо, тогда уровень в речке повышался, и как бы маленькое озерко образовывалось. А когда затвор поднимали, вода сильной струей на мельницу текла и колесо мельничное вращала.

Приятно на ветру листьями бук шелестел, в траве кузнечики стрекотали. Надвинул Куба соломенную шляпу на самые глаза и заснул сладко. И показалось ему сквозь сон, будто кто ходит по лугу, но подумал лениво, что должно быть это дети из школы кратчайшим путем возвращаются, и спокойно себе дальше подрёмывал.

Когда проснулся Куба, солнце уже низко над лесом светило. Путь свой дневной заканчивая, оно в золото и пурпур небо окрасило. Огляделся Куба вокруг себя и вдруг вскочил, словно ужаленный: нету возле него грабель новых! Забегал он по лугу туда и сюда, под кустами начал шарить, в некошеную еще траву заглянул – нигде грабель не видно. А тут и новая

¹ Жабья Струга – по-русски это название читается иначе: Лягушкин (Жабий) ручей.

беда глазам его открылась: кто-то поломал остревки¹ – тонким концом в землю их позабивал!

Собрал обломки растерявшийся Куба и под бук их кинул. А потом задумался: у кого бы из соседей новые остревки одолжить? И вспомнил вдруг, что бабка с утра еще наказывала ряски водяной для маленьких утят принести, которых со двора не выпускали. Сеть и банку для ряски Куба завсегда в старой лодке прятал: много лет она уже в камышах стояла и до половины в иле увязла. Побежал он к лодке, но к удивлению своему не нашел там ни сети, ни банки: кто-то тайком забрал их оттуда! Зато бросил в зарослях прибрежных грабли его – все грязные, измазанные и с поломанными зубьями.

– Вот же бестия! – в отчаянии закричал Куба. – Такой шкоды нам тут натворил, гадина! Видать тот самый шалил, что на лугу шлялся, когда я спал...

Чуть не заплакал Куба со злости – и грабель новых жалко, и бабки побаивался. Неведомо, как проспал парень чуть не до вечера, пора в Кокотинец возвращаться, а как тут вернешься, если грабли поломаны? Затоптался тут Куба; неохота домой идти, а вода ласково о берег плескалась и так к себе манила свежестью своей – искупаться после знойного дня, – что парень мигом сбросил рубашку и штаны заплатанные. Но только он в воду вскочил, как сразу почувствовал, будто кто его по ступне щекочет. Подумал он, что это стебель кувшинки речной, и, опустив руку, пошарил на дне. А это была сетка его, которой он ряску водяную собирал для утят! Когда же к берегу подошел, то под вербой, что ветвями над самой водой нависала, увидел банку свою – сильно помятую и полную сора всякого. «Мало ему, бездельнику, грабли поломать, так еще и банку погнул!» – с обидой подумал Куба и стал распрямлять ее камнем.

Хмурый, огорченный, возвращался Куба в село и нёс на плече грабли измазанные.

Прошел день, другой. Бабка с Кубой просо в поле пропололи и картошку в огороде окучили. На третий день, тайком от бабки, одолжил Куба у пана учителя остревки и ранним утром на луг отправился, чтобы сено на них посушить.

День был жаркий, на небе ни единого облачка: хорошо сено подсушилось. Взялся Куба за работу – вбил в землю четыре новых остревки и уже было за грабли схватился, которые ему сосед починил, но вдруг почувствовал, что устал сильно. Зевнул раз, другой, потянулся, а сено так приятно запахло... Не очень-то работа идет в знойный день!

Съел Куба хлеб, который с собой принес, и начал сено на первую остревку набрасывать. А жарко было так, что рубашка у него к телу прилипла. И когда две копёнки были уложены, решил парень отдохнуть немного – глаза уже сами закрывались.

Недолго думая, нагреб Куба сена под бук и, сделав из него ложе мягкое, с большим облегчением улегся и задремал сладко. Однако на сей раз грабель из рук не выпускал, да и спал недолго: разбудило его мычанье пестрой коровы, которую дочка пана учителя, Мальвися, домой по берегу гнала.

Не очень-то спеша, поднялся Куба со своего мягкого ложа, поморгал спросонья, позевал и кулаком глаза протер. А когда совсем очнулся, заметил новую беду: обе копёнки раскиданы, остревки из земли вырваны, а всё сено такое мокрое, будто над лугом ливень прошел! Сухим только то осталось, что под ним было.

Сильно тут огорчился Куба и до крайности на озорника разозлился. Известно: с мокрым сеном куда больше работы! Да и дядя вот-вот могли приехать – они частенько Сквожину наведывали. А уж тогда, ясное дело, не обошлось бы без укоров! «Корма стравить, это большое зло в хозяйстве!» – не однажды слышал Куба от мудрой бабки и дядьев...

Но ничего не попишешь: пришлось Кубе всю работу сызнава делать. Переворочил он сено граблями, потом хорошенько растряс его и в копёнки сложил. Однако удумал и за озорником последить.

На берегах Жабьей Струги буйно росли лопухи, репейник и высокий щавель, а местами еще дикая смородина и крыжовник. Притаился Куба в этих густых зарослях и зорко наблюдать стал за плотиной, речкой и лугом. Время тянулось, а парень так ничего особенного и не

¹ Остревка – ствол молоденькой ели, очищенной от хвои, с наполовину отсеченными ветками: служит для сушки сена.

подметил: снова Мальви́ся гнала домой корову, а старик Петраш из местечка возвращался, потом дети с лукошками ягод пробежали, по дороге на Кокотинец хромой нищий проковылял. Ясное дело – никому из них и в голову бы не пришло сено водой обливать или копёнки раскидывать.

«Видать, не из нашей деревни озорник...» – подумал Куба. Чтобы немного ноги замлевшие расправить, вышел он из укрытия. Прошелся в раздумьи по лугу, к осам присмотрелся: слепили они себе в дикой смородине гнездо большое, наподобие шара серого. На желто-черную иволгу полюбовался, что на ветке бука присела... Солнце всё еще пригревало сильно, и захотелось Кубе хоть на минутку вздремнуть под буком – перед тем, как домой возвращаться. Но снова крепко заснул под шелест листьев бука: известно ведь, что не было в Кокотинце другого такого сони.

Ослабел зной, повеяло прохладой от Жабьей Струги. На разогревшуюся и сухую землю роса пала. Медленно дымка туманная над лугом поднялась, на небе звезды засверкали. А Куба всё спал...

Только близко к полуночи разбудило его гуканье серой совы, что в дупле бука угнездились. Встал Куба с мягкого ложа и осмотрелся вокруг. Молодой месяц над бором светил и серебристо-зеленоватым сиянием землю обливал. Светло и тихо было вокруг, нетронутыми копёнки сена стояли...

Надумал было Куба домой возвращаться, стал шляпу свою соломенную искать, как вдруг зашумело что-то в воде, заплескалось возле плотины – вроде щуки большой или сома. Спрятался парень за дерево, поглядел в ту сторону и... замерло сердце в нем! И диво увидел: вышел из воды на берег молодец статный. Кафтан на нем с красным воротником и шапка на голове алая, как маки. Явственно видно его было – месяц низко над рекой опустился и ярко над головой молодца сиял.

Чудной молодец этот медленно в сторону бука направился, за которым Куба притаился. «Что теперь будет? Что он со мной сделает?» – думал перепуганный хлопец, плотнее к дереву прижимаясь.

Однако молодец в красном кафтане не заметил Кубы, лишь поднял грабли, лежавшие под деревом, и начал по лугу от копёнки к копёнке ходить, разбрасывая сено во все стороны. Рой светлячков возле него кружился, а большеухий старый нетопырь над лугом летал и меньших собратьев за собой вел. Когда молодец ближе к буку подошел, чтобы ложе Кубы раскидать, заметил парень, что из рукавов кафтана вода на сено стекает, и мокнет оно на виду. А следом за молодцом ручейки остаются на покосе...

От Жабьей Струги туман поднялся и так густо над лугом навис, что и молодца странного заслонил, и копёнки сена, и даже месяц. А с ветвей бука то пронзительным хохотом, то тоскливым гуканьем серая сова отзывалась. Из бора ей другие совы вторили...

От испуга ноги под Кубой подломились, и пал он в беспамятстве на землю возле бука.

Так и пролежал до утра, пока солнце своим сиянием в чувство его не привело.

Луг был мокрый, словно после дождя, и, к удивлению своему, заметил Куба на земле глубокие следы копыта конского. Копёнки все до одной пораскиданы были, а клочки сена плавали в Жабьей Струге. Но только было парень за грабли схватился, чтобы сено к сухому месту сгрести, как в ту же минуту все зубья из них посыпались, а держак надвое переломился! Схватил тут бедный парень шляпу свою соломенную и что было духу в Кокотинец помчался, а вода у него из-под ног во все стороны так и брызгает...

Бабка Сквожина как раз похлебку молочную с клёцками на завтрак готовила, когда ворвался в хату внук ее – весь в грязи, промокший, перепуганный и в шляпе, с которой вода капала.

– Да где ж это тебя носило, Куба? – спросила она, повернув к нему лицо свое, от бессоницы бледное, и глаза заплаканные. – Я уж и ждать боялась; думала, ты в лесу заблудился или в реку упал...

Бросился к ней парень и голову свою белокурую к рукам ее прижал.

– Ох, бабушка, знали бы вы, что мне видеть довелось!.. – всё еще дрожа от страха, ответил Куба.

Обняла старушка внука и к столу повела.

– Поешь сначала горяченького, Куба! Потом расскажешь...

Изголодавшийся парень с большой охотой за еду взялся. Никогда еще такой вкусной ему похлебка эта не казалась. Никогда еще убогая хата не выглядела такой тихой и уютной...

– Бабуля... – начал он, когда ложкой до дна миску выскреб. – Был я всё время на лугу и увидел молодца – дивного такого, в алой шапке! Ночью показался он мне у плотины... Из воды на луг вышел... Из рукавов у него вода текла... Все копёнки пораскидал, а сено грязью и водой забрызгал!

– Да будет прославлено имя божье! – поразились старушка и снова к себе внука прижала. – Что ты говоришь, дитятко! Молодец в алой шапке?

– Да, бабушка. Он мне два раза грабли поломал и остревки наши попортил, а потом скрылся в тумане и неведомо где исчез... Уж и не знаю, кто это был и как он прозывается.

– Это Утопец был, владыка речной или молодец водяной, как о нем говорят! – воскликнула Сквожина. – Бывает так, что он людям показывается у плотины, или из-под моста вылезает. Но ты никому в деревне не говори, что тебе Утопец показался, а то еще беда с тобой приключится: не любит этого владыка речной!.. Он, Утопец-то, упрямый очень и над людьми всяко подшучивает – то пьяниц по болоту водит, то бездельников в грязи купает. Но пуще всего над ленивыми да сонными парнями на лугах прибрежных озорует. Завсегда сено у них пораскидает, да вымочит...

Куба краской залился и голову опустил.

– Видно узнал речной владыка, – продолжала бабка, – что ты мало о сене заботишься, что вылеживаешься слишком, вот он и наведалься на наш луг и озорство учинил.

– А где же он сидит, Утопец этот? – спросил Куба. – И откуда вдруг на лугу следы конские, словно там жеребец деда Петраша скакал?

– Сидит Утопец в Жабьей Струге, на самом дне: ложе там у него из водорослей устроено, – ответила Сквожина. – Ночью он на берег вылезает, а днем спит себе на ложе том: солнца не любит. А вместо ноги левой – копыто у него.

Полными слез глазами посмотрел Куба на бабку.

– Что ж нам делать теперь? Что с нашим сеном будет? – с огорчением спросил он.

– А ничто, внучек! Пойдем вдвоем на луг, да и поправим шкodu, что Утопец натворил. Нельзя нам корову и овечек на зиму без корма оставить!

Выбрала старушка самые лучшие грабли для себя и внука. И не глядя на лета свои преклонные, на луг пошла. До тех пор вместе с Кубой трудились, пока у них сено опять не высохло, а конек старый не отвез его на сеновал.

С того дня забыл Куба про леность и сон – работать начал прилежно, однако в сердце всё время чувствовал страх перед Утопцем. И потому задумал изгнать его из логова, что на Жабьей Струге было: хотел не допустить больше на луга озорством заниматься.

«Бабуля говорила, что владыка речной на дне укрылся, где вода поглубже, и ложе у него там устроено... – думал он, сидя однажды под буком. – Ох, надо бы ему это ложе неудобным сделать, чтобы он прочь удалился!»

Когда раздумывал так Куба, взгляд его дольше останавливался на гряде полевых камней, которые еще отец его насобирал с лугов и пашни. По обычаю деревенскому, были они аккуратно сложены в большую кучу: могли в хозяйстве когда-либо пригодиться. А лежали совсем близко от плотины.

В голубых глазах парня искорки озорные блеснули, усмехнулся он сам себе хитро и к камням подбежал. Хватал их сразу по два и бросал в Жабью Стругу, где вода поглубже была.

– А вот тебе подушки, а вот тебе перина! – приговаривал Куба. – Обобьешь теперь бока себе, герман противный, и прочь пойдешь!

Но Жабья Струга оставалась спокойной, ничего не случилось, только круги от камней по воде пошли...

Несколько дней Куба спокойно жил. Уверился паренек, что прогнал Утопца из глубин Жабьей Струги, и радовался этому. Мало-помалу стал он к своим давним привычкам возвращаться: от работы отлынивать и чаще, чем следовало, на солнышке вылёживаться.

Осень уже приближалась, и самое время было, чтобы дров на зиму припасти. В бору, что недалеко от Кокотинца находился, уже вовсю дровосеки трудились, а среди них и двое дядьев Кубы. Крепкие это мужики были, трудолюбивые, поэтому и вереск еще не зацвел, а уж наготовили они для старой Сквожины две полных сажени дров сосновых, как надо поколотых. Оставалось только перевезти их во двор, и сделать это Кубе поручили.

Обрадовался парень: любил он в лес ездить. Потому еще до рассвета поднялся, коня накормил и водой колодезной напоил досыта. Поехал. Телега катилась быстро – сначала через жнивье, на котором гусята колосья оставшиеся подбирали, потом – через сумрачный бор, где свежей хвоей пахло.

Около полудня конька пегого на край лесосеки пастись пустили. Куба выпряг его на время, пока телегу доплатна дровами нагрузит. Дровосеки в тени отдыхали, на ели дятел монотонно постукивал, а среди вереска первая брусника заалела...

Куба работал проворно, ловко, – рад был, что доброго топлива дядья наготовили. Скоро воз был нагружен, пихтовыми ветками сверху прикрыт: когда подсохнут они, хорошая растопка из них получается.

Пегий конёк охотно тронулся в обратный путь. Выехал Куба из лесу, жнивье обширное миновал и, вскоре по полудню, увидел голубую ленту Жабьей Струги, а тут близко и плотина, за которой луг бабкин раскинулся. Но тут почувствовал парень, что очень устал. Съехал с дороги в сторону и, поставив воз под березками, задремал, на телеге сидя. Пегий конёк тоже глаза свои ласковые прикрыл: рад был, что и ему на этом долгом пути отдохнуть немного припало.

Снилось Кубе приятное: жареный кролик и миска похлебки жирной, калач и жбан с молоком, бук на краю луга и копёнки сена, стоявшие в полном порядке. Поэтому проснулся он веселый и, на конька своего прикрикнув, собрался дальше ехать.

Рванул конёк раз, другой, третий... Телега словно бы в землю вросла – даже не дрогнула, ни на вершок не продвинулась!

– Но-о-о! Но-о! – покрикивал Куба.

Конёк снова поднатужился, рванул, но и на сей раз не сдвинул телеги с места. «Замучилась скотинка моя! – подумал Куба. – Чересчур много дров на телегу нагрузил. Пожалуй, надо бы сбросить немного, да потом еще раз приехать».

Соскочил он с воза, ветви пихтовые, что на верху лежали, в сторону отгреб. Глянул на дрова и рот открыл от изумления и страха...

– Чары какие-то, колдовство! ... – прошептал в ужасе.

Даже плюнул трижды через левое плечо по обычаю старинному – чтобы беса отогнать. На возу, вместо сосновых поленьев, лежали... те самые камни, которые он недавно в реку побросал, чтобы Утопца из логова его выгнать!

– Вот бес противный! – гневно бормотал Куба, выбрасывая камни из телеги в канаву. –

Вот сатана окаянный! И не заметил ведь, когда он камней в телегу насыпал...

Что было делать? Поскорее работу закончив, повернул Куба назад к лесу: надеялся, что быть может дядьев там застанет и упросит их хоть немного еще дров дать.

Почуяв, что телега снова легкой стала, конёк пегий рысцой обратно к лесу затрусил через жнивье и луга.

Вечер уже близился, давно уже с порубки дровосеки ушли, а меж деревьев темнота холодная затаилась. Белесоватые еще звезды хмуро на парня поглядывали из-за облачков, у которых заходящее солнце края позолотило.

Глянул Куба и, оторопев, снова диво дивное увидел. На лесосеке те самые дрова лежали, которые он днем забрал! Да ровненько так в сажень уложены, вроде бы он их с места не трогал!... Ну, тут уж парень мешкать не стал – живёхонько за работу взялся и даже усталости не почуял. Скоро он снова воз нагрузил и домой поехал. И хотя только к полуночи до хаты добрался, но спать ему вовсе расхотелось от приключений таких!

С того времени совсем работающим и внимательным Куба стал, а в хозяйстве у него под руками всё гладко пошло. Понял Куба, что не Утопца надо из реки гнать, а леность из самого себя вышибать! И больше никогда уже с тех пор Утопец ему на плотине не показывался!

БЕСКИДСКИЕ ЛЕГЕНДЫ

КАК МЕТЕК ОБЛАЗ В ГОРАХ ЗАТЕРЯЛСЯ

Жил некогда возле Бараньей Горы молодой крестьянин. Звали его Метек Облаз. Люди говорят о нем, что был он веселый, живой, но пуще всего – искусно играл на скрипке.

Хозяйство у него было небольшое и небогатое, а находилось оно высоко – почти что у вершины седой горы, возле последних пихт горного леса. За ними, словно ковер зеленый, только пустынное и дикое пастбище расстилалось.

На краю этого горного пастбища еще деды-прадеды Метека большую кучу камней сложили – все одинаковой величины. Говорят, что собирались из них амбар крепкий построить, однако по неведомой причине так и забросили это дело. Оставили молодому хозяину камни эти на лугу, да хату под старой черешней, а в хате – старинную вещь: яворовую скрипку крепкой, искусной работы.

Любил на ней Метек играть, как отец и дед его, только играл куда лучше них. Да и сам был парнем красивым – черноокий, статным, рослым.

Когда утром, бывало, овечек на пастбище выгонял, то всегда садился на поваленном буре, что лежал напротив сложенных камней. Глянет на горы и поляны, от встающего солнца порозовевшие, на склоны горные, еще туманом повитые, на небо ясное, да и начнет играть.

И всегда звуки скрипки иными были: то печальными – словно на каменистую землю жаловались, что лишь ячмень низкорослый рождала; то сладкие и трогательные – будто парень с любимой дивчиной беседует; то, бывало, огненные и дикие – как старинная разбойничья песенка или как «овензёк»¹, при котором и свистнуть, и громко крикнуть полагается.

Все окрестные мужики и бабы охотно игру Метека слушали. Бывало, начнут крестьяне на соседнем лугу сено косить или ворошить, а тут Метек заиграет – они косы побросают, руки в боки упрут и давай притоптывать! И так в этом танце на месте топчутся, словно тетерева во время токования. Случалось, идут бабы с кошелками на торжище в Истебную или в Коняков, а Метек в то время на скрипке так нежно играет, что у них сердце выскочить готово. Остановятся женщины, слушают, а которая и всхлипнет украдкой, припомнив годы свои молодые, веселые...

Когда же девушки неподалеку ягоды собирают или венки на праздник плетут, да музыку Метека слышат – тотчас у них охота пропадает и к ягодам, и к цветам: вздыхать начинают, в воду зеркальную глядеться, да о помолвке мечтать. А порой и так бывало, что Каролинка или Ягнешка усядется на траве возле Метека, головку темноволосую назад откинет и, словно пташка лесная, песней сердечной зальется:

*Если б я знала,
Где он, мой единый?
Принесла б ему я
Сладенькой малины...*

Старая мать Метека, в белехоньком чепце с кружевцом накрахмаленным, как только сын играть начнет, из хаты выйдет и, козырьком ладони глаза от солнца прикрыв, начнет высматривать – где Метек? Радовалась она, что вырос он таким красивым и веселым, что играет на скрипке хорошо, что девчата ему подпевают.

И вот однажды наступил июльский день – тихий и ясный. В долине, возле хат, розы запахи чудесный источали, а на лугу свежескошенным сеном пахло.

Вышел Метек на луг. Скрипку любимую с собой принёс, на поваленный бук сел и, как мог душевнее, заиграл, солнце восходящее встречая. Разнеслись вокруг звуки чудесные, чистые. И было в них всё сердце Метека – искреннее и юное.

Не думал Метек, что кто-то в безлюдьи этом находится, что тайком его слушает и зорких глаз не спускает с красивого лица парня. А были эти глаза темно-изумрудные, со странными удлиненными зеницами... Но Метек продолжал играть, ничего не замечая: звуками своей скрипки горы величественные прославлял, где вырос, словно елочка на краю горного плато.

¹ Овензёк – бескидский народный танец.

Вдруг зашелестело что-то в сухой траве прошлогодней, возле самой груды камней. Ска- тился оттуда один камень, другой, третий... Сверкнуло среди них нечто – вроде бы золотая монета, кем-то потерянная. Встревожились шмели, даже мёд перестали собирать на чабреце, что ночью расцвел. А мышка полевая, которая под кустиком земляники сидела, стрелой в норку юркнула.

Снова что-то блеснуло среди камней. Перестал Метек играть, скрипку на колени поло- жил и посмотрел туда удивленно.

Диво какое-то! Диво... Видно, из тех, о которых мать ему в долгие зимние вечера расска- зывала – когда еще он малышом был и сказки любил слушать...

Перед ним вдруг змея появилась – будто ее груды камней извергла! На спине змеи по- блескивала серебристо-серая чешуя, похожая на искусно выкованную кольчугу. Огромна и величественна она была, а на голове у нее – корона из чистого золота. Этот-то знак королев- ский и сверкал на солнце, когда камни посыпались.

Немигающими глазами своими глядела змея на Метека. А были они зеленые, как изум- руд драгоценный, только зрачки какие-то странно удлинённые.

– Ох, сила крестная, это же Змеиный Король... – прошептал парень. – Сам Король!

По рассказам матери знал Метек, что живет Змеиный Король в скалистой пещере под Бараньей Горой и неохотно людям на глаза показывается. Но если и появится перед челове- ком, то разве лишь когда привлечет что-либо необычное – выманят его из пещеры чьи-то песни дивные или музыка веселая. И тогда никому он ни малейшего вреда не причинит. По- этому Метек снова скрипку поднял и начал играть.

Тем временем Змеиный Король к самым ногам хлопца приблизился и в клубок свернулся – только голову с короной и верхнюю часть туловища поднял. Слушая игру Метека, он с достоинством покачивался в странном змеином танце. Корона его, из золотых веток и листь- ев сплетенная, бросала вокруг отблески, словно лучи солнечные.

Долго слушал музыку Змеиный Король – пока не устал Метек и не кончил играть. Тогда

повернул Король голову к парню и заговорил человеческим голосом:

– Очень ты меня порадовал, человеке! Красиво и звучно играешь – далеко тебя слышно. И потому явился я сюда с Бараньей Горы, чтобы посмотреть: кто это так на лугу играет? А это ты, оказывается! Вижу – молодой ты и красивый. Скажи мне, как тебя зовут?

– Метеком при крещении нарекли. А по отцу – Облаз...

– Есть ли у тебя хозяйство?

– Да, есть небогатое. Во-он там!... Видно нашу хату отсюда – под черешней стоит! Двое нас только на свете – матушка и я...

– Бедно живешь, – молвил на это Змеиный Король, – небольшое стадо пасешь на лугах... Но в глазах твоих веселость замечаю: когда играешь, гордо держишь голову – будто пан богатый и могущественный!

Улыбнулся Метек и так на это ответил:

– А чем же я не пан, ваша милость, Король? Живу в горах, люблю их сильно. Они для меня – весь свет белый! Надо мною лишь небо лазурное, да солнце. Солнцу одному я послушный и облакам, которые его закрывают порой. Они мне указывают, когда на косовицу идти, а когда – жатвой заниматься. По их воле и луга весной зеленеют, и черешня цветет, и ягоды в бору алеют!.. Под такой властью любо жить человеку – вольный он! Вольный, как пан!

– Мудро говоришь! – важно и степенно ответил Король Змеиный. – Теперь не дивлюсь тому, что игра твоя столь радостна и приятна всем, кто слушает тебя. Звучит она среди гор, красу их хвалит, да и твою жизнь тоже, человек!..

– Да, так оно и есть! Потому, что красиво тут у нас, и люди добрые вокруг живут. Почему же не хвалить их?

Но Змеиный Король ничего уже больше не сказал: скрылся так же тихо, как и явился – среди цветов и трав исчез. Однако с того времени часто к Метеку навещался и охотно слушал, как тот играет. Потом по-дружески беседовал с парнем и всегда за игру благодарил.

Минуло лето. Отцвели горечавки, отцвел и вереск под пихтами. Собрали девушки всю бруснику в лесу. С каждым днем всё холоднее становилось – знобкий ветер подул с гор, сбрасывая на землю последние буковые листья пурпурные.

Реже теперь Змеиный Король с Метеком виделся. А однажды – в поседевшее от заморозка утро – и вовсе на луг не явился: не вышел из серых камней. К тому времени листья горечавок совсем пожелтели и, морозом побитые, на землю опали. Понял тогда Метек, что Змеиный Король, по обычаю рода своего, в глубокий сон зимний впал и скрылся во тьме скалистой пещеры под Бараньей Горой...

Далеко весть о Метеке Облазе разошлась. Знали о нем горцы из Муңцула и все жители окрест Бараньей Горы. Об искусстве его даже на ярмарке в самом Бельске рассказывали, а когда бывал он на «отпущении грехов» в Истебной или Конякове – друг другу на красоту парня показывали.

– Очи у него, словно у сокола... – шептались между собой девушки, если заходил он порой на воскресное гулянье вечернее.

– Никто так олензёк ловко не танцует, как Метек! – говорили гости на свадьбе в Кичоре.

– Никто так не сумеет играть, как он... – рассказывала соседям мать Метека. – Любит мой сын горы наши и леса. Радуетя всему, потому что молод...

Неудивительно поэтому, что вскоре весть о дивном скрипаче и до Вены долетела – до самого императора.

А как раз в это время масленица была.

Надоели императору австрийскому все гости его, что в золоченых каретах ко дворцу императорскому каждый день съезжались на балы, да маскарады. В сон его тянуло от слов льстивых, которые только и слышал от толпы льстецов придворных. Дамы в кружевных нарядах и шелках расшитых куклами ему казались, а кавалеры их – паяцами, шутами.

И захотелось императору перемены. Когда услышал он слово о Метеке Облазе – молодом музыканте с далеких Бескидов – тотчас же приказал вызвать его в Вену. Пусть-де при дворе императорском игрой своей потешит государя милостивого и достойных гостей его.

По приказу императора маршал двора послал в далекую горную деревню отряд воинский – все на конях вороных. А были эти солдаты одеты в треуголки с эмблемой императорской, в синие мундиры с красными воротниками и обшлагами, да в ботфорты лакированные – будто на праздник какой собрались!

Дивились им люди в тех местах, где солдаты проезжали, на офицера с длинными усами и огромной саблей глазели. Долго, с любопытством, отряд императорский взглядом провожали – пока не исчезал он за холмом или за лесом пихтовым.

Но вот день наступил, когда и в горах императорские посланцы появились. Заржали их кони среди заснеженных лесов, на каменистой дороге, что высоко в горы вела – под самую вершину Бараньей Горы, к хате Метека.

Забренчали в сенях шпоры. Изумленная, испуганная вышла старая крестьянка на порог – в чепце белом на голове и в расшитой безрукавке овчинной. Поклонилась солдатам и, по старому обычаю, в хату гостей пригласила. Любопытно ей было – чего это они в такую глухомань из далекой стороны забрались?

Вошел в хату гвардейский лейтенант императорский. Поднялся ему навстречу молодой крестьянин: он в углу под образами сидел, ужинал.

– Садитесь за стол, пан офицер! – пригласил гостя.

– Охотно сяду, отдохну под вашим кровом, парень. Долог путь к вам из нашей Вены!

Подала ему старушка миску похлебки, кашу и хлеб, мёду в кубок налила. Никак не могла уразуметь: по что, аж из самой Вены к ним солдаты приехали? А лейтенант поел с аппетитом, мёду выпил и после ужина о деле своем рассказал. Приглашает-де сам император музыканта молодого к себе во дворец, а это большая милость для старухи и Метека.

Старушка руками от радости всплеснула, но вдруг затрепетало в ней сердце, сжалось оно от боли и страха: жив ли, здоров ли вернется сын с такой дальней дороги, да еще перед лицом императора побывавши? Не разгневается ли на что-нибудь император и министры его грозные, да неласково с сыном обойдутся или накажут строго?..

Однако, что поделаешь? Приглашение императора ничего другого не означало, как только приказ! Пригласил – значит повелел!

И поехал Метек с солдатами, на жеребце своем сером. А разделся – как на свадьбу. Белые штаны на нем горские, с красной расшивкой, рубаха богатая, с серебряной застежкой у шеи, безрукавка новая, накидка со шнурами, еще отцовская, да пояс, медными бляхами украшенный. По местному обычаю Метек накидку эту на плечи набросил, оставив один рукав зашитым: в нем-то и спрятал он свою чудесную скрипку.

Долго они ехали – через горы, на которых снежные шапки лежали; через потоки, мостами связанные; через города и деревни; через старые леса сумрачные... Но вот засверкала перед ними Вена – окна дворцов и домов богатых ярко освещены, а ветер с голубого Дуная ласково путников встречает.

Шумно в городе, людей на улицах множество, упряжки богатые мелькают перед глазами, а веселые девичьи очи вслед отряду конному глядят. Всё это так Метека отуманило, так зачаровало, что и сам он понять не мог – что с ним творится.

Недолго отдохнув в казармах императорской конницы, направился Метек в роскошный дворец. И только лишь ступил туда – слуги сказали ему, что император повелел лейтенанту и молодому музыканту тотчас к нему явиться.

Пошли они вдвоем, вслед за слугами, по коврам пушистым, по лестницам из белоснежного мрамора. Миновали десять, а может и двенадцать покоев, пока в одном из них, самом пышном, не увидели императора. Сидел он в кресле пурпурном с золочеными подлокотниками, а вокруг него – большая толпа молодых и старых дам, разодетых в шелка и кружева. При них находились кавалеры в богатых мундирах и золототканной одежде придворной. И такие все они были разнаряженные, что Метек не знал, на которого из них раньше глядеть.

Все в этом покое стояли – только один император сидел. Завидев Метека, державшего в руках старинную горскую скрипку дивной работы, придворные зашептались меж собой. Некоторые даже головой покачали, красоту молодого крестьянина оценив, а дамы помолже какими-то замечаниями обменялись, губки всерами прикрывая.

Поклонился Метек императору, как полагалось, потом придворным его, министрам и дамам.

Император милостиво рукой знак ему сделал – играй, мол! Со всех сторон на юношу множество глаз устремилось – темных и светлых; некоторые – снисходительные к простому горцу, а некоторые – недоверчивые и насмешливые.

Но сам Метек не смотрел на них – ни на императора, ни на придворных его. Достал из рукава накидки смычок, скрипку яворовую положил на левое плечо, подбородком прижал и... Показалось ему, что от струн громкозвучных и деки старой пахнула на него дивная улада какая-то, и отрада необыкновенная, словно рука матери на плечо его легла...

И начал Метек играть. Глаза огненные прикрыл, а мыслями весь в горы свои любимые перелетел. Легкими и тихими поначалу были звуки скрипки – будто листва буковая летнею порою шелестит. Потом трогательными и грустными стали – как весенний плач кукушки, что в лиственнице тоскует. Наконец повеселела мелодия и громко так, на разные голоса, зазвучала, словно чижи и дрозды на черешне возле хаты Метека распелись. Чарующими были эти звуки скрипки яворовой и за сердце всех придворных хватили. Дамы платочки душистые к очам поднесли, кавалеры тайком вздыхать начали. Даже император головой лысой покачивал, на лице его жирном и румяном, с рыжими бакенбардами, улыбка легкая мелькнула.

А Метек по-иному стал играть. Сперва медленно, степенно и грустно, а потом вдруг посыпались из-под его смычка звуки чистые, дробные, будто мак. Только одна нотка прозвучала, а за нею уже другая спешит! И летели они тесной стайкой, как чистые капельки из туч, что весной над горами моросят...

Смеялась, пела, шутила скрипка яворовая. Всё громче звучала в покоях императорских задорная, плясовая мелодия. Каждого она трогала чарами особыми – то огневая и грустная одновременно, то извечно старая и молодая сразу. А был это овензёк – танец народный из Конякова и Истебной.

И казалось людям: ... вот юноша-дирижер первую строчку песни запел, потом притопнул на месте и склонил хор, чтобы дальше его мелодию подхватил. А когда скрипачи и парни, что на гайдах¹ играют, призыв его слышали – начал юноша кружить по середине хаты, да на стоящих вокруг девчат поглядывать – будто выбирал то одну, то другую. Потом махнул рукой, словно отказался от выбора, но тут же знак дал и по имени девушку из толпы вызвал, чтобы с облюбованной плясуньей своей потанцевать... Много было в этом народном танце поворотов искусных и красивых, этакое молодецкое притоптывания ногой о пол, взглядов огненных, улыбок ласковых!

Хорошо умел Метек выразить всё это звуками скрипки яворовой, да к тому же еще и красиво сыграть! Забыл он в ту минуту, где находится, и кто смотрит на него. Видел перед собой только горы любимые – то в багрянце заката, то в изумрудных коврах лугов, то в наряде лесов пихтовых, через которые, словно шитье серебряное, текли шумные потоки.

Играл Метек, слегка откинув назад красивую и гордую черноволосую голову, с румянцем на смуглом лице, и с огоньком в очах.

А император, важно восседая на пурпурном кресле, явственно, хоть и не сильно, украдкой, притоптывал о пол ногой в лакированной туфле. Министры же, руки в бока уперев, гордо поглядывали друг на друга – ну, совсем так, как это в овензёке делают танцоры-соперники! Некоторые даже громко ногами в пол ударяли, пританцовывая на месте, позабыв об этикете придворном. Еще бы немного, и подхватили бы они дам, чтобы затанцевать, да поскакать по залу, покрикивая задорно – как это развеселившиеся горцы с Бараньей Горы делают...

Но тут Метек закончил играть и стоял, тяжело дыша, с горящими глазами, словно только что очнулся под взглядами императора и его двора.

– О, какой великолепный музыкант! – слышалось вокруг. – Какой у него чудесный инструмент! Какой чистый тон!

– Кто бы мог предположить, что простой крестьянин сумеет так владеть смычком!

¹ Гайды – народный музыкальный инструмент наподобие дуды: состоит из кожаного мешочка, соединенного с пищалкой.

– Я думала, что не удержусь и пойду танцевать, несмотря на присутствие его величества... – говорила одна дама другой.

– Захватывающая мелодия!

– Необычайная... Неслыханная!

– Прекрасная!

Император жестом руки подозвал Метека. И когда Метек несмело сделал несколько шагов к нему, император сказал:

– Мне нравится твое искусство, юноша. Я хочу, чтобы ты был здесь, при моем дворе. Поэтому останься во дворце – не пожалеешь: всё у тебя будет! Своей игрой станешь ты развлекать нас самих и достойное общество венское...

Повелел тут император подать Метеку кошелек с деньгами.

Поблагодарил Метек императора за этот дар и за милость к нему, но в душе понял всё и задумался горько: такое приглашение означало всю жизнь в клетке золотой провести, от милости и немилости императора зависеть. Понял еще, что будет страшно тосковать по горам любимым, по матери родной, по далекой горной деревне...

Встревожила парня милость императорская, напугало приглашение властное. Однако ум его рассудительный, хороший совет тут же подсказал:

– Государь мой милостивый! – сказал он, подождав немного, будто придя в себя после счастья такого неожиданного. – При дворе вашем остаться, – это большая честь для меня, и от всего сердца благодарю за нее. Однако, позвольте мне слово молвить: до того, как мне тут в Вене навсегда остаться, разрешите еще раз в горы съездить, с матерью старой проститься?

Все окружающие сочувственно головами кивнули, а император промолвил:

– Достойна похвалы твоя сыновняя привязанность! Поезжай же к себе в горы, юноша, простись с матерью. Но к весне возвращайся к нам, в Вену!

Вот так и удалось Метеку, хоть и на короткое время, вырваться на свободу из клетки золотой.

Вернулся Метек домой в солнечный день зимний. А ехал он всю дорогу на сером коне собственном, которому в Вене купил уздечку, серебром украшенную. Люди по пути встречали его, как важную особу, из окон ему глаза девичьи улыбались. Но парень ни в одной деревне не остановился, не поговорил ни с кем – домой торопился. Скакал по дороге, что высоко в горы ведет меж заиндевевших пихт – к вершине Бараньей Горы, где его хата стоит. К матери спешил!

Издалека заприметила сына обрадованная старушка. Скорее дров в печку подбросила, горшок с борщом ближе к огню подвинула, а рядом – еще горшок, с клецками. Сама же, как возилась у печи в безрукавке – за порог хаты выбежала: встречать Метека после дальней дороги.

– Вернулся, сынок мой ненаглядный!

– Здравствуйте, матушка! Вернулся...

Сердечно обнял Метек старушку, руки ее натруженные поцеловал, а она – в радости несказанной – скорее Метека в хату повела.

Пока уставший от долгого пути конь уже овсом в теплой конюшне лакомился, а молодой скрипач борщ и клёцки доедал, начала старушка расспрашивать сына про Вену, про императора и двор его, про дорогу дальнюю. Любопытно ей было – каково-то пришлось ее дорогому сыну в том далеком свете?

– Хорошо, матушка, всё хорошо! – с этими словами положил Метек на стол кошелек с деньгами.

А когда мать села кудель прясть и с любопытством поглядела на него, ожидая рассказов, Метек обо всем ей поведал, ничего не утаивая. Встревожилась старушка, слезами залилась. Не было и для нее тайной, что милость императорская – это приказ. Ни обойти его, ни воспротивиться...

В долгие зимние вечера шила она сыну рубахи нарядные, красивой стёжкой камзол расшивала, сырки над огнем сушила – в дорогу неблизкую. Так и шло время. И оглянуться мать с сыном не успели, как на лугах снег уже начал таять. А из-под него сначала робко, по одному, а потом уже пучками, начали выглядывать подснежники. Следом за ними появились белые и лиловые крокусы, ветер ласковый и теплый подул, помог почкам расцвести на старой черешне, пташек разных петь сманил...

Была это первая в недлинной жизни Метека весна, когда не радовался он ни солнышку, ни бурливой воде горных потоков. Наступал несчастный день, когда ему предстояло расстаться с матерью и родным домом, с горами любимыми и свободой... Как жаль ему было покидать пихты зеленые, шумные потоки и луга горные!

Однажды утром взял Метек свою яворовую скрипку и пошел на луг, чтобы с родными местами на долгие годы проститься. Как всегда сел на поваленный бук, напротив груды камней, и повел очами по лесам далеким, по долинам цветущим, по вершинам гор, на которых еще снег лежал. Только печальными были теперь глаза эти, и слезы в них крупные блестели. Зарыдала и скрипка: лилась по горам песня грустная о яворе, который засыхает, потому что злые люди обрубили у него кроны:

*Явор зеленый,
Где твои кроны?
Их люди срубили,
Что в полночь тут были...*

Долго играл Метек свои печальные мелодии, давно уже прозвонили в костёле к поздней обедне. Когда солнце к западу склоняться начало и над потоком в долине медленно туман седой стал подниматься – зашуршало среди камней и блеснуло что-то под солнцем: словно бы потерянная монета.

Поглядел Метек на камни. И опять то самое диво увидел, что и летом: Змеиный Король в золотой короне. Явился сюда из далекой пещеры, скрытой где-то в скалах у подножья Бараньей Горы. Пробудила его от глубокой дрёмы пришедшая в горы весна, привлекла на цветущий луг Метекова скрипка. Спустился он с груды камней и у ног парня в клубок свернулся, как прежде, только голову высоко поднял. Корона его отбрасывала во все стороны золотистое сияние.

– Вот и снова мы с тобою свиделись, Метек! – человеческим голосом промолвил Змеиный Король. – И очень я рад этому. Но скажи мне – почему ты так печально играешь? Глаза у тебя тоскливые, и лицо изменилось. Скажи же мне, что тебя тревожит, а я попробую помочь...

Опустил Метек скрипку яворовую, с благодарностью посмотрел на змею и сказал:

– Правду говоришь, ваша милость, Король! Грустно мне очень, и потому тоскливые песни сегодня играю. А всё это из-за того, что расстаюсь я с матушкой родимой, с горами, со свободой...

Проницательно посмотрел на него Король глазами изумрудными.

– Как это так? – недоверчиво спросил юношу. – Хочешь покинуть горы? Бросить мать и

хозяйство отцовское?!

– Да... – прошептал Метек, и по лицу его две слезинки горькие скатились.

– Но скажи, почему так получилось?.. Говори же, человек! – беспокойно зашипел Змеиный Король. И тогда Метек рассказал ему обо всём, что случилось в Вене.

– Нет, не уедешь! – очень строго и важно сказал на это Король. – Не печалься: никогда этого не будет, потому что ты горячо любишь горы и оттого так чудесно играешь, что сердце твое этого жаждет. Над сердцем даже император не властен!

Сказав это, Король качнул головой.

Упала с его головы корона золотая и, излучая дивный блеск, прямо к ногам Метека подкатилась.

– Оторви теперь от моей короны один листочек, спрячь на груди и всегда носи при себе! – сказал Змеиный Король. – Даже крохотная частичка моей короны делает невидимым того, кто ею обладает. Видеть тебя будет только тот, кто больше всех любит!

– Матушка! – радостно прошептал счастливый Метек.

– Да, мать и... я! – добавил Змеиный Король.

Никто во всех Бескидах так никогда и не узнал, как и почему навсегда исчез Метек Облаз из глаз людей. Сначала думали, что скрывается он где-то на самой вершине Бараньей Горы – порой доносились оттуда далекие звуки его скрипки. Не один раз искали его люди – не нашли и следа юноши. Тщетно разыскивали его солдаты императорские: все Бескиды перетряхнули, но и они не нашли.

Метек исчез.

Говорили о нем, что в горах затерялся... А другие иначе рассказывали – будто его скалы поглотили: не хотели, чтобы ушел из Бескидов тот, кто их так горячо любил.

Только мать старая знала, что это листок с короны Змеиного Короля скрывает ее сына от глаз людских и хранит от приказа императорского. А Метек по ночам приходил домой и, как надлежало хорошему крестьянину, хозяйство свое исправно вел. Днем же сидел высоко на горном лугу, овец пас и на скрипке играл. Тогда выходила мать его на порог хаты, да смотрела издали на сына. Счастлива была, что он при ней остался и что не запрятали его в золотую клетку неволи императорской, во дворце...

ПОРАБОЩЕННАЯ ВОДА

В давние-предавние времена притащился в Бескиды огромный дракон. И были у этого жестокого и кровожадного чудовища когти рыси, зубы волка и сила ста самых больших медведей. А вместо шерсти или перьев было оно покрыто панцирной чешуей, которую не могли пробить ни стрела летучая, ни копье острое, ни меч стальной – ломалась сталь, а железо в стружку свивалось, когда касалось пластин костяных, что на хребте у дракона торчали.

Девятью парами глазищ смотрело чудовище на свет белый. А горели они хищно на девяти головах, ошетиленных острыми шипами. Из девяти пастей дракона извергался клубами темный дым, который наподобие облачка взлетал всюду, где только появлялось чудовище.

Долго ходил дракон по горам и долинам, долго высматривал в Бескидах местечко поудобнее – для логовища. Однажды, ранним летним утром, притащился он к горе Раховец и стал взбираться по склону – к вершине, старым лесом поросшей.

– Красивая гора! – проворчал дракон и стал принюхиваться, втягивать в себя воздух со всех четырех сторон света. – Не слишком высокая и не очень низкая... Всюду поляны и луга среди леса. Сюда люди стада свои пригонят. Чую запах овец и коров... О, какой приятный запах! Сейчас бы обед хороший сгодился, но больше всего жажда меня мучит. Ближе ручей... А тут и второй! Там – третий...

Склонил дракон самую большую пасть к чистой воде потока и жадно пить начал.

– Угмм... Холодная... чистая водичка! Не пробовал еще такой вкусной!

Ворча от удовольствия, двинулся дракон напрямик через чащобу, чтобы обойти вокруг Раховца.

С обхода этого вернулся он довольный: не два и не три, а девять потоков с холодной, живительной водой нашел он на своем пути. Все они текли с вершины горы в долины, где

три сестры-реки – Сола, Рыцера и Рава – быстро несли свои воды среди лиственничных рощ, пихтовых лесов и шумящих полными колосьями полей.

Горные потоки питали реки, речушки и ручьи в долинах. Повсюду буйно зелень росла. Радостный мир был вокруг. Всё благоухало и цвело.

«Девять потоков сбегает по склонам этой горы... – думал дракон. – У меня девять голов, а стало быть и девять отличных пастей, которые охотно пьют такую прозрачную, чистую и холодную воду. Здесь каждая моя пасть может пить из отдельного потока! Вот это действительно радость!.. Решено: остаюсь на этой горе! Где еще найду я такие удобства?»

Утолив жажду, утомленный долгой дорогой, улегся дракон спать. Забрался в самую чащу и вытоптал себе ногами логово в темном и глухом уголке, где мох погуще.

Спал он до самого вечера, а храп его девяти голов над Раховцем звучал, будто раскаты грома близкой бури.

Когда на западе потускнела заря вечерняя – пробудился дракон и на охоту отправился. Повезло ему: четырех оленей пожрал, которые неосторожно к чаще приблизились, где чудовище притаилось. Потом выкопал себе дракон на склоне Раховца, почти у самой вершины, такую глубокую и обширную пещеру, что мог теперь спать внутри горы. А при входе в это логово – чтобы от врагов уберечься – нагромоздил он огромные и причудливые обломки скал.

Если посмотреть на них – вроде бы сени рыцарского замка напоминали. Заканчивались они большим и низким каменным отверстием, самой природой устроенным наподобие дверей.

Удобным и тихим для дракона было это логово. Однако девятиголовое чудовище охотнее бродило по лиственничным рощам у подножия Раховца, либо по берегу самого глубокого и широкого потока. Ловчее ему было добычу там подстеречь, да и на солнышке любило оно погреться. К потоку этому приходили напиться воды олени и лани, а люди туда стада свои пригоняли, когда с отдаленных пастбищ в Кичору или Забаву возвращались.

Как-то молодой пастушок задумал грибы собирать меж лиственниц, да и оставил овец возле потока пастись на сочной и густой траве. А сам в лес подался. Когда же вернулся с кошелкой полной рыжиков, не нашел оставленных овец. Тщетно искал он их в лесу и звал громко. Тщетно плакал от страха и горечи – овцы исчезли бесследно, словно в воду канули!

С того дня стали пастухи не досчитываться овец в своих стадах. С лугов же, что на склонах Раховца были, всё грознее вести стали приходиться:

– Видать, оборотень какой-то пошаливает!..

– Уж не бес ли адский логово себе устроил на нашей горе?

Охотники тоже заметили, что в лесах всё меньше становится оленей, кабанов и ланей.

– Хитрый ловец дичь гонит: убывает зверь, а неизвестно – когда и как...

– Да, видно, жестокий пожиратель там орудует: ни тетерева, ни зайца теперь не увидишь!

– Ну, ежели так, – сказал своим озабоченным соседям Гжимек Ковальчик, самый большой удалец и смельчак во всей деревне, – то надобно этого пожирателя выследить и усмирить его, пока он и к нашему горлу не подобрался!

В тот же день смастерил он себе кошки¹ железные – такие, какими бортники² пользуются, когда на деревья взлезают. Приготовил себе Гжимек топор, хорошо отточенный, и долото. Утром, еще и заря не разгорелась, – залез удалец на самую макушку огромного бука, да и притаился в такой густой листве, что снизу его и не видно совсем.

А рос этот старый бук на верхнем склоне Раховца и был такой высокий, что хлопец мог взглядом всё пространство вокруг окинуть: и леса ему видны были, и поляны, и луга, разбросанные среди малинника, и лещины на всем склоне Раховца, что полого спадал к берегам Равы. То тут, то там, различал Гжимек голубоватые ленточки потоков, а так как глаз у него был соколий, то уже в тот первый день заметил он клубочки дыма, что над самой чащобой под-

¹ Кошки – специальное приспособление для влезания на столбы и деревья: имеет форму серпа с зазубринами, металлические пластинки для ног и ремни для закрепления кошек на обуви.

² Бортник – старинное название сборщиков лесного мёда с бортей, т.е. гнезд диких пчел.

нимались. Но этот дым не был похож на тот, который густо идет, когда смоляры или углежогги смолу гонят или уголь палят. Дым этот не поднимался ровным столбом к небу, хоть и погожий безветренный день стоял, а взлетал облачками и потом на лес тяжело опускался. Позже он появлялся снова, но уже немного дальше...

На второй день, из своего укрытия на вершине бука, заметил Гжимек не один дымок, а девять сразу! Но что еще дивнее хлопцу показалось – появлялись они поочередно над каждым из потоков, а потом исчезали и, по прошествии некоторого времени, снова показывались над старым лесом, что наподобие короны вершину горы увенчивал.

«Видать живет там кто-то, кто дымы эти пускает... – думал Гжимек. – А может их несколько? Может они какой особой работой заняты?... Надо бы поглядеть!»

На третий день снова Гжимек на дерево взобрался и еще зорче окрестности стал оглядывать. День был на редкость солнечный и ясный, жара сильно донимала. Но дыма нигде не видно.

– Правильно я вчера подумал! – утешился Гжимек. – Живет там кто-то: ходит по горе, делает что-то, а нынче, когда жара докучать стала, решил в тени отдохнуть...

Только к вечеру, когда совсем низко солнце опустилось, опять дым показался. Сначала над одним потоком, затем над другим... Взвился раз и другой, а потом над третьим и четвертым потоком появился... В пятый раз дымный клубок взлетел уже над лиственничной рощей – там, где поток разливался и в малое озерко впадал. Охотно туда лани и олени пить приходили. А находилась эта роща почти у подножья горы и светлым пятном резко среди темной хвои выделялась.

Клубки над рощей всё гуще взлетали и вскоре окутали ее наподобие странного тумана.

Ветер повеял, но и он не разогнал этих дымов, лишь вроде бы к земле их прижал. А Гжимек в своем укрытии почуял неведомую доселе резкую вонь. Потом шум странный донесся оттуда – то усиливался он, то пропадал.

Прошло некоторое время.

У Гжимека всё сильнее билось сердце, от сильного напряжения шумело в голове, он весь дрожал от страха и огромного любопытства. Подвертывался случай, чтобы увидеть неведомое существо и решить – что это? Ну, а потом искать защиту от него.

Поборол в себе Гжимек страх, горстью листьев буковых отер пот со лба, отпил несколько глотков воды из баклажки, что у него через плечо висела, и спустился с дерева. Отцепил от ног кошки железные, заткнул их за пояс и начал осторожно прокрадываться к лиственничной роще. Всё ближе и ближе к ней подходил, оглядываясь во все стороны и прислушиваясь чутко.

– Хррр... Хррр – долетело до него со стороны рощи.

– Рууу... Рууррууу – явственно слышал Гжимек храп, будто он из нескольких глотков сразу вылетал.

Ускорил смельчак шаги.

– Хррмм... Хррмм... Ууффф... – кто-то так громко засопел, что воздух кругом заколыхался.

Лиственничная роща всё реже становилась. За нею – только лужок и ручей.

Снова надел кошки удалец и быстро на самое высокое дерево залез. Светло-зеленая густая хвоя надежно укрыла его в ветвях пихты. Раздвинул их Гжимек и осторожно выглянул на поляну, что под ним лежала.

– Ох!... – крик застрял в горле у хлопца.

Одной рукой Гжимек себе рот закрыл, а другой – крепко за сук ухватился, чтобы с дерева не упасть от страха. То, что он увидел внизу, было страшнее всего, что человек себе представить мог! Хлопцу показалось, что всё это снится ему...

На мягкой мураве отдыхал... огромный дракон! Тело его было покрыто костяной панцирной чешуей, на спине торчали зубчатые пластины, а шея заканчивалась грозными шипами. Чудище это, видать, крепко спало, положив на берег потока все девять страшных голов. Пасти их были раскрыты, и из каждой, подобно далекому грому, вместе с клубами темного вонючего дыма, раздавался мерзкий храп. В солнечном свете клыки и когти чудовища переливались красно-желтыми отблесками. Чешуя у него – серебристого и зеленого оттенков, только хвост темно-коричневый, испещренный серебристыми крапинами. Рои мух и серых луговых оводов облепили закрытые глазища дракона. Иногда они залезали в пасть, но тут же снова взлетали в воздух и настойчиво кружили над спящим чудовищем.

– Дракон! – шептал в своем укрытии Гжимек. – Какой же он огромный и могучий!... А чешуя какая крепкая! Ни один меч не рассечет...

Видя, что чудовище продолжает неподвижно лежать, наполняя всю рощу ужасающим храпом, смельчак спустился с дерева и, ни разу не оглянувшись, помчался в деревню.

Страшный плач, стоны и причитания поднялись во всей Кичоре, когда узнали люди, какой сосед у них на Раховце поселился. Те, что потрусливее были – побросали миски, полные снеди, и без шапок на дальние горы поудирали. Некоторые за собой на веревке свиней и коров тащили, другие овец беспорядочно погнали – от деревни подальше.

– Стойте! Стойте! – кричали им вслед люди пожилые, более рассудительные. – Надобно обороняться, надо спасать себя самих и добро наше...

– Айда в кузницу! – кричал Гжимек. – Помогите нам выковать топоры и ножи!

Отец его, старый кузнец, уже и железо на горне нагревать начал. Мало-помалу утихнула тревога. Кто постарше был – в кузницу старого Ковальчика пришел. Стали расспрашивать Гжимека про чудище. Хлопец охотно рассказал обо всём, что видел.

– Давайте думать, что делать! – закончил свое повествование хлопец. – Неужто сами себя на погибель обречем?

– По-моему, – промолвил самый мудрый старик в деревне, – поначалу надо стада уберечь, а самим вовсе не приближаться к Раховцу, хоть бы нам с голоду помирать довелось... Завтра гоните овец и коров подальше отсюда!

– А я вот чего думаю! – сказал другой старик, которому в молодости немало на поле брани довелось побывать. – Надобно весть князю послать, пусть придет спасти нас! Прибудут сюда воины смелые, и двинемся мы разом с ними на чудище! А перед этим надобно по-

скорее засеки поставить на всех дорогах, что от Раховца к селу идут!

– Ну, а мне сдается, что надо нам побольше оружия, да чем получше! – молвил Гжимек и что было сил по наковальне молотом ударил.

На следующее утро пастухи погнали стада далеко на юг. Несколько удальцов на конях к князю отправились, остальные мужики спешно дороги стали заваливать, засеки строить. Гжимек с отцом и товарищами своими с самого утра в кузнице: у мехов и наковальни оружие мастерили.

С того дня тщетно искал поживы дракон, напрасно за скалой таился или, в зарослях укравшись, на перепутье пастухов высматривал. Никого он не увидел, не услышал и бречанья звонков, которые по горскому обычаю на шею овцам вешают, чтоб не затерялись. Взобралось чудище на вершину Раховца и стало оттуда девять пар глазниц таращить – не видно ли овец на соседних пастбищах или на Кичоре и Забаве? Однако напрасно злобный дракон надеялся – всё живое скрылось неведомо куда. Опустели и леса, и луга, и дороги!

Шли дни. Страшно изголодался дракон. На Раховце лишь малина алела, да голубика с веточек спадала – сладкая, крупная, сочная...

– Разве это пища? – рычал дракон, со злости давя спелые ягоды.

Злобно вытаптывал он траву вокруг себя, ели ломал – бесился. А голод всё сильнее дожимал злобное чудище и бешено клало оно зубами всех девяти пастей, которым на ужин доставалась только вода из потоков. Люди скрылись от дракона и стада свои увели. Лесное зверье тоже всё в разные стороны разбежалось. Безуспешно пытался дракон есть траву молодую и грибы – не насыщали они злобное чудище: привыкло оно к пище кровавой.

Попробовал дракон к селу подойти – оказалось, все дороги завалены. Да так высоко, что даже его огромная сила не смогла ни одной засеки одолеть. И замыслил тогда злобный разъяренный дракон людям отомстить.

– Если я терплю такой голод, – выл он, бешено хлеща по скалам огромным хвостом, – то люди и звери во всей округе будут мучиться от жажды!..

Загудела вокруг земля, затряслись кроны деревьев, когда дракон помчался к вершине Раховца. Из-под тяжелых когтистых лап его летели во все стороны комья земли и клочья моха. На бегу ломал он кусты и топтал папоротники. Злой и запыхавшийся, остановился он вскоре на краю большого луга, покрытого молодой и шелковистой травой. Посреди того луга росло девять елей – все одинаковой высоты. А из-под корней тех деревьев били источники, чистая и холодная вода стекала вниз по склону шумливыми потоками.

– Девять потоков... – проворчал дракон. – Много живительной влаги течет с этой горы в реки и ручьи. Помогает она травам расти, а зерну в колосьях – созревать... Но теперь, – тут чудище к ближней ели прыгнуло, – теперь этой влаги не будет! Высохнут реки и ручьи, пожелтеют травы и злаки!

Огромными когтистыми лапами обхватил дракон дерево и изо всей силы вогнал ствол его в землю... Рыча от бешенства, начал он лапой отрывать у себя с хребта пластины костяные и, словно клинья, загонять их под корни дерева. Перестала бить вода из-под ели – сочилась теперь оттуда узенькая струйка воды, едва заметная в буйной траве...

– Не будет воды людям! – в злобной радости рычал дракон, вдавливая в землю второе и третье дерево. – Не будет вам воды! – хрипел он, запыхавшись, хватая погаными лапами последнее, девятое дерево.

Засуха!...

Страшное это слово для земли-матушки, да и для всех тех, кого кормит она. Отчаяние людей охватило. Смолкли веселые беседы на завалинках возле хат и песни, что звучали после работы. Да и как тут петь, о чем говорить, если на полях еще не налившееся зерно высыпается из колосьев? Какое уж тут веселье, если земля потрескалась, а в садах едва завязавшиеся плоды с яблонь да груш на нее спадают, если высохли реки и ручьи!

– Не иначе, дракон проклятый хитростью своей воду поработил, течь ей не дает! – говорили мудрые старики. – Ему-то всё нипочем: такая бестия и без воды проживет, с помощью колдовства. Но для нас вода – это жизнь! И не появится она вновь, пока мы с чудищем этим

не справимся.

– А вот посмотрите: скоро нам князь своих рыцарей пришлет! – утешались молодые парни. – И тогда мы всей громадой на чудище пойдем!

Тем временем все, у кого только сила была, помогали Гжимеку оружие ковать. Не угасал в кузнице огонь в горнах, ни на минуту не смолкал перестук молотов. Люди помощи ждали. Выглядывали за околицу с самого утра.

И вот однажды на горных лугах всадники показались. Тотчас же в Кичоре узнали их – то были парни, что за помощью к князю отправились.

Вышел Гжимек из кузницы, посмотрел и нахмурился. «Э, да они без воинов! Одни! – с тревогой подумал хлопец. – А едут по лугу кратчайшей, но самой неудобной дорогой...»

– Эй, люди! – закричал он. – А ну, давайте сюда!

Всадники быстро спустились по склону и устало возле кузницы остановились. Кони их взмокли от трудной дороги, на боках пеной покрылись.

– Гжимек! Брат! – один другого перебивая, закричали парни. – Беда нам всем! Погибель! Не пришлет князь помощи!

Лицо хлопца побелело, словно сама костлявая¹ перед ним явилась.

– Почему не пришлет? – еле спросил он.

– Нету больше князя Силезского! Умер Генрик, в бою пал... Разбиты его войска! А всему причиной – жестокие татары, разбойники подлые... Близо они! Того и жди в нашей долине будут!

– Быть того не может! – воскликнул Гжимек. – Отец, слышишь? Князя Генрика убили!..

Грозная весть о татарском нашествии летела по всей деревне, словно у нее была тысяча ног. И вот тревога – более страшная, нежели голод и жажда – начала выгонять людей из домов. Они уходили по горным тропам всё выше и выше – всё живое устремилось в чешскую или венгерскую земли.

– Татары пострашнее дракона! – раздавались повсюду испуганные голоса. – Байдар-хан и Кайду-хан одолели рыцарей силезских и краковских! Да и всех тех побили, кто им на помощь явился!.. Уходить надо!! – кричали люди, волоча пожитки свои по каменистым дорогам.

– Идет сюда в горы жестокий полководец татарский, Джанга-бей! – кричали в толпе бегущих людей, когда опустел последний двор в Кичоре.

– Идем с нами, брат! – звали Гжимека сродственники.

Однако Гжимек не хотел бежать из родного села. Только вышел на вершину горы Кичоры и, став в тени ветвистых буков, полными слез глазами смотрел на удалявшихся друзей, соседей и родных, да на отца старого, которого он еле умолил бежать, чтобы жизнь его спасти.

Когда стемнело, вернулся Гжимек в затихшую кузницу и, присев на пороге ее, задумался глубоко.

Над горами взошла луна, но в этот вечер была она багровой, а хлопцу казалось, что и звезды отливают кровавым цветом. Но вскоре понял он, почему так багровеет всё – над Соллой и Рыцеркой разливалось зарево пожара! Горели дома...

– Татары близко! – шумели буки. – Уходи!

– Угу-у! Угу-у! – с башни костёла кричала сова. – Беги!

Однако хлопец остался в кузнице и проспал всю ночь, сидя на пороге и опершись плечом о притолоку старых дверей. Утром, вместо ясной зорьки, увидел Гжимек вдали новое зарево. Большая стая ворон и галок крикливой тучей пронеслась над Кичорой к югу – в сторону лесов чешских. Промчались через орешник испуганные олени и лани, уцелевшие от жадных лап дракона. Потом услышал хлопец некий особенный шум и гам: всё ближе и ближе звучал он...

То были звуки пищалок и дудок, ударов по железному котлу, звон множества колокольцев и барабанная дробь. Шум этот долетал со стороны Сола – из долины, где вилась лента

¹ Костлявая – народное название мифического персонажа – Смерти – обычно изображаемой в виде скелета с косой в руках.

высохшей теперь начисто Равы.

«Это татары! – понял Гжимек. – Они!» Тревога сжала сердце его. Но скоро поднял он голову и, вскочив с порога, что было духу помчался вниз по склону – в ту сторону, откуда доносился этот шум и гам. Добежав до прибрежного обрыва, что у самой дороги был, Гжимек остановился. Глаза его горели, словно парня лихорадка жгла. В голове уже замысел лихой возник.

Всё ближе подходила орда Джанги-бея. Из-под самой Легницы вел он за собой тумен¹ беспощадных и жестоких степных наездников. Мчались они на своих низкорослых, косматых и долгогривых конях, будто волчья стая хищная.

И хотя солнце еще с утра припекать начало – не сняли татары своих толстых овчинных кожухов, лишь шерстью наверх перевернули. Отверверхие войлочные колпаки татар, отороченные мехом барса или рыси, были нахлобучены по самые брови, из-под которых жадно высматривали всё вокруг черные, раскосые, бегающие глаза азиатские.

У каждого татарского наездника было с собой оружие отличное: лук из редкого дерева, с концами, точенными из клыков моржа и склеенными рыбьим клеем. А тетивы луков этих были свиты из жил верблюжьих или бараньих, колчан же, из мягкого красного сафьяна сделанный, шила каждому татарину его жена или невеста, оставшаяся в далекой юрте. Набиты были колчаны те стрелами с наконечниками зазубренными – азиатская задумка жестокая: чтобы нельзя было стрелу из раны вытащить! Оперенные перьями орлов степных, стрелы эти быстрее ветра летели. Ну, а про сабли острые и ятаганы кривые – и говорить нечего: ловко владели ими татарские наездники. Кроме того имел каждый воин при себе аркан крепкий, в кольцо свитый и к седлу притороченный, да бич страшный, из сыромятной кожи буйволо-вой, в шесть нитей крученный.

Впереди тумена ехал сам Джанга-бей, полководец, в подбитый собольим мехом длинный атласный халат одетый. Колпак его войлочный был украшен драгоценными камнями, а из-под халата виднелись шаровары шелковые и сапоги мягкие, сафьяновые. Гордо восседал на коне Джанга-бей: из знатного рода он был и потому одеждой всегда происхождение свое выказать старался. Лицо у него было толстое и круглое, поглядывал он на всех спесиво, а позади него ехали два молодых джигита и попеременно держали над гордым беем его бунчук с конским хвостом – татарский знак власти и сана. За джигитами ехал оркестр, который неопишным визгом и свистом пищалок и дудок, шумом и грохотом барабанов стаи вороны с деревьев спугивал, а зверей принуждал бегством поспешным спастись.

Гудела земля под копытами татарской конницы, сотрясался воздух кругом, а Джанга-бей скучающе жевал сушеные фиги, которые ловко были спрятаны на груди под халатом, в шелковом мешочке. Темными, заплывшими от жира глазками, едва видными из-под мясистых век, водил он вокруг и всё медленнее жевал любимые свои фиги. Сильное изумление охватывало его: вот уже три дня минуло, как забрался он в горы со своим туменом, три ночи уже спал он, сидя в седле, тоскуя каждый вечер по котлу с жирной бараниной и рисом – а нигде не видно было ни единой живой души! Не оказалось на его пути ни одной коровы или овцы, а ведь именно за ясырем² богатым забрел он в это горное бездорожье.

«Где добыча? – сердито думал бей. – Где ясырь богатый? Когда же наброшу я аркан свой на шеи девок здешних?»

Однако, видел злой татарин вокруг себя лишь опаленные солнцем пустоши, высохшие реки и как бы вымершие деревни. Косматые, привычные к скупому корму татарские кони тщетно поворачивали головы к Раве.

В русле ее виднелись только обточенные водой, побелевшие на солнце гладкие камни.

– Где же ясырь? Где стада тучные? – глухо шептались меж собой татарские воины.

Однако ропот этот глушили дудки и барабаны, а Джанга-бей жажду свою утолял, то и дело прикладываясь к баклаге с кумысом, которая к седлу подвешена была.

Всё ближе подходил тумен к пологому склону горы Кичоры, что к Раве спускался. И вдруг крик великий среди татар поднялся. Перестал играть оркестр, и головы всех наездни-

¹ Тумен – в старину название крупного татарского конного отряда.

² Ясырь – во времена татарского нашествия этим словом называли захваченных для продажи в рабство людей.

ков повернулись к склону, поросшему редкими пихтами и березками с пожелтевшими от зноя листьями. Джанга-бей от неожиданности проглотил недожеванную фигу и тоже обернулся в ту сторону...

По склону бежал молодой парень. То тут, то там мелькала среди пихт и березок его белая полотняная рубаха. Видно было, что мчится он вслепую, не разбирая дороги: прыгал через низкие кусты и продирался сквозь густые заросли, как бы в беспамятстве от страха перед татарами.

– Эй, Кискемет, Субактан! – крикнул Джанга-бей своим лучшим джигитам. – Поймать мне этого человека! Поймать! Он покажет нам, где богатые деревни...

Двое татар кинулись в погоню за хлопцем.

– Алла! Алла! – кричали они, размахивая над головой арканами.

Еще минута, и Гжимек почувал, как его шею захлестнула петля татарская.

«Ну, всё – поймали они меня! – подумал он, падая на выгоревшую траву. – Выполню ли я свой замысел?»

Вывели его джигиты на дорогу и, низко кланяясь бею, хлопца к нему подтолкнули.

Посмотрел татарин на Гжимека сурово и молвил, грозя плетью с золоченой рукоятью:

– Если ответишь на все мои вопросы – дарую тебе жизнь, неверный¹... Понимаешь?

Гжимек молча кивнул головой.

– Скажи мне, почему тут не видно людей? Куда подевались ваши стада? Мы слышали, что здесь богатые места имеются. От пленных мы вашему языку научились... Где же эти богатые места?

– Достойный господин! – кланяясь, ответил Гжимек. – Ты видишь вокруг пожелтевшую траву и сухие листья на деревьях? Это от того, что землю нашу постигла жестокая засуха. По этой причине ушли отсюда люди и стада свои увели. Только на горе, что перед твоими глазами, остался некий рыцарь, очень богатый и могущественный. Не боится он засухи – живет в покое, что в глубине той горы находятся. А стада его скрываются от зноя в подземных хлевах, пьют чистую воду из подземных источников и отборным сеном кормятся, которое в подземных сеновалах хранится... Много скота там, как этих камней в высохшей реке!

– Неужто он так богат, этот рыцарь? – допытывался бей. – Правду ли ты говоришь?

– Да, господин! Говорят, что в его подземельях стоят сундуки с золотом, а сам он ест с золотых блюдец.

¹ Неверный – (по-татарски кяфир), так называли татары всех инакомыслящих людей, не исповедующих мусульманства (ислама).

– Алла! – раздался крик удивления среди воинов.

– Но и это еще не всё! – кланяясь и таинственно понижая голос, продолжал Гжимек. – Этот рыцарь знает дорогу к сокровищам, что лежат глубоко внутри той горы... Выходит, он богаче самого Байдар-хана!

– Алла! Алла! Идем за этими сокровищами! – запальчиво кричали татары.

– Говоришь ли ты правду, юноша? Смотри, чтобы твоя голова с плеч не слетела! – подозрительно глядя на хлопца, сказал Джанга-бей и грозно плетью взмахнул.

– Истинную правду, господин! – кланяясь, ответил хлопец. – Вот, погляди-ка! Видишь, над горой дым поднимается? Это повар готовит для рыцаря печенку из самого жирного быка...

– Ммм... ммм! – причмокивали татары, а Джанга-бей сказал Гжимеку:

– Добудем эти сокровища для нашего хана! А ты, если покажешь нам дорогу на вершину той горы, будешь свободен, и никто тебя не тронет.

При этом татарский полководец испытующе посмотрел на стоявшего перед ним юношу.

– Покажу, господин!.. Идите за мной!

Повелел тут Джанга-бей дать Гжимеку коня. И поехал хлопец возле татарина, показывая дорогу на Раховец, где меж елей и буков притаился дракон.

– Не лучше ли, господин, оставить убогие деревни, а ударить всей силой вашей на замок рыцаря? – молвил Гжимек, когда они остановились перед рощей лиственничной.

– Сама правда твоими устами говорит! – ответил Джанга-бей. – Истинная правда, хоть и неверный ты!

– Ну, вот мы и на месте! – сказал хлопец, когда тумен проехал рощу и у последних деревьев оказался. – А вот и дорога на вершину.

– Слово мое крепко: свободен ты, юноша! – ответил бей. – А в награду и в знак моей милости к тебе возьми этот красный колпак: его носил один из наших смелых джигитов. На!

– Алла! – закричал татары. – Одень нашу красную шапку, поляк!

Не хотелось Гжимеку шапку вражью напяливать, но что поделаешь: пришлось их желание исполнить – иначе смерть. Потом махнул рукой и скрылся из глаз в чащобе лесной.

По татарскому обычаю начиналась битва только на рассвете. Поэтому разожгли воины костры и всю ночь готовились к бою: острили ятаганы и сабли, насаживали новые наконечники на пики, оперяли стрелы. Знали, что будет нелегкой битва с таким могучим и богатым рыцарем. Джанга-бей точил свой меч обоюдоострый и пробовал искусство военное на деревцах и кустах.

А Гжимек тем временем радовался, что невольно заставил татар союзниками своими стать в борьбе со злобным драконом. Торопливо в деревню сходил, отыскал в чулане свои кошки, собрал в кузнице сколько было обрубков железных, положил их в мешок, а потом сделал себе крепкую пращу.

Едва рассвело, забрался Гжимек на вершину самого высокого и могучего бука. Стал оттуда высматривать, да поджидать, когда облачко темного дыма покажет ему, что дракон из логова своего вышел.

Плохо в ту ночь спал изголодавшийся дракон. Почуял он запах коней, что долетал до него со стороны рощи, где он завсегда добычу подстерегал. Рано поэтому встал с лежбища и вышел из пещеры, жадно принюхиваясь всеми девятью носами к запаху конскому.

Заржали кони татарские. Заслышав их, пыхнул дракон клубами дыма и двинулся на охоту. Быстро заметил его Гжимек: хорошо видел, как спускалось чудовище по склону, топчало лещину и ломая молодые деревца. Натянул тогда смельчак пращу и метнул железный обрубок прямо в пасть дракона.

Зарычало тогда чудовище и сильно хвостом по земле ударило, а тут второй обрубок в другую пасть врезался. Разъярился дракон, оглянулся вокруг, заметил Гжимека.

– Ну, погоди же, дерзкий! – проворчал он. – Сейчас я научу тебя, как надобно сильных почитать!

И направился к буку, на котором смельчак сидел. Но только лишь к дереву приблизился – третий обрубок в запавшее брюхо его ударил. Девять пар злобных глазищ сразу к вершине

бука обратились, разглядывая парня, что в листве скрывался. Обхватил дракон ствол бука лапами и давай, что есть силы, трясти его.

– Сейчас ты прямо в пасть ко мне свалишься! – рычал взбешенный дракон, клая зубы.

Однако крепкие буки растут в Бескидах, а Гжимек не зря выбрал самый могучий из них. Не по силам он и дракону оказался! Не боялся поэтому хлопец угрозы чудовища, метал в него обрубки железные...

Еще пуще взбесилось оно, зарычало на всю округу. И рык его поднял на ноги самого Джанга-бей. Дал он приказ, заиграли дудки и пищалки пронзительные, заржали кони – и вот уже весь тумен в боевой порядок выстроился.

– Алла! Алла! – издали долетел до Гжимека боевой крик татарский.

– Вперед! Во славу могучего Байдар-хана! – кричал Джанга-бей, скача на коне перед туменом.

Изумился дракон, выпустил бук из лап когтистых. Перестал рычать, прислушался. Гудела вокруг него земля от топота тысячи коней...

Высунулся Гжимек из листвы, колпак красный с головы сорвал. Поднял его повыше и давай размахивать им с вершины.

Заметил этот знак Джанга-бей.

– Там рыцарь! – закричал своим воинам. – Вперед! Смелый юноша знак нам подает, путь указывает! Вперед, джигиты!

С неописуемым воем и шумом ринулся тумен к тому месту, где дракон стоял.

А чешуя его так золотом на солнце отсвечивала, что татарам показалось, будто это рыцарь в латах драгоценных появился. Но дракон, устремившись к шуму и воя неслыханного, попятился к вершине горы. Скрываясь за деревьями, начал он метать в татар камни и вырванные с корнями деревья.

Тогда схватил Джанга-бей рог буйволоховый, что всегда на поясе у него висел, и громко затрубил в него: знак тумену подал, чтобы по обычаю татарскому полукругом выстроились. Сжалось полукружие, ближе к чудовищу подступило.

Понял тогда дракон, что окружает его орда неведомых ему доселе яростных воинов. Раз за разом то копье, то стрела впивались вокруг него в стволы деревьев. Быстрее стал отступать дракон к своему логову. А татары с воем страшным напирали на него со всех сторон.

– Смотрите! – кричал своим джигитам Джанга-бей. – Он колдовством вид свой изменил! Из рыцаря в дракона девятиголового оборотился!... Хочет устроить джигитов самого Байдар-хана! Зря стараешься, рыцарь! Ничто не поможет тебе! Защищайся!

А дракон уже у входа в пещеру остановился, но продолжал камни метать в нападающих татар. Каждая пасть его извергала попеременно то дым, то огонь. Золотом отсвечивала чешуя, и блеск его напоминал татарам об огромных сокровищах, что были скрыты в подземном замке рыцаря. Ведь им об этом смельчак польский рассказывал. И так алчно жаждали татары завладеть тем золотом, что в ослеплении воинственном напирали они на дракона, не смотря на его огненные пасти и метко бьющие камни. Если падал один воин, на его место вставал другой.

– Защищайся, рыцарь! – снова воскликнул Джанга-бей и что было сил метнул в дракона огромное копье с тяжелым зазубренным наконечником. Вонзилось оно прямо в глубину раскрытой пасти чудовища.

Завыл страшно дракон и скрылся в глубине пещеры. А татары ринулись за ним, соскакивая с коней, которые с громким испуганным ржанием по лесу разбежались.

Охваченные жаждой золота татары всё глубже в гору уходили. Гудела она от битвы, что шла там, внутри...

А Гжимек, который всё время незаметно за татарами крался, припав к скале и затаив дыхание, глядел на страшную сечу. Вот и последний джигит вбежал в темную пещеру, где гремел жестокий бой...

Тогда вышел Гжимек из укрытия и вслед татарину поганый колпак швырнул. Потом взобрался повыше, уперся в огромный обломок скалы, что над входом в пещеру нависал, и,

все силы в единый рывок вложив, столкнул его вниз. Хотелось ему, чтобы преграда образовалась в узком проходе – на случай, если надумают татары возвращаться!

Задрожала тут гора, посыпались вслед за этим обломком другие камни – большие и маленькие. Пыль столбом вокруг поднялась и грохот такой стоял, будто невиданная буря над горами разразилась! Сущий камнепад возник и засыпал он начисто всё место, где вход в пещеру был – даже и следа не осталось! Не было пути назад орде татарской и дракону злобному! А внутри горы тем временем понемногу стихала битва жестокая: только из малых щелей между камнями дым потянулся – поначалу густой, а вскоре лишь узенькой струйкой. Потом и вовсе исчез – ветер его развеял!

Вздохнул тогда Гжимек полной грудью и заплакал от радости, что места родные от двух бедствий сразу уберег – от дракона страшного и от жадной орды татарской...

Повыше той пещеры, почти у самой вершины Раховца, росло девять елей – все одинаковой высоты.

Остановился возле них Гжимек, огляделся вокруг, ближе к деревьям подошел.

Корни одной ели явственно выступали из земли. А меж них заметил хлопец что-то плоское, блестящее. Наклонился, присмотрелся получше и увидел, что это край большой пластины костяной, словно бы золотом покрытой...

– Чешуя дракона! – воскликнул хлопец.

Попробовал вытащить пластину – не вышло. Глубоко увязла она в земле, но напряг все силы Гжимек и вырвал ее из-под корней. В ту же минуту из расщелины, где была пластина, брызнула чистая и прохладная вода – источник забил!

– Вода! – радостно всплеснул руками Гжимек. – Снова вода появилась!

Радостный, счастливый пал он на землю и долго той чистой водою жажду утолял. Потом омыл лицо, руки ополоснул. А из источника уже ручей прозрачный побежал и шумно в долину устремился, по склону Раховца...

С любопытством стал Гжимек разглядывать чешуйчатую пластину роговую. Однако в его руках она дивно как-то сереть начала и вдруг рассыпалась в прах.

Пошел хлопец от ели к ели. Вытаскивал проклятые драконовы запоры и сразу же из-под корней начинал ключ бить. И в каждом была чистая, прозрачная, холодная вода.

Снова зашумели все девять потоков горных. А на их берегах ожили и опять зацвели незабудки и лютики. Растут они там и по сей день – крупнее и красивее, чем где-либо в других местах. А шумные горные потоки своим плеском рассказывают старинные легенды всем, кто любит их слушать в тиши лесной...

СКАЗКИ НИЖНЕЙ СИЛЕЗИИ

ЗОЛОТОЙ СЕЛЕЗЕНЬ

Жители Силезии знают старинную сказку о юноше, которому посчастливилось найти чистое золото в далёких лесах, на извилистой реке Бобр.

Голодный тогда был год. Сгубила засуха все хлеба на полях. Трава на лугах погорела от зноя, а в садах плоды не созревшие на землю опали. И пошли мужики на заработки в город: кто в одиночку, кто сообща с другими, – кому как способнее было. Ушел и Марцин, парень из деревни Пшесеки, искать работы и хлеба в богатом городе Болеславце. Большой, королевский это был город, но в маленькой Пшесекe никто не знал, по какой дороге туда идти: ни один крестьянин отродясь так далеко не хаживал. Ведомо было только, что стоит Болеславец на реке Бобр, которая с гор Карконошей течет: из-под заснеженных скал ручеек там бил, с него-то и начиналась река. Посоветовали Марцину старики – идти всё на север, по берегу Бобра, пока не увидит большой и людный город с четырьмя башнями и с орлом королевским, что над воротами красуется.

Так и направился парень – через боры густые – к реке, в которой вода так часто свою окраску меняет, как девки платья на праздник. То она голубой казалась, словно лента среди лугов; то серебристой и переливчатой, будто кольчуга рыцарская; то вроде бы темнела, как лесной сумрак.

Шел Марцин по берегу весь день. Пустынно и безлюдно было вокруг, только столетние дубы в воде отражались и по-своему, шумом листвы, с нею переговаривались. Шумел и пел ветер в камышах, гнул их к воде, изредка птицы перекликались...

Устал Марцин от такого долгого пути – доел последний кусок хлеба, что в заплечном мешке лежал, да к тому же и швы на постолах разошлись от ходьбы. И решил хоть немного отдохнуть под дубом, что у самой воды рос: постолы старые починить да ягодами подкрепиться, которые в лесу насобирает. Игла, дратва и ножик у него завсегда с собой были, поэтому с починкой он быстро управился.

В лесной чаще заметил Марцин кусты малины зрелой – красной и желтоватой – никто их тут, видно, не собирал. Ходил парень по кустарнику, рвал сладкие ягоды, с удовольствием ел их, а потом уселся на берегу и под мягкий плеск волн задумался о доле своей.

Тем временем солнце уже за лес заходило и надобно было о ночлеге подумать. Наломал Марцин поначалу кустарник, потом молодой камыш нарезал. Насобирав большую кучу. Но когда уложил всё это под низко нависшими ветвями дуба, отлетел от парня сон. Вспомнил Марцин отца, мать и хату родную, из которой выгнала его на белый свет нужда беспросветная...

«Вернусь ли я когда в Пшесеку? – с печалью думал парень. – Увижу ли родителей своих? Каково-то мне в городе будет, среди чужих людей?..»

А река спокойно плескалась о берег, и тихо шумели на ветру камыши – вроде бы тоску парня смягчали.

Медленно ночь в лесу наступила. Выплыл на небо месяц, словно одинокий рыбак на ладье серебряной. Засверкали вокруг него звезды – голубые и зеленоватые. Громче зашелестел камыш, отозвались кузнечики в густой траве...

И вдруг, словно бы изменил кто темные волны реки. Посветлели они от дивного сияния, которое широкой полосой сразу пало на воду со стороны прибрежного аира¹.

Испугался Марцин, вскочил со своего ложа и, спрятавшись за ствол дуба, на реку глянул. Дыхание у него перехватило от удивления и восторга, когда увидел диво-дивное: явилась на реке птица невиданной красоты! Плыла она посреди волн одна, и от нее падало на лес и на воду невиданное и великолепное сияние...

А был это златоголовый и златокрылый селезень! Плыл он медленно, изредка оглаживая клювом светящиеся перышки. Потом вышел на берег неподалеку от дуба, за которым Мар-

¹ Аир – (тюрк.) многолетнее травянистое болотное растение из семейства ароидных: применяется в медицине и парфюмерии.

цин прятался, и стал прохаживаться по песку у самой воды. Щипал он нежные побеги водяных растений да порой расправлял золотые крылья, словно бы хотел к небу взлететь. И при каждом его движении снопы розовых и золотых искр тьму ночную прорезали.

– Что за чудо! – шептал Марцин. – Что за красивая птица!..

О Золотом Селезне рассказывали старики в Пшесеке разные были и небылицы. Одни говорили, что стережет он золотой песок, который на дне силезских рек залегает, другие уверяли, что эта необыкновенная птица всегда бывает там, где под корнями деревьев или в глубокой воде некогда были укрыты бочки или сундуки с сокровищами. Но все на одном сходились: Золотой Селезень никому кивды не чинит, а порой даже помогает людям в беде ихней: к примеру путь плотовщикам указывает – плывет впереди посредине реки и светит им в темные, облачные ночи...

Бывало и так, что в засуху или где-то в безводной округе, после его появления начинал бить из-под земли чистый, кристальный ключ, либо принимался моросить дождь, которого мужики и ждать-то отчаялись, либо высохшее русло какого ни то ручья вдруг неожиданно водой наполнялось.

Говорили люди, что встреча с такой волшебной птицей завсегда что-либо доброе сулит, поэтому считали подлым делом того Селезня криком всполошить или камнем в него швырять, но еще хуже было тем, кто того Селезня надумал ловить или стрелять в него из лука. Перепуганный Селезень немедля прочь улетал и навсегда забирал с собой радость и счастье того, кто в него стрелу пустил...

Ну, конечно, Марцин глазел на Селезня, затаив дыхание, и даже пошевелиться боялся, чтобы не испугнуть дивную птицу. А Селезень на воду спустился и поплыл себе тихонько посреди реки, пока не скрылся в камышовых зарослях, что в излучине Бобра стеной стояли...

Когда вокруг парня снова ночная тьма легла, вышел он из укрытия и, к своему удивлению, веселей себя почувствовал. Улетели мысли печальные, сердце покоем наполнилось. Но сразу же охватила Марцина огромная усталость – лег хлопек на камышовое ложе, и тут же

сморил его крепкий сон.

Разбудил парня ветер холодный, который принес с горы Сълёнжи тучу дождевую. Поднялся он и с большой охотой искупался в Бобре.

В глубине бора дятлы равномерно постукивали, вроде бы своими ударами по стволам сосновым часы утренние отмеривали. Резво, не оглядываясь, зашагал Марцин снова на север по обрывистому берегу Бобра.

В те времена жил в Болеславце богатый и могущественный рыцарь. Было у него возле рыночной площади шесть домов, а за городом – шесть садов. На конюшнях же – множество лошадей, в амбарах – полно зерна, а в сундуках столько серебра, что каждый месяц приходилось ему два дня и две ночи подряд мерить их... шапкой! И всё для того лишь, чтобы посмотреть – не убывает ли у него денег?

Звали того рыцаря – Любина. Жил он в крепком дворце, из тиссового дерева срубленном, обед и ужин подносили ему на золотых блюдах. Ну и, как это часто бывает с такими большими богачами, был он необычайно хитрый и лукавый, как лиса.

– Ох, и скряга же, ох, и пройдоха он! – говорили люди, когда спесивый и гордый Любина ехал по городу на буланом коне, с которого до самой земли ниспадала зеленая попона, расшитая серебряными листьями.

Как и всякий другой человек, алчный на деньги, не доверял Любина никому: даже отца и мать подозревал – не зарятся ли они на богатство его? И днем, и вечером, и утром жадный рыцарь подглядывал за слугами своими – не слишком ли много едят они? Даже и так бывало, что украдкой проскользнет в хлев да поубавит корма у свиней – чтобы на дольше хватило им брюквы с отрубями и травяной сечкой!

– Корыстолюбец, жадюга, – отзывались о нем всякий раз, как только Любина появлялся в корчме или на ярмарке.

Хотя и одевался он завсегда богато – в бархатный плащ с красной бахромой и туфли с пряжками – все, кто был там, несмотря на его пышный вид, отворачивались от рыцаря. Известно ведь – никакая одежда, даже самая богатая и красивая, не прикроет мерзости человеческой!

А еще любил жадный рыцарь... подслушивать! Очень уж хотелось ему знать про всё – и что конюхи говорят, когда в его конюшнях работают, и что болтают сторожа у ворот... Этим он и вовсе не доверял: подозревал, что спят они ночью где ни то в укромном местечке, и вообще небрежно дом его стерегут.

Вот и вставал он, бывало, в полночь да, крадучись вдоль стен, выслеживал старательно, что старый дед-ключник делает? У этого деда большая связка ключей была от дверей, а помогал ему мальчик-сирота, что у рыцаря за кусок хлеба да миску похлебки работал.

Был Любина очень проворен и ловок, ступал тихо, как кот. Одевал всегда пантофли на мягкой подошве и внимательно следил, как бы чего не свалить в потемках и шумом себя не выдать. Поэтому никто из его слуг и работников так и не знал ничего о привычках господина. Ни оруженосцы, ни стража, ни псарь, что большую свору чутких собак выкармливал, даже и помыслить не могли, что хозяин так зорко следит за ними...

Когда Марцин добрался до Болеславца, стал он расспрашивать горожан – то в корчме на рыночной площади, то у городских ворот – где бы ему службу себе подыскать? Управитель рыцаря, видя такого ловкого и крепкого парня, уговорил Марцина пойти на службу к Любине.

Согласился парень. И назначили его хозяйство рыцаря охранять. Как только вечер наступал – трубачи на башнях сигнал подавали, что время разводной мост поднять и закрыть городские ворота. Тогда Марцин спускал с цепи злых дворовых псов, брал в руки палицу и вместе с дедом-бородачом и мальчиком-сиротой всю ночь ходил по двору: охранял дом и хозяйство Любины.

Однако ночь была долгой, а часы тянулись медленно. Чтобы отогнать сон между обходами, сторожа обычно усаживались на скамье у ворот и рассказывали друг другу сказки или необычайные случаи.

– Давным-давно это было... – как-то начал свой рассказ дед-бородач. – Шел я полевой дорогой, а время к полудню было. Как раз хлеба колоситься начали и пшеница высоко поднялась – человека не видно! Гляжу, а впереди меня вдруг облако пыли взвилось и всё ширится, густеет. Потом... не поверите, – человеческий облик принимает! И вижу я перед собой деву красоты несказанной. Волосы у нее светлые как лен и распущены по спине. А очи серые, большие. Голову ее венок из алых маков украшает, одежда белая, легкая, словно из паутины сотканная...

– Ну? Что вы говорите! – в один голос воскликнули Марцин и сирота, ближе к деду подвигаясь.

– Да, да! Уж очень красива была... – продолжал дед. – Улыбнулась мне, рукой поманила... Но тут как раз в деревне колокол на башне костельной ударил – полдень прозвонили. И вдруг она из глаз моих исчезла, пылью по дороге рассыпалась...

– Кто же это мог быть? – с любопытством спросил Марцин.

– Полудница!¹

– А! Слышал и я, что они появляются на полях. Только вот не знаю: добры ли они к людям? – спросил мальчик-сирота.

– Нет! Нехорошие они, эти полудницы, – ответил дед. – Крадут у матерей младенцев из колыбели, а если парню какому покажутся – никогда у него жены не будет, вечно одиноким останется, как я...

– Ой, лучше тогда не встречаться с ними! – испуганно сказал мальчик. – Худо и печально жить одному в хате.

– То-то, что худо... – покачал головой дед.

– А я тоже, когда шел в Болеславец, кое-что увидел по дороге, – вмешался Марцин.

– Лесного Деда? Русалку? – с любопытством спросили дед и сирота.

Марцин поудобнее на скамье уселся, шапку на лоб надвинул и стал рассказывать:

– Нет! Видел я Золотого Селезня! Плыл он себе по реке, как обыкновенно птица плавает, но светился весь, как звезда яркая... Искры из-под крыльев его так сыпались, что вокруг светло стало. Ох, едва глазам своим поверил, когда он неожиданно из аира выплыл!.. Не описать, какая дивная это птица!

– О-о-о! – воскликнул дед и палец вверх поднял. – Золотой Селезень? Да, это, брат, птица! – и, наклонившись к Марцину, прошептал таинственно. – Послушай, сынок! Если он тебе показался, это добрый знак! Будет тебе большая удача на всю жизнь!..

Так и проговорили они до утра. Марцин ничего не утаивал, и чем больше интересовал деда и сироту рассказ его, тем охотнее говорил обо всем виденном. Ночь темная была, и только порой месяц молоденький из-за туч выглядывал. Сирота встал, зажег смоляной факел и воткнул его в бочку с песком, что у ворот стояла – посветлей стало.

Но свет багровым отблеском охватил лишь узкую полосу темной площади двора. Дом же Любины – с большим резным крыльцом – по-прежнему тонул во мраке, поэтому рыцарь, как всегда поднявшись около полуночи, сумел незаметно для трех сторожей пробраться к воротам и спрятаться за большими кустами сирени. Затаившись там, он каждое слово Марцина слышал.

«Золотой Селезень? – жадно потирая руки, думал рыцарь. – Так это же целое сокровище! Сколько у него перьев, сколько пуха и всё золотое, золотое, золотое... Эх, изловить бы его!»

Всесильная жадность ослепила Любину, все его мысли поглотила. Недвижимо сидел он в кустах – только шею вытягивал в сторону ворот, да уши наставлял, чтобы ни единого словечка не пропустить...

Недолго спал Марцин в темных сенях, на тощей подстилке из вымолоченных снопов гороховых. Только лег, да накрылся попоной конской, только успел немного согреться после ночного холода – кто-то грубо толкнул его в плечо. Открыл он глаза и потянулся лениво: думал, что его одна из кухонных девушек разбудила – завтракать, мол, пора. А это оказался сам Любина! Одет был рыцарь так, словно в дорогу дальнюю собрался: в темную епанчу² с ка-

¹ Полудница – мифический персонаж: злой дух в виде женщины.

² Епанча – (тюрк.) старинный широкий безрукавный плащ.

пюшоном, кожаный кафтан и сапоги длинные. А в руке держал самый лучший свой ясеневый лук и большой колчан, стрелами набитый. Испугался парень, мигом вскочил с подстилки гороховой, поспешно сермягу одел и шнуры на кожаных постолах начал завязывать.

– Пойдем со мной! – приказал рыцарь и быстро из сеней вышел.

«Видно наказывать меня будет! – идя за господином своим, раздумывал Марцин. – Но за что же? Ведь, кажись, ничего плохого я не сделал...» – Напрасно старался он припомнить, чем мог заслужить наказание.

А Любина ни слова ему не сказал. Быстро вышел со двора через боковую калитку и темными переулками к городским воротам направился: через них прямо на берег Бобра выход был. Удивленный и напуганный парень, втянув голову в плечи, бегом за рыцарем поспешал. «Куда идем? Зачем?» – пытался он разгадать замыслы хозяина.

Время шло.

Пригородная, широкая и оживленная дорога мало-помалу превратилась в извилистую лесную тропу, что вдоль обрывистого берега шла. Всё ниже и ниже нависали над головами путников ветви старых дубов.

– Слушай, хлопец! – вдруг заговорил Любина, резко остановившись посреди тропы. – Говорят о тебе, что ты Золотого Селезня видел. Правда ли это?

– Да, господин...

Угрюмое лицо Любины осветилось довольной улыбкой.

– Рад был бы и я увидеть его, мой верный слуга! – просительно и ласково сказал рыцарь. – Хотелось бы и мне потешить взгляд свой золотым сиянием, что его окружает... Нет ничего на свете прекраснее, чем Золотой Селезень! Укажи же мне то место, где он появился! Проводи меня туда, а я в награду пошлю твоим родителям пшеничный хлеб и два мешка самой лучшей муки.

Вспомнил тут Марцин пустые закрома в отцовском амбаре и суп из сухой лебедеы, который его старая мать каждодневно готовила... Белый, пахучий хлеб и мешки с мукой, которой так давно не видели мужики в Пшесеке, показались ему самым большим и самым желанным богатством. И не догадался доверчивый паренек, что из уст господина могут исходить слова коварные и лукавые.

– Хорошо, господин мой! – прямодушно ответил Марцин. – Идемте! Приведу вас к тому дубу, что у самого берега растет. Там я и видел Золотого Селезня, когда он посреди реки плыл.

У Любины глаза от жадности засверкали, а лицо так побагровело, словно он кубок мёду залпом выпил.

– Поспешим! Поспешим же! – несвязно и быстро забормотал он, подталкивая Марцина, чтобы шел вперед. – Добавлю тебе еще и мешок пшена...

Проворно пошли они и вскоре уже остановились возле старого дуба, ствол которого, словно бы столетняя борода, был покрыт мохом и лишайниками.

– Вот здесь... – сказал Марцин, а сам на небо глянул. – Теперь скройтесь за дуб и отдохните на траве. Надо подождать, когда ночь наступит.

Однако Любина и внимания не обратил на его слова, даже не поглядел на Марцина. Вместо того, чтобы отдохнуть после долгого пути, да прилечь в тени шелестевшей листвы, он поспешно начал стрелы в колчане перебирать: искал ту, что потяжелее и поострее.

Охватила тут Марцина тревога.

– Что вы хотите делать, господин? – спросил он рыцаря.

– Поохотиться хочу, слуга мой! – раздались в ответ грозные слова. – Поохотиться более пышно, чем король... Золотую птицу хочу подстрелить!

– Не делайте этого, господин! Негоже так, худо... – в отчаянии взмолился Марцин и пал перед рыцарем на колени. – Не делайте этого, послушайте меня! – просил он слезно. – Бросьте лук ваш и стрелы!

– Перестань, надоел ты мне, дурак! – злобно выкрикнул Любина и грубо оттолкнул парня от ног своих. – Мне достанется эта птица! А когда добуду Золотого Селезня, стану богаче самого короля! Понимаешь? Богаче короля!..

– Господин! – взмолился парень.

– А ну, замолчи, бездельник! – закричал рыцарь и плеткой погрозил, которую всегда носил при себе. – Если хоть слово еще скажешь, изобью тебя, как собаку, а потом в подвал темный посажу, чтобы не болтал лишнего!.. Стань позади и жди приказа!

Сказав это, скрылся рыцарь за дерево и, приготовив лук, затаился, чтобы стрелу пустить в дивную птицу. Не посмел Марцин послушаться воли своего господина: стал позади него. Отчаяние его охватило, горячие слезы украдкой вытирал парень.

Долго они ждали в укрытии. Вот уж и заря начала гаснуть за лесом. Но странная тишина воцарилась кругом. Не всплеснула ни одна рыба в реке, не заклекотал ястреб в вечернем небе, умолкли дятлы в глубине леса, перестали квакать лягушки в близнем болотце, затихли кузнечики в густой траве... Даже ветер не шелестел листвою в кронах дуба и ни разу не обласкал веянием своим вечерним камыша речного.

«Что бы это могло быть?» – изумился парень, думая о таком странном молчании воды и леса.

А Любина всё еще стоял, прижавшись к замшелому стволу дерева, глаз с волн речных не спуская. По-прежнему держал наготове лук и стрелу. Над Бобром вечерний туман поднялся и голубовато-белёсой, вуалью камыши обвил. А поверхность воды как бы застыла и стала похожей на зеркало.

Звезды на небе появились – далекие и бледные. А Марцину показалось, что убегают они и прячутся за плывущие по небу облака: не хотят глядеть на жадного Любину.

Да и месяц в этот вечер поспешил землю осветить. Лишь на короткое время бросил он на реку луч серебристо-зеленый, а потом вроде бы лисьей шапкой закрылся и за большое облако ушел. Но как раз в этот короткий миг и показалась на реке птица...

Выплыла она из густого камыша и медленно направилась к дереву, за которым люди притаились. Но держалась всё время посреди реки.

Однако тщетно ждал Любина, что появятся золотые искры и сияние на реке... Это был не Золотой Селезень, а простой – с серыми перьями и зеленовато-синей шеей. Вышел он на берег, стал по песку прохаживаться, да диких уток скликать, что на ночлег в прибрежные камыши заплывают.

– Лжец! – в страшном гневе закричал Любина. – Подлый лжец! И ты посмел обмануть своего господина? – по спине Марцина хлестнул сильный удар плети. – Так-то ты отблагодарил меня за мой хлеб и кров? Ну, погоди же, хитрый негодяй! Ты у меня попомнишь это!..

Однако алчность быстро превозмогла в рыцаре лютый его гнев. Хоть и обманулся он в своих золотых надеждах, но не захотел отказаться даже от такой малой добычи, как простой селезень.

А была птица совсем близко – в нескольких шагах, да к тому же и возле камыша остановилась: вроде бы дразнила рыцаря, гордость его охотничью подзадоривала. Натянул рыцарь лук, засвистела стрела...

Но даже ее хорошо заостренный наконечник лишь слегка задел селезня: сорвал с его груди несколько маленьких серых перышек. Всполошенный селезень отскочил в сторону и улетел. А месяц совсем за тучу скрылся, и пала на реку непроглядная, черная тьма...

Разъяренный рыцарь в бешенстве ухватил Марцина за плечо и поволок его за собой по прибрежному лугу.

– Негодяй! Лживый негодяй! – в гневном беспамятстве кричал он. – Таков этот твой Золотой Селезень? Такова достойная меня добыча?.. Ну, подожди! Теперь ты у меня из подземелья не вылезешь!

Из последних сил рванулся Марцин и освободился из цепких рук Любины. Не оборачиваясь, кинулся бежать напрямик, в темноту.

– Прочь от меня! Вон из моего дома, мерзавец! – орал вслед ему рыцарь.

Продираясь в потемках сквозь кустарник, побрел рыцарь домой.

А Марцин притаился в зарослях орешника на самом берегу небольшого болотца. Вязкая там и сырая была земля, так что сразу в постолы вода набралась. Однако боялся Марцин выходить. Гневные выкрики и ругательства, которых не жалел рыцарь своему слуге – поначалу

громкие и страшные – понемногу стали затихать, а вскоре и совсем замерли вдали...

Ушел Любина с берега реки. Выбрался Марцин из укрытия и лег на сухом месте под дубом. А в кроне старого дерева снова ветер шумел, в болотце лягушки перекликались и вторили им стрекозы, что в гуще вереска и чабреца таились.

Отбросил месяц лисью шапку и снова щедро сиянием реку осветил. А вокруг него мерцали звезды – близкие теперь и весело подмигивающие парню. Радовался Марцин тишине и прелести летней ночи, поглядывал на песчаный берег и шумевший там камыш. И вот вдруг опять диво увидел.

Среди камыша, на песчаном дне Бобра, возле самого берега, что-то засветилось в воде – словно бы в реку звезды попадали!

Поднялся Марцин, вошел в воду и с любопытством приглядываться стал. У самых ног, на речном песке, увидел он те перья, что серый селезень уронил, когда от Любины бежал. Сияли они золотым блеском...

«Значит это сам Золотой Селезень был! – радостно подумал Марцин. – Тот, которого я и прежде здесь видел!»

Понял он тогда: мудрая птица, видя алчность и злобу дурного человека, на короткое время изменила свой облик! Показалась Любине только простым серым селезнем!.. А золотые перья лежат теперь на дне реки. Но почему так, почему они не плавают по волнам, как это всегда бывает с перьями других птиц?

Достал Марцин одно перо, что побольше. Почувствовал: тяжелое оно! Сжал в горсти – острыми краями перо впилося в ладонь! Поднял Марцин другие перья – тоже самое. Оглядел он их внимательно и видит: из чистого золота они!

– Золотые перья нашел... – шептал Марцин, еще не веря самому себе. – Вот они!.. Там... И тут тоже...

Начал он собирать дорогие перышки и взвешивать каждое на ладони: все тяжелые! Заботливо спрятал их за пазуху, под холстинную рубаху. Оно и понятно: теперь-то мог парень вернуться в родную Пшесеку, в родной дом – к матери и отцу. Конец нужде!

Прошло несколько лет.

Вырос Марцин, возмужал. Стал пригожим молодцом, на которого все поглядывали с интересом. И не потому лишь, что красивое лицо его бородкой светлой и курчавой обросло, что веселые серые глаза у него, и вид статный. Был еще ко всему Марцин очень добрым и трудолюбивым.

Жил он теперь с отцом и матерью в хорошем дворе, на холме. Стадо овец завел, коней, волов. Был у него и надел пахотный: хорошие урожаи собирал с него Марцин. И людям он помогал: всегда помнил, как тяжело в нужде жить.

Как-то осенью, когда и жатва закончилась, и хлеб обмолотили – заиграли в деревне дудки на свадьбе Марциновой. И вошла в его дом светловолосая девушка, зазвенели с того дня во дворе Марцина смех и песни веселые.

Все в Пшесеке любили молодого крестьянина и не могли надивиться достатку его и успеху в хозяйстве. Ну и, как это часто у людей бывает, охотно соседи о Марцине, о его счастье и достатке болтали.

– Какие у него кони, а коровы какие! – в превеликом удивлении всплескивали руками деревенские сплетницы.

– А что одёжи у Марциновой жёнки... – шептались девушки. – Одних кораллов две коробки!

– Слыхали? Марцин-то собрал шесть скирд хлеба! – уважительно качали головами мужики.

Вот так и пошла гулять по всей округе молва о богатом крестьянине из Пшесеки. А потом и до Болеславца докатилась. Услышал об этом рыцарь Любина и уши наострил.

«Э-э-э... – подумал жадюга. – Вон как бездельнику, слуге моему, повезло! Значит этот паренек, что у меня жалким рабом был, теперь самым богатым мужиком стал. Странная игра судьбы! Даже поверить трудно!»

С того времени частенько задумывался рыцарь о богатом дворе, что на холме стоял в далекой Пшесеке, где жил счастливый и любимый всеми человек. Черная зависть и алчность копились в сердце Любины.

«Ведь он моим слугой был! – думал рыцарь, большими шагами прохаживаясь по своей горнице, полной резной утвари, парчи и ковров. – Был тут, у моих дверей, рабом послушным, а теперь? Все о нем говорят, все его хвалят... Кого? Так себе – мужика, сторожа, пастуха! Был бы хоть башмачник или кузнец, а то простой грязный хлоп!»

Наконец до того эти мысли его одолели, что в своей ненасытной алчности начал Любина задумываться – как бы ему Марцина с хозяйства согнать и самому его землей завладеть?

«Должно быть на своих полях он ценную руду отыскал...» думал Любина по ночам, не в силах глаз сомкнуть. – А может быть самородки золотые там нашел, либо серебро в земле добывает. Иначе откуда же у него такое богатое хозяйство завелось?»

И стал Любина на ярмарках и в корчме, за кружкой мёду, расспрашивать людей о Марцине:

– У кого он землю купил? Давно ли на ней хозяйствует? Где сеет зерно, где пасеки закладывает?

Охочие до бесед купцы и корчмарь, что раболепствовал перед знатным рыцарем, торговки рыночные и нищие разные – все они приносили Любине вести о его давнем слуге.

– Землю откупил Марцин у старой княгини, которая подслеповата и слышит плохо, а живет в своем замке, что близко от Пшесеки стоит, – сообщил однажды корчмарь, подавая рыцарю дорогое заморское вино.

– Угмм... – кивнул головой Любина. – У старой княгини? Так, так...

На следующий день велел он оседлать себе коня белой масти, оделся в самый красивый наряд и отправился в путь. Шесть оруженосцев ехало позади рыцаря – каждый с трубой медной, чтобы попышнее возвестить приезд его в княжеский замок.

«Когда старуха увидит мой наряд и коней, – думал в пути Любина, – когда полюбуется на оруженосцев и услышит, как затрубят они перед ее замком, – любезнее будет со мной. Заберет у Марцина ту землю, которую продала глупому мужику. А тогда я пообещаю ей лучшую цену, чтобы она отдала эту землю мне».

Старая княгиня дружелюбно приняла рыцаря в своем замке. Три стола были заставлены яствами – все на золотых блюдах. А жареного и печеного столько из кухни принесено было, что ни сам Любина, ни шесть его оруженосцев перечесть не могли!

Неведомо было с чего и начинать!

Ели и пили все, рыцарь льстил старой княгине, хвалил ее наряды, сладость вин и отменный вкус жаркого. Радуюсь такому гостю, поверив в речи его льстивые, старая княгиня, едва лишь встали из-за стола, повелела своим писарям взять пергамент, чернила, перья и быстро написать крестьянину Марцину из Пшесеки такой приказ:

«Землю свою ты продашь мне вместе с домом и садом. Хочу взять обратно эти поля для себя».

Как только Любина уехал, старая княгиня наказала своему писарю скорее отвезти письмо Марцину. Послушный слуга тотчас сел на коня и, заботливо спрятав письмо госпожи, отправился в путь.

Едва лишь писарь появился на дороге около Пшесеки меж двух рядов тополей, Марцин издали увидел его с холма: он как раз был во дворе и поил коней у колодца. Узнал писаря по его черному кафтану, полы которого развевались на ветру, будто два крыла ворона, да еще по тому, что плохо держался писарь на коне. «Уж не ко мне ли едет? С чем бы это – с добром или с плохой вестью?» – тревожно подумал Марцин, когда писарь свернул со шляха на полевую дорогу, что вела ко двору Марцина. А всадник всё ближе подъезжал... Услышала конский топ молодая хозяйка, выбежала из хаты и встревоженно около мужа встала. Белёхонькие кружевца на ее чепце тряслись над лбом: дрожала бедняга от страха.

А посланец княгини уже въезжал на чисто выметенный двор Марцина.

– Письмо тебе, хозяин! От моей госпожи! – молвил писарь и с трудом, неуклюже, с коня соскочил. Подал Марцину свитый в трубку пергамент, с которого на шелковых лентах сви-

сали две большие красные печати.

– Письмо от княгини? А чего хочет госпожа? – услышал Марцин тревожный шепот своей светловолосой жены.

– Сейчас узнаешь... Посмотрим!

Молча развернул Марцин свиток и медленно, как бы не веря глазам, прочел то, что гласили черные, похожие на худых червей, латинские буквы.

– Марина... – тихо сказал жене. – Марина... – и не dokonчил речи: горе ему дыхание сдавило.

А тем временем писарь быстро выехал со двора – видать, спешил обратно в замок, чтобы поскорее доложить княгине о выполненном поручении. Двое людей остались во дворе – в печали и тревоге несказанной.

– На что княгине Марцинов двор? – дивились люди во всей Пшесесеке. – Ведь у нее и так замок огромный, шесть фольварков и мельниц несколько!

Станным всем в деревне показалось это неожиданное желание старой княгини. И письмо, и поспешность его присылки Марцину – всё дивно как-то было. Сошлись люди мудрые во двор на холме, чтобы поговорить обо всём и посоветовать Марцину, что делать.

И так судили, и эдак, – ничего не удумали. Тогда кузнец, человек смекалистый и бывалый, сказал людям:

– Видать, таится тут чья-то хитрость бесчеловечная, и не самой княгиней это придумано. Стара она уже, редко из замка выезжает, да и не зла при том – только и всего, что большого ума никогда у нее не было.

– Кто же тогда уговорил ее? – крикнула Марина. – Неужто послушалась какого пройдоху?

– Видно, так оно и есть... Это уж точно, что поспешные и не ко времени замыслы – из наговоров рождаются! – ответил кузнец. Помолчал он, подумал и еще сказал: – Вот что, Марцин! Езжай-ка ты сам к ней в замок, да попроси княгиню, чтобы изменила свою волю. Скажи ей, что это кривда не только для тебя и Марины, но и для всей нашей деревни, ибо живем мы тут в полном соседском согласии, пусть же она не рушит его: не к добру это! А еще скажи: хату, мол, не только ты сам ставил, но и мы тебе помогали, каждое деревцо тут твоей рукой посажено, каждая доска топорами соседей обтёсана. Припомни ей, как из Пшесеси пришли люди лес ее спасать, когда он гореть начал... И если она тебя с этого двора и поля выгонит, то и с нами у нее согласия не будет! Никогда, никогда, ни один пшесечанин не забудет ей этого!

– Правду молвишь, кузнец! – закричали мужики. – Умно!.. Езжай, Марцин!.. Не жди, пока этот пройдох, что княгиню противу тебя настроил, еще какую пакость тебе учинит. По-езжай!

С тем и разошлись люди.

Раненько утром подготовил Марцин телегу, коней буланых запряг. И сам по-праздничному оделся – в силезский убор народный: длинный камзол синий и штаны замшевые, мягкие. Да взял с собой два бочонка свежего липового мёда и шесть самых лучших кур – в подарок старой княгине. С тем и поехал со двора. Долго ему вслед Марина смотрела. Выглядывали из окон и соседи. А собачки деревенские до самой развилки его проводили и лаем невесть с чего заливались...

Правду сказал кузнец. Не было у княгини большого ума, но и не злая она оказалась. Поэтому, когда поднес ей Марцин дары, да напомнил о Марине и всё рассказал, что умный кузнец посоветовал, – ответила старая милостиво:

– Землю эту хотела я вернуть не для себя, а чтобы продать рыцарю Любине. Это могущественный и богатый человек, да при том учтивый очень и красноречием отличается. Присил любезно, уговаривал сильно. Вот и пообещала я ему твои поля...ммм...двор...сад...пасеку тоже...

– Ах, госпожа! – простонал Марцин, и лицо его сильно побледнело.

– Ну, а теперь, мой мужичок, что мне делать? – тут княгиня беспомощно оглянулась вокруг своими черными на выкате глазами. – Что делать? Слова своего обратно взять не могу...

Вот, разве, единый выход есть. Если рыцарь Любина от этой покупки откажется, то и я не настаиваю. Можешь тогда по-прежнему жить на своем дворе... Упроси Любину, а тогда...

Делать нечего: отправился Марцин в путь. Ехал, как и некогда, по берегу Бобра. Снова бор шумел над ним, а потом шелестела над головой листва дубов и буков. Снова ветер пел в камышах и гнал волны по реке.

Ехал Марцин весь день. Уже затрубили на башнях Болеславца, чтобы поднять мост и закрыть городские ворота, когда буланные кони протопали по деревянному настилу перед хоромы Любины. Как и прежде, пышен был двор рыцарский – с большим резным крыльцом, со стеклянными плитками в свинцовом переплете окон. И флажок над воротами развевался, как прежде, только стражей знакомых не видно было – помер дед, а сирота ушел куда-то искать лучшей доли. Охраняли ворота два стражника из челяди рыцарской.

– Дома ваш хозяин? – спросил Марцин.

– Дома! – ответили сторожа. – А ты кто будешь?

– Марцин из Пшесеки, давний слуга его. Прошу отвести меня к господину вашему.

Открыла стража ворота, чтобы ввел Марцин коней и телегу во двор. Оглянулся он: буйно разрослась сирень, тень широкою на весь двор бросила. Остановился Марцин перед крыльцом, побежал оруженосец рыцарю сказать о его приезде.

Любина сидел возле окна, на скамейке, в своей охотничьей комнате: выбирал в коробе наконечники для стрел. Как слышал от оруженосца, что давний его слуга Марцин из Пшесеки стоит у крыльца и ждет вызова – до того обрадовался, что борода у него затряслась, как у козла. Потом схватил большую чару мёду старого и до дна осушил ее.

– Хе-хе-хе! – гоготал он на всю комнату. – Вот уж гость неожиданный пожаловал!.. А ну, приведите-ка его сюда! – крикнул оруженосцам. – Хочу послушать, какая нужда его пригнала ко мне?

Вскоре остановился в дверях Марцин с шапкой в руке. Но теперь рыцарь видел перед собой не нищего паренька, но молодого зажиточного крестьянина – мужчину статного, с красивым лицом. Новая одежда так красила его, что Любина от удивления только головой покачал.

– Неужто ты? – спросил он, глазам своим не веря. – Марцин?

– Да, господин.

– И что же привело тебя сюда, мой бывший слуга? – хитро спросил Любина, будто и не знал вовсе, какая причина загнала Марцина в Болеславец.

– О полях речь пойдет, которые я когда-то откупил у княгини... – спокойно начал Марцин. – Пришел к вам с просьбой, господин. Откажитесь от них, не отнимайте у меня дома

моего! Был я у княгини, просил и ее тоже. Сказала госпожа, что не зарится на землю мою, что оставит это дело, если вы... – тут голос Марцина дрогнул, а руки сильно смяли суконную шапку.

– Ах, вот о чем твоя речь! – с притворным удивлением воскликнул Любина. – О столь малом деле хлопочешь? Но ведь люди и в городе, и во всей округе говорят, что ты теперь очень богат! Значит, о чем горевать? купишь себе новый участок и дом новый поставишь!

– Могу и так. Но эти поля я обрабатывал своими руками вместе с отцом, пока он еще жив был... Болото осушил, мельничку малую поставил там. А в хате у меня молодая хозяйка – она сама хату белила и украшала, сама под окнами мальвы посадила... – скорбно и с огорчением говорил Марцин.

– Ладно! – после минутного раздумья ответил Любина. – Если тебе так милы дом твой и поля эти – оставляю их за тобой. Но за это ты должен мне поведать: как дошел ты до такого богатства? Уж не добываешь ли ты на своих полях серебро? А может на дне ручья золотой песок нашел?

– Нет, господин, – ответил Марцин. – Единое серебро на моем поле – жито. А золото – пшеница.

– Но тогда как же ты разбогател?

– А вот как, господин... Послушайте, что скажу!

До того жадность Любину одолела, что не посчитался с гордостью рыцарской: указал Марцину место на скамье возле окна и сесть ему, простому крестьянину, чуть не рядом с собой, позволил. Сел Марцин и, глубоко вздохнув, рассказ свой начал:

– Хоть и гневались вы тогда, господин, а всё же видели мы в ту ночь Золотого Селезня... И поведал рыцарю обо всём, без утайки.

Слушал Любина его рассказ, затаив дыхание, только глаза у него от алчности горели. Да еще всё время мёду в свой кубок подливал: от волнения, видать, горло пересыхало. Поставил и перед Марцином чашу маленькую.

– Золотые перья... Золотые перья... – шептал рыцарь.

Когда закончил Марцин свою речь, жадный рыцарь сказал:

– Чудеса ты мне рассказываешь, хлоп! Неслыханные чудеса! Однако и так бывает. Но если так сильно желание твое, чтобы я отказался от покупки этой земли, то должен и ты кое-что для меня сделать... А хочу я вот чего: чтобы ты пошел вместе со мною на тот берег, где Селезень появляется, да помог мне найти перья золотые! Они должны быть там, должны лежать где-либо в траве или среди камышей! Наверно там их Селезень оставляет, не иначе.

– Хорошо, господин! – ответил Марцин. – Только не берите с собой ни лука, ни стрел.

На сей раз согласился рыцарь.

В следующий вечер тайно вышли они из усадьбы рыцаря, добрались до реки и спрятались за стволом старого дуба, ветви которого низко над водой свисали.

– Да, это здесь... – молвил Любина. – Хорошо помню, что здесь мы были!

– Стойте спокойно, господин! – предупредил Марцин. – Уже смеркается, надо ждать, пока на небе месяц молодой покажется...

Несколько дней скрывались они: всё ждали нового месяца. Любина опять гневаться начал, упрекать стал Марцина, грозить ему. И снова наполнилось сердце молодого крестьянина болью и страхом за благодетеля своего – Золотого Селезня.

– Эх, забирайте, господин, дом мой и поле, – прошептал в отчаянии, – только не трогайте Золотого Селезня!

Сказав это, отошел Марцин от дуба, сел на берегу у самой воды и лицо руками закрыл, чтобы злой рыцарь не тешился его горем. Жаль было Марцину земли, руками его возделанной, и дома, который построил он с помощью братьев своей жены, но больше всего – молодой хозяйки, Марины. Придется ей теперь уходить из хаты, которую она сама белила и украшала... Но что было делать бедному Марцину – где мужику против рыцаря устоять! Любина не только богатством славился, не только родом своим могущественным, но знали повсюду жестокость его и злобу. Был он хитёр и коварен не меньше, чем алчен. «Простому человеку лучше уступить дорогу могущественному, нежели разгневать его» – в великой печали

и заботе думал Марцин...

И тут услышал он, что в тростниках как-то по-особенному ветер запел, что в шелесте их зазвучало что-то. Отнял он руки от лица и глянул на камыши: выплыл оттуда Золотой Селезень! И сразу прямо в сторону Марцина направился – словно увидел его издали. А вокруг него свет золотистый сиял.

Высунулся из-за дуба Любина – бледный, трясущийся от жадности: при виде золотой птицы охватило его безумие. Шептал он что-то невнятное, бормотал слова всякие и кусты ломал, что возле дуба росли.

– Тише вы, господин! – шепнул Марцин. – Селезня не полошите, улетит!

Проплыл Селезень мимо них близко, у самого берега, а потом подхватило его течение и стал он постепенно отдаляться, но на волнах за ним перья золотые колыхались – большие, сверкающие. Медленно погружались они в воду, светясь и отбрасывая блеск золотистый...

– Останешься ты, хлоп, на своем хозяйстве, как обещано! – сказал Любина. – А я сейчас эти перышки соберу... Но ты теперь не смей ходить за мной! Не смей, Марцин! Слышишь, что говорю?..

Вошел рыцарь в реку и побрел по темной воде за уплывавшими золотыми перьями. Но лишь только руку протягивал, чтобы ухватить дар Золотого Селезня, как волна тут же подхватывала перо и дальше уносила... Снова тянулся жадюга за перьями и опять относил их всё дальше и дальше от берега.

А Золотой Селезень уже скрылся из виду, и темнота снова наступила. Только высоко в небе сиял узенький серпик нового месяца, да под ногами алчного рыцаря блестели на дне реки золотые перышки. Брел за ними Любина всё дальше и дальше от берега – вскоре вода уже до пояса ему дошла. А он наклонялся и нырял в воду так, что брызги кругом летели, и всё ногтями по дну царапал. Но зря – золотые перья всё время из-под пальцев у него выскальзывали и только жадность его этим усиливали...

Марцин на берегу стоял и тревожно глядел на рыцаря. Далеко уже отошел Любина. Охватил тут Марцина страх, ибо увидел он: неосторожный корыстолюбец приближался к глубокой впадине на речном дне, где водоворот был.

– Остановитесь, господин! – закричал в ужасе Марцин. – Там глубина! Там омут!..

Однако ничего не слышал жадный рыцарь кроме плеска воды. Ничего и видеть не хотел кроме блеска уплывавших от него перьев золотых, что по дну скользили. Бросился он за ними в воду еще раз. Почувствовал в руке острый край пера, но выскользнуло оно из пальцев и укатилось в яму подводную...

Напрасно звал его с берега Марцин, напрасно прыгнул в реку и поплыл на самую стремнину – чтобы спасти несчастливца. Не захотел Любина услышать его, даже глядеть не стал на руки, что ему помощь и спасение несли – только глубже нырнул...

Сомкнулись волны речные над головой корыстолюбца. Только кувшинки речные, что вблизи берега росли, глядели вслед ему побледневшими от страха лепестками...

От автора: В давние времена находили золото в силезских реках – так же, как и в горах. Об этом гласят не только сказки, но также книги и старые пергаменты.

КУЗНЕЦ И ГНОМЫ

Далеко разносилась песня Якуба Прокши, когда летним вечером возвращался он в свою кузницу. А нес он на плече кайло – старый-престарый килоф¹ из оленьего рога, что оставил ему дед вместе с кузницей. Укрытая в глубине бора, стояла она на берегу шумливого и быстрого ручья, притулившись к склону горы Сьлёнжи, и дымилась весь день. Кайло это служило Якубу орудием для вскрытия дерна на далеких приречных лугах, что лежали за лесом: из-под дерна добывал он железную руду для выплавки.

Петрек Лабендзь, богатый рыцарь, что жил в своем небольшом замке на вершине горы, всего несколько дней назад позволил Якубу Прокше за небольшую плату добывать эту руду

¹ Килоф – род кирки или кайла: орудие горняков при работах по добыче руды.

на своих лугах.

– Только гляди, Якуб! – сказал рыцарь, угощая кузнеца мёдом в людской, где его челядь кормилась. – Поимей в виду, чтобы ты в своей кузнице всегда ко времени делал для меня всё, что мне на войне потребуется, а хлопам моим – для возделывания полей. Следи, чтобы в замке Лабендзей всегда было в достатке мечей, топоров боевых и копий, а в моих деревнях под горой Сълёнжой – плугов, хозяйственных топоров, ножей, серпов и кос. Понял?

– Ни в чем у вас недостатка не будет, господин! – ответил Прокша. – Только бы руда пригодная была, а плавильщики и кузнецы у меня неленивые...

На лугах Лабендзевых нашел Прокша руду богатую, чистую, да к тому же и близко под дерном она залегала. И была бурая, а не красноватая, не желтая – знак, что много в ней железа.

Сильно обрадовался Якуб и уже на следующий день послал товарищей своих на луга, чтобы начали копать там и сушить руду на огне. Оттого-то и пел он веселую шахтерскую песенку, как пели ее некогда его отец и дед:

Будет вдоволь железа,
Шихта в печи не влезет!
Нам руда – что алмазы!

Сыну дома не спится,
На меня он дивится –
Почему я такой чумазы?..

Дельными, трудолюбивыми были силезские забойщики. Ловко умели добывать руду кайлами из оленьего рога. Да не только из-под дерна: если надо – брали ее со дна болот и прудов, лишь бы хватало железа для плавильщиков. А эти уж, своим чередом, вытапливали руду в плавильных печах, что дымарками в Силезии зовутся. Строили их завсегда – по местному обычаю – близ кузницы, на широкой лесной вырубке, с немалым трудом выкорчеванной еще дедами Якуба Прокши.

Ночью плавить придется,
Пот обильный прольется,
Но богаче мы станем сразу...

Этими словами закончил Якуб свою песенку: неожиданно увидел что-то странное впереди.

А был он уже вблизи кузницы и вырубки, на которой стояли дымарки, – круглые печи глиняные. Днем и ночью поддерживали в них огонь с помощью мехов, днем и ночью смотрели за ними плавильщики, потому-то всегда далеко по лесу и над ручьем дымом пахло. И весь день звенели на широкой вырубке людские голоса.

Но сейчас не почуял дыма Якуб, и залегла вокруг странная, глухая, никогда здесь не бывавшая, тишина. С беспокойством прислушивался Прокша, но так ничего и не поняв, пошел дальше. Высокие деревья, что росли вдоль дороги, поредели, и вскоре за ними начался густой, но низкий ольшаник, а по земле стлалась ежевика. Однако и теперь не увидел Прокша ни одного багрового отблеска, ни одного костра.

«Что же это такое? – в тревоге подумал он. – Уж не случилось ли тут чего?» Недоброе предчувствие сдавило его сердце.

Надвинул он шапку, чтоб не слетела, и что было сил кинулся бегом к вырубке. Ничего не замечая, продирался Якуб сквозь колючий кустарник, перепрыгивал через ручейки, скрытые среди моха и папоротника. И вот уже вырубка...

Тихо было вокруг. Только где-то далеко птица ночная кричала – громко и жалобно. Испуганный, запыхавшийся, вбежал Якуб через широко распахнутые ворота на двор свой... Темно в кузнице. В хате двери выбиты. В наступающем сумраке различил он черепки побитой посуды, а возле порога наткнулся на скамейку поломанную...

За домом, на вырубке, не слышно голосов, не видно огней. Бросился Якуб к дымаркам... Стояли они погасшие, заброшенные, а внутри застывала полурасплавленная руда.

«Разбойники тут побывали!... – пронеслось в голове Якуба. – Грабители!... Что ж тут скажешь? Люди завсегда болтают, что в кузницах найдешь, чем поживиться: слитки железные,

поковки разные. Не дешевле серебра они ценятся – особенно, если так хорошо обработаны, как у меня хлопцы делали... Да и готового оружия, топоров, ножей и копий два полных сундука стояло в сарае за домом...»

Тяжко вздохнул тут Прокша, почуял вдруг, что глаза у него как-то странно жжет. До рассвета просидел он на пороге хаты, лицо руками закрыв, а утром сморил его сон тяжелый...

Солнце всходило бледное, туманное. Лениво бросало оно лучи свои на землю из-за низко нависших, клубящихся туч.

А Прокша всё еще сидел на пороге хаты – сонный, одеревеневший от ночного холода и печали. И вдруг почувствовал, как что-то теплое, влажное коснулось руки его свисавшей. Открыл глаза. Увидел возле себя пса любимого, Гацека, который ластился к нему и тихо повизгивал, будто жаловался и хотел рассказать о том, что творилось здесь накануне...

Дали псу такую кличку – Гацек – за большие уши, которые торчали высоко и прямо вверх над маленьким лбом с узкой лисьей мордочкой. Шерсть у Гацека была желто-бурая, косматая, а хвост пушистый. Верный страж поглядывал на Якуба чуть выпуклыми черными глазами и, желая показать огорченному хозяину свою преданность, пушистым хвостом вилял.

– Гапусь... Гацусь... – с трудом повторил Якуб, глядя и прижимая к себе верного друга.

Трудно ему было встать и выйти на вырубку. Из темной кузницы веяло на него страхом: а ну, как увидит он там, на полу у наковальни, помощника своего Войцеха, – с разбитой молотом головой, или самого младшего из кузнецов, Сёмека, – копьем пронзенного...

«Людей увели, а некоторых видно побили на смерть... – вода глазами по замусоренной грабителями вырубке, с горем думал Якуб. – Иные, быть может, прочь со страху бежали».

Но в тот же день суждено было Прокше всю правду узнать. Из лесу, из самой глухой чащобы, приплелся к хате нищий странствующий. Бродя по всему свету, заглянул он недавно и в хозяйство Прокши, да и прожил тут несколько дней.

– Грабители сюда понаехали нежданно... – начал он печальное свое повествование. – Неведомо, что за люди и откудова. С криком и шумом страшным ворвались сюда целой шайкой – на конях, да и пешо... Не было у нас мочи оборониться противу их – до трех разбойников приходилось на каждого нашего! Повязали они плавильщиков и с собой увели, похватили из кузницы оружие и всё, что получше было, а из хаты добро повыволокли, да и убрались во свояси... Налетели, словно буря страшная, и опять будто ветром их обратно унесло! Вывели Войцеха и Сёмека из кузни, а когда те за топоры хватались – пригрозили, что хату и всё вокруг спалят. Ну и поддались оба – жалко им тебя стало. А кто успел из рук разбойничьих вырваться – бежал, куда глаза глядят... Только и утешения, что никого тут не убили.

– Так, дедушка... – печально ответил Якуб. – Не убили! Видать, разбойники эти хватают людей, чтобы потом в неволю их продать – туркам, али татарам. Большая это беда, печаль великая, да и разорение полное...

А Гацек всё вертелся поблизости – то лизал руки хозяину, то скулил жалобно, словно говорил о верности своей и дружбе... Посидел немного на завалинке дед, но видя горе хозяина и не надеясь больше милостыню от него получить, закинул за спину тощую, драную суму, да и пошел себе по дороге, что через лес ко Вроцлаву вела.

Остался Прокша один. Семьи и родных у него не было – в своем роду оказался он последним. Из прежних его уцелевших работников кузнечных никто не пожелал вернуться к нему – страшились разбойников, боялись работать в такой глуши лесной. Потянулись к местам, где полуднее и побезопаснее – в кузницы нанимались в Тархалицах и Волове: испокон веков силезские кузнецы там осели.

Из польских деревень, что были далеко друг от друга разбросаны по равнине подсыленной, тоже никто не захотел придти Якубу на помощь: и без того обезлюдел тот край после наезда татарского и мора страшного. Даже у рыцаря Лабендзя рабочих рук для пахоты и всякого хозяйства не хватало. Да и не каждый может кузнецом быть – нелегкое это ремесло! Чтобы таким мастерством овладеть, здоровье требовалось большое, сила немалая, ловкость,

внимательность и упорство. Оно и понятно: в те давние времена кузнец был не только кузнецом, но и плавильщиком.

Немало забот стало у Прокши: зачали в округе немцы хитрые шнырять, выпрашивали мужиков, где тут дворы заброшенные имеются, высматривали в лесах древесину получше да поценнее, вынюхивали и примерялись меж собой, где бы им мельницу свою поставить вместо сожженной татарами, или мост на реке, чтобы способнее лес вывозить...

Дед-нищий, что вскоре к Прокше из Вроцлава зашел, наведаясь в праздничный день в замок Лабендзя, но когда вернулся оттуда – еще больше огорчил Якуба:

– Своими глазами видал я одного толстого немца и двух потощее, когда они с Лабендзем на крыльце стояли и околицу осматривали... Лопотали по-своему что-то и голову рыцарю морочили так, что слуги погнали их прочь: до того надоедны, черти!

Помрачнел Якуб от этих слов, спросил деда:

– А не слышал ли кто, чего они болтали?

– Слышали, слышали! – поспешил ответить дед. – Ничего иного и не плели, только то, чтобы рыцарь тебя из кузницы прогнал, да продал им вместе с лесом этим и с рудой, что на лугах...

– Боже милостивый! – схватился за голову Прокша.

– Показывали Лабендзю, что кузница твоя и не дымит вовсе... – говорил дед. – Лопотали, что, видать, спишь ты за полдень и о людях не беспокоишься, кои разбежались с твоего двора...

– Недоля моя... Беда! – в страшном отчаянии вздыхал кузнец, огорченно и скорбно глядя на остывшие дымарки, что на вырубке чернели. – Кузница! Рода нашего кузница, всех Прокшей. Как могу я покинуть ее, ежели тут еще мои деды-прадеды сидели? Лес корчевали, дом этот ставили, кузницу строили, сарай, ограду... Да и куда мне, идти? – стонал он жалобно. – В какую сторону оборотиться?

Молчал дед, озабочен был он и жалел Прокшу. Ничего не замечая, жевал он корку хлеба засохшую – всё, что нашлось в хате Якубовой, – а думал о горе хозяина.

Гацек вертелся возле них, лизал потрескавшиеся, почерневшие от работы руки Якуба. Много приходилось теперь трудиться Прокше, да разве один управиться? Мало перековал он слитков выплавленных – приходилось от наковальни к мехам перебегать и обратно, а всё одному, без помощи.

Отдохнув немного на завалинке, да поговорив еще с кузнецом, отправился дед в новое свое странствие. А Прокша принялся пересчитывать да чистить клещи, молотки и другой инструмент, что в кузнице сохранился. За этой работой и время шло, только думы не отлетали – пытался Якуб выход какой-то найти, чтобы кузницу свою отстоять от немцев...

А Гацек – видя, что не до него хозяину – погрыз корку сухую, что ему дед бросил, воды в ручье налакался и в лес побежал: позабавиться, а то и пожить чем-нибудь. Вспугнул старого кабана одинокого, что в болотце за ольхами разлегся, потом белку на дерево загнал, гневным лаем ворон переполошил, которые над кустом вереска кружили, где бедный зайчонок укрылся. По дороге жабу лесную обнюхал и носом перевернул – баловства ради. До того забегался, что с вывешенным на бок языком залез в лещиновые заросли – отдохнуть немного от гоньбы невыносимой.

Тяжело дыша, припал Гацек брюхом к земле. Охватила его дремота, потянулся пёсик, зевнул сладко, повертелся малость по собачьему обычаю – чтобы вытоптать местечко в траве – да и улегся.

Но тут вдруг какой-то твердый предмет в бок ему уперся. Вскочил Гацек, осмотрелся, принялся – пахло чем-то приятным: немного стружкой, немного ремнем старым. Схватил Гацек зубами выступавший край, рванул на себя и, к радости своей, вытащил старый постол, давно кем-то брошенный.

Совсем тут дремота от пёсика отлетела. Старый постол! Да разве может быть что-либо лучше для собачьей забавы, чем мягкая, заношенная человеческая обувь?..

Поиграл им Гацек немного, потом взял в зубы и потащил в хозяйскую хату. Забрался в темные сени и подальше за бочку, что в углу стояла, спрятал: как собаки кость прячут про

черный день.

И не знал пёсик, что в постеле том нашел себе пристанище пендзименжик – добрый маленький человечек с седой бородой, в коричневом колпачке на голове и в таком же кафтанчике, сотканном из пуха заячьего.

Днем человек всегда спал – ночью у него работы много было. Ходил он тогда по лесу и, присвечивая себе куском светящейся гнилушки, ночных сов от птичьих гнезд отгонял. Ранним же утром помогал мотылькам из куколок выходить и крылышки расправлять, а цветам – бутоны раскрывать перед восходящим солнцем. Потом вел на водопой маленького косулёнка, у которого звери матку загрызли; от волка его охранял. А еще освобождал из силков попавшихся туда куропаток и тетеревов...

Когда же падала на землю роса – купался гном в ямке, что лось копытом своим выбил. Освеженный, чистенький, возвращался он в жилище, что в старом постеле было, да и засыпал на ложе из мягкого птичьего и заячьего пуха.

После целой ночи ходьбы и работы наваливался на гнома тяжелый, каменный сон. Зарывшись в пух, не слышал он ни лая Гацека, ни путешествия в зубах пёсика. Только к вечеру разбудил его голод – тем более сильный, что пухлый носик его почуял какой-то очень вкусный запах.

Как раз в это время Якуб растопил печь и жарил на сковороде сало для заправки пшенной каши. Гном быстренько вылез из постела и с любопытством огляделся вокруг. Тихо и тепло было в сених – ни ветра, ни сырости. Приподнялся гном на цыпочках, подтянулся к самому порогу и сквозь щель в неплотно закрытых дверях заглянул в горницу. То, что он там увидел, показалось ему приятным и вызвало доверие в маленьком сердечке гнома. На лавке сидел человек в сером кафтане и в таких же постелах, как и тот, что служил гному жилищем. На коленях человек держал миску с кашей и ел из нее. Рядом с ним, у самых ног хозяина, аппетитно чавкая над малой мисочкой, уплетал кашу пёсик.

Известно, как любят гномы вкусную еду. С большой охотой пьют они молоко и едят

пшеничную кашу со свиными шкварками.

Но не посмел гном войти в хату и попросить незнакомого хозяина, чтобы он и ему выделил часть своей еды. Поэтому притаился за порогом и стал ждать.

А тем временем Прокша поужинал, да и лег на полатах, где сено было положено и застлано козухом. Гацек же прыгнул через порог и, чуть не растоптав гнома, отправился дом сторожить. В печи догорали смолистые щепки и бросали на пол тусклый свет.

Гном осмелел, перелез через порог и вошел в горницу. Охватило его сразу приятное тепло, а манящий запах, что долетал от сковороды, казался гному еще милее. Тихо ступая по глинобитному полу своими тонкими ножками, обутыми в сапожки из кожи, которую недавно сбросил с себя ужик, стал гном собирать возле лавки рассыпанную кашу, крошки хлеба и кусочки шкварок, которые упали с ложки Якуба.

Обильно поужинал гном – пришлось маленько распустить на своем круглом брюшке пояс, сотканный ему в подарок старым одиноким древесным пауком.

«О, видно хороший хозяин этот человек, что спит на полатах! – подумал гном. – Сам ест и о собаке заботится. Сколько каши ему в мисочку наложил!»

А Прокша и не спал вовсе – печальные мысли его в это время одолевали. Со своего ложа заприметил он гнома и усмехнулся добродушно, видя, как маленький человечек старательно собирает с пола и с аппетитом ест крохи, оставшиеся от ужина.

«Добры они, эти человечки! – подумал он. – Старательные, заботливые, полезные... Пусть он у меня поселится. Веселее с ним будет в хате, всё не один я...»

Утром поставил он для маленького гостя – поближе к порогу – мисочку похлебки и кусочек хлеба помягче. С того дня, когда, бы ни ел, всегда помнил о гноме.

А маленький человечек, видя, что хозяин дружелюбен к нему, совсем освоился и надолго загостился в хате Прокши. Теперь он совсем изменил свои обычаи – как и люди спал ночью, а работал днем. Однажды, прибирая в сених, Прокша глубже задвинул бочку в угол, чтобы Гацек не добрался до постела. Так что пёсик вскоре и позабыл о принесенной из лесу забаве. Теперь уже никто не мог нарушить покой в жилище гнома.

Обрадованный этим маленький человечек насобирал в лесу заячьего пуха и выстелил себе новое ложе, а из пустого ореха смастерил себе музыкальный инструмент, на котором по вечерам очень красиво играл. Днем же старательно работал и много услуг оказал кузнецу. Уцелевшим от грабителей курам устроил удобные гнезда, чтобы не приходилось им нестись в лопухах; коровам сочный хебд¹ в корм подбрасывал, чтобы молоко пожирнее давали; пёсику будку вымостил и покрыл наново, чтобы кудлатого дождь не мочил. Обойдя весь дом и двор, осмотрев его, да справив всё, что надобно, отправился гном в кузницу, где Прокша трудился в одиночестве, перековывая оставшиеся после наезда разбойников слитки выплавленного железа.

Едва гном через порог кузницы перелез, как зашумело что-то на дороге, и вот уже сам Лабендзь, с двумя своими оруженосцами, остановил коня возле кузницы.

– Эй, Прокша! – крикнул рыцарь. – Вот тебе мой меч, надо перековать его. Да поспеши, брат, а то он мне скоро на турнире понадобится!

Тут оруженосец вручил Прокше меч в сафьяновых ножнах.

– А кроме того, – сказал рыцарь, еле сдерживая удилами танцующего под ним и рвущегося вперед каштанового скакуна, – надобно выковать мне четыре копы² хороших копий! Только гляди – я долго ждать не буду!.. За платой не постою – крикнул он, уже мчась к лесу, – дам столько, сколько следует, только поспеши с работой!

Нисколько не заботясь о том, что в кузнице нет выплавленного железа и работников, рыцарь и два его оруженосца умчались по дороге. Только комья земли, да клочья травы из-под ног коней во все стороны полетели...

Встревожился Якуб. Нет, не выполнить ему одному такой работы для Лабендзя! А это значило отдать кузницу в чужие, немецкие руки... Пред очами Прокши страшная картина

¹ Хебд – (гебд) род кустарникового растения с мягкими сочными листьями: обычно подмешивается в корм скоту.

² Копа – польская мера счета: шестьдесят штук.

возникла: вот толстый немец и два его тощих подручных хлопочут возле наковальни, а другие, целой толпой, мехами огонь на горне и в дымарках разжигают наново, на чужом добре свою выгоду правят...

«Что делать? Как мне от беды уберечься? – горько раздумывал Якуб, вертя в руках меч. – С этим-то я управлюсь, а копьё? Где железа взять, как их столько выковать за короткий срок?»

Сам с собой разговаривая, на горе свое сетуя, взялся Якуб за перековку меча Лабендзева и остаток угля в горн засыпал. И не знал Якуб, что гном в самом темном углу кузницы под лавкой сидит, зорко смотрит на всё и каждое слово человеческое ловит...

До позднего вечера работал Якуб и, чуть не сомлевши совсем, бил по наковальне, да меха в горне раздувал. К заходу солнца меч был готов. Начистил его Якуб до блеска и положил в сундук, что в хате стоял. Потом лег на полати и распрямил натруженную за день спину. Недолго однако спал он – печальные мысли сон отогнали. Встал Якуб опять, чтобы пойти в кузницу. Но только за порог вышел, остановился словно вкопанный и замер от сильного удивления...

По всей вырубке и в кузнице от пылающих горнов кузнечных и веселых костров на поляне было светло как днем. Дымарки ожили: снова текла из них выплавленная багрово-бурая руда, снова меха поддерживали в печах пламя и жар. А двигали те меха крохотными ножками своими маленькие плавильщики-гномы – все одетые в кожаные фартуки, как и пристало в кузнечном ремесле. Пенился шлак поверх растопленной руды, и маленькие работники сгребали его крохотными лопатами. Возле дымарок подручные рубили на куски мягкие еще слитки железа, чтобы ковать способнее было...

Не счесть, сколько там молотов било, сколько работало маленьких человечков, одетых в коричневые колпачки и кожаные фартуки! Шум самосильный над вырубкой стоял – шум голосов работающей толпы. Словно в улье гудело всё вокруг!

Спрятался Якуб за угол хаты и стал из-за кустов глядеть на маленьких кузнецов и плавильщиков. И не мог надивиться, как складно у них работа идет, как всего им хватает – и умения, и расчета, и ловкости. Заметил, как на конце вырубки дым из ям идет, где гномы-угольщики выжигали древесный уголь, для поддержания огня в дымарках потребный. А на лесной дороге показались маленькие возы, груженные кусками уже выплавленного железа. Тащили их козы и олени, а гномы-возчики только покрикивали на них весело.

– Что делается... – шептал Якуб. – Боже, что делается!

Скрываясь меж деревьями и за кустами, обошел Прокша хату, прокрался к кузнице и через окошко в задней стене заглянул внутрь. Гудело там и звенело всё от работы – маленькими клещами вытаскивали гномы-кузнецы раскаленные куски железа из горна, на котором пылал ровный и сильный огонь. Другие, толпясь, но не мешая друг другу, ковали копьё и наконечники для стрел. Много их было этих маленьких человечков – потому и управлялись они с длинными копьёми и тяжелыми наконечниками: громадой всё одолеть можно! А над этим согласным и веселым трудом, словно весенний радостный ветер, словно птичий щебет, звенела старая кузнечная песня:

*Будет вдоволь железа,
Шихта в печи не влезет!..*

В большом ящике, что стоял у порога кузницы, увидел Якуб десятки уже готовых копий – блестящих, хорошо откованных.

Радость охватила кузнеца. Хотел было подбежать к маленьким своим помощникам и от чистого сердца поблагодарить их, однако остановился сразу и присел возле хаты, вдали от места работы гномов – чтобы не мешать им. Припомнилось Якубу всё, что говорили среди кузнечного сословия об этих маленьких человечках. Кузнец работает днем, а гном помогает ему ночью. Не любит он, если человек станет возле него и глазает – сердится тогда, бросает инструмент, уходит и больше уже не возвращается. Никакой платы гном не принимает, ибо помогает человеку не как наемник, но только как товарищ и собрат по ремеслу.

Решил поэтому Якуб незаметно поставить на пороге кузницы жбан пива: гномы так же, как и люди кузнечного ремесла, за работой любят гасить жажду пивом. Тут же, рядом со

жбаном, поставил миску, крошил в нее хлеба свежего и сыра. Но делал всё тихо и незаметно, чтобы не всполошить занятых работой человечков.

А гномы старались вовсю – не отдыхали ни минутки до того часа, пока в курятнике Прокши не пропел в третий раз его пестренький голосистый петушок. Якуб тихонько вернулся в хату, а маленькие кузнецы неведомо каким образом спрятали под землю свои горны и дымарки, да и сами куда-то исчезли. Остались только сложенные в сарае за кузницей груды копий, которые они выковали ночью для рыцаря Лабендзя.

Дивился Якуб прекрасной работе гномов и не жалел им ни питья, ни мёда, которые налил в мисочки и жбаны, порасставив их по разным углам своего хозяйства. Лабендзь тоже был доволен отличными копьями и перекованным мечом: прислал Якубу полный кошелёк серебра.

Теперь снова каждый день дымила труба в Якубовой кузнице, и голубоватая полоса дыма, поднимавшаяся над лесом, возвещала людям, что Прокша не спит до полудня, а усердно в кузнице трудится. Каждое утро находил Якуб в ящиках приготовленные ночью гномами железные слитки, а под стеной на дворе – кучу свежесжиганного древесного угля, которого ему на весь день работы хватало.

Рыцарь Лабендзь и окрестные мужики всё больше привозили Якубу заказов на кузнечную работу, а платили, как кто мог – кто деньгами, а иные разным припасом домашним. Хорошо теперь стало Прокше – был у него в хате и холст на рубахи, хватало и муки на калачи и лепешки. Каждый день ел он теперь жирную кашу, досыта пил мёд и пиво. Известно: если кому-либо из кузнецов помогала громада этих маленьких, но очень трудолюбивых человечков, то всё шло у него как по маслу – что в замыслах своих, то и в работе.

Прознала о больших достоинствах Якубовых одна вдовушка красивая и так дело повела, что влюбился в нее кузнец и замуж хотел ту вдову взять.

– Однако, пока дело до свадьбы дойдет у нас с тобой, Якуб, – однажды сказала вдова, – приеду я к тебе с соседками своими и полный порядок в твоём холостяцком хозяйстве наведу!

– Добро, Кася, приезжай! – ответил Прокша. – Приезжай и делай, что сочтешь нужным.

На следующий день, чуть рассвело, явились к Прокше три бабы – все с большими метлами. Радушно принял их Якуб, пшеничных клёпок наварил целый горшок, а когда позавтракали все, ушел к себе в кузницу. Кася в алом платке на голове и в большом переднике быстро начала уборку.

– А ну, пошел вон отсюда, блошинная чума! – закричала она на Гацека и метлой его огрела. – Ступай в лес, дармоед, не то я тебе уши длинные пообрываю!

Устрашенный пёсик, поджав хвост, кинулся сломя голову в лопухи, а оттуда в лес умчался. В душе своей собачьей поклялся Гацек никогда в жизни на глаза страшной бабе не показываться. Услышав сердитые крики вдовы, Прокша выглянул из кузницы, но хотя и понял, что зря обидела она пёсика – не вступился за Гацека. Влюблен был в Касю и не захотел с нею ссориться.

– Бах... бах... ба-бах! – била Кася палкой по кожухам Якуба: пыль выбивала. Да так, что на смерть исполошенные куры со двора, кудахта испуганно, во все стороны разлетелись. А тем временем обе соседки Касины сени мести начали. Выдвинули из угла бочку и, громко проклиная ее тяжесть, выкатили на двор. А Кася, вытряхнув кожухи и сермягу, схватила метлу и давай так мести, что пыль столбом пошла. Но вместе с мусором и постол старый из угла вымела. Схватив его сильной рукой, вдова швырнула постол в кусты за воротами, а соседки ее туда же закинули мисочки с кашей и мёдом.

Разбуженный всем этим шумом и грохотом, маленький человечек так сильно испугался, что выскочил из своего жилища еще до того, как постол в траву упал.

– Мышь! Мышь! – закричала Кася.

– Жаба! Жаба! – завопили соседки и кинулись за гномом: едва не затоптали его ногами.

Потеряв в бегстве свой коричневый колпак и сапожки из кожи ужа, босой и перепуганный, гном спрятался в самом темном месте леса и, припав к земле, в листья сухие зарылся. Решил нынче же ночью отыскать любимое свое жилье – старый постол – и вместе со

своими товарищами перебраться в безопасное место, подальше от беды. Горько плакал маленький человечек от обиды – за всё старание и помощь кузнецу, вот как низко и подло с ним обошлись!

Тем временем три бабы весь дом перетряхнули и повыбросили всё, что им ненужным показалось.

А Прокша всё время в кузнице за работой провел и ни разу в дом не заглянул, чтобы будущей хозяйке ни в чем не мешать. Зато вечером некому уже было вызывать трудолюбивых гномов в кузницу – не запыхал ни один костер, не задымил ни один горн. Бессовестно выгнали маленького человечка из дома Прокши. Прослышав об этой подлости, стали все гномы обходить стороной кузницу Якубову.

Остановилась работа. Снова никого не мог себе в помощь найти Прокша. Опустились бочки и мешки в амбаре. Не стало в доме достатка, и вдова всё дальше стала оттягивать день своей свадьбы с кузнецом. Напрасно Якуб ходил к ней и раз, и другой, чтобы о свадьбе условиться. Каждый раз соседки говорили ему, что уехала она к своим родным, далеко – под самый Вроцлав. В третий же раз ему и вовсе дверей не открыли. А в четвертый – сказали, чтобы возвращался к себе, по добру, по здорову: Кася-де кольцами с пекарем обменялась и женой его во Вроцлаве остается.

Так и жил теперь Прокша один – без друзей и без помощи. И почувствовал, что с каждым днем покидают его силы. Навестил его только дед – странствующий нищий. Да и тот с недоброй вестью:

– Ох, Якуб! – с печалью великой сказал он. – Опять на Сьлёнжей горе, в замке Лабендзевом, немцы проклятые вертятся. Уговаривают рыцаря, чтобы им кузницу и хозяйство твое продал, а тебя отправил... Беда, Якуб, беда!

Заплакал горько кузнец. А не найдя способа из беды выйти, от боли и тоски захворал тяжело. Лежал в избе на полатах, слабый и беспомощный. В кузницу и не заглядывал вовсе – даже легкой работы не мог теперь осилить.

Шли дни в забвении полном и в голоде. Но вот однажды вечером услышал Якуб царапанье у двери. Кое-как вышел в сени, открыл дверь и видит: Гацек домой вернулся. Худой и вылинявший весь, но по-прежнему хозяину своему преданный.

– Гацусь!.. Ой, Гацусь мой! – взволнованно закричал кузнец и к себе верного пса прижал.

Как же стыдно было ему, что такого верного друга позволил избить и из дома своего выгнать! И как радовался он, что вернулся Гацек!

Хоть и слаб после болезни был Прокша, однако поднял пёсика и в дом его внес. А потом поставил на место будку его, которую недобрые бабы выбросили, поправил ее и свежим сеном выстелил. И Гацек снова, по-давнему, зажил во дворе, по-давнему начал свои забавы песьи, да гоньбу по лесу устраивать. Снова на дороге между пихтами лай его веселый раздавался – то он белку на дерево загонял, то старого одинокого кабана из болотца выгонял, и тот, подняв на хребте щетину черную, в лес убежал.

Так и шло, пока далеко в лесу, в зарослях, снова отыскал Гацек старый постол, выгреб его из-под листьев и опять в сени притащил.

Заметил это гном – он как раз близко находился: спасал мотылька, который в сеть к пауку попал. Не пожелал человечек расставаться со своим жилищем, что так по душе ему пришлось, а потому и пошел следом за пёсиком. К своей радости увидел, что опять затащил Гацек старый постол в сени и положил его в темный угол, на старое место. Но боялся гном сразу поселиться там: а вдруг новое изгнание? Обошел весь дом, прислушался – нет ли бабьего визга? Не нашел никого, кроме хозяина, что лежал на полатах больной и печальный. Укрывшись в лопухах, переждал гном до вечера. Нет, злых баб не видать нигде. Маленький человечек решил, что надолго они исчезли отсюда, и поселился опять в хате Прокши, в старом постоле.

Вечером, когда в печи догорали смолистые щепки, а Прокша закончил ужин, добрый гном вышел из своего укрытия, чтобы поживиться хлебными крошками. Заметил это кузнец, и огромная радость сердце его наполнила. Да и как иначе могло быть, если возвращается к

тебе друг верный!

В кладовке теперь мало чего оставалось для еды. Собрал Прокша немного хлебных крох, слил в мисочку последние капли пива из бочонка, отнес всё это в сени и поставил у порога. Гном осмелел: понял, что рад ему хозяин. Охотно съел этот скромный ужин и, никого уже не боясь, направился в кузницу – посмотреть, что там делается? Тихо тут было и пусто. На горне серел холодный пепел, а в нем лежал едва тронутый молотом железный слиток. Повсюду в углах висела паутина...

При виде такого запустения добрый гном огорчился сильно: забыл о причиненной ему обиде и взялся за работу, да на помощь своих товарищей призвал. Маленькие кузнецы решились и на этот раз помочь бедному Прокше. Едва стемнело, запылали на вырубке костры. Встали у ям угольщики, у дымарок – плавильщики, у горнов и наковален – кузнецы. Пока в курятнике третий петух пропел – наготовили гномы и угля древесного, и железа выплавили немало, и кузницу всю прибрали, и горн разожгли так, что из трубы дым столбом к небу поднялся.

Утром с горы увидел этот дым рыцарь Лабендзь. Он как раз вышел на вал замковый и осматривал бескрайние леса и поля вокруг горы Сьлёнжи.

– Ну, Прокша у наковальни! – сказал он, показывая на дым своему управителю. – Прогнать немецких мастеров!..

ШТОЛЬНЯ В СОВЬИХ ГОРАХ

Весной в Совьих Горах расцветают снежицы¹. На крутых склонах гор – под лиственницами, брекиной² и буками – они белеют тогда, как изумительный светлый ковер: снежицы растут плотно друг к другу. Невысоки они, и только по одному цветку дает каждая их луковичка. А темно-зеленые листочки, узкие и блестящие, окружают цветок, как бы защищая его от дуновения холодного ветра.

Каждый лепесток снежицы украшен зелененьким пятнышком – издали цветок напоминает колокольчики, которые поспешили расцвести раньше своих летних, лиловых собратьев...

Однажды прекрасная Люкерда вила венок из снежиц. Тихим и теплым утром сидела она на обомшелом камне под зеленой лиственницей, а у ног ее струился ручей, отражая в воде красивое личико девушки и складную ее фигурку в легком платье.

Опустила Люкерда на мох свои маленькие ножки в красных сапожках, а ветерок развеял по спине ее мягкие светлые волосы, подобные самому тонкому льну. Но хотя вокруг цвели и источали аромат разные цветы и зеленела трава, хотя чижи и зяблики весело пели в ветвях лиственницы – печальна и задумчива сидела дивчина. То и дело откладывала она наполовину сплетенный венок, прислушивалась чутко и на лес поглядывала, как бы поджидая кого-то...

И вот раздвинулись кусты. Вышел из-за них юноша, одетый, как и все сельские парни, в крестьянскую куртку, холщовую рубаху, суконные штаны и постолы. На пряжке его пояса виднелся знак: два скрещенных молотка. Правый, именуемый перликом, был закруглен на манер лука, но конец древка не выступал поверх железа. Левый же молоток – наподобие клещей – был иной формы: ручка его выходила поверх металла.

Каждый, кто видел этот знак, понимал – перед ним горняк, «гварек», который добывает из земли ценную руду и железо.

– Милош! – Люкерда протянула руку юноше.

Парень подбежал к девушке и нежно пожал ее руку. Лицо его осветилось радостью.

– О, как я рад, что вижу тебя, Люкерда! Столько раз приходил сюда, но не заставал...

– Отец много работы задал, – ответила девушка. – И пряла я, и ткала, и хлеб пекла... Все эти дни никак не вырваться было. А теперь он опять уехал – за вином и тканями дорогами.

¹ Снежица – (весенняя) луковичное растение, редкий белый цветок, обычно растущий в горах и предгорьях: сейчас находится под охраной государства.

² Брекина – редко встречающийся ныне вид рябины.

– Я рад, что снова вижу тебя! Ты еще прекраснее стала! – нежно сказал юноша. – Но что это, Люкерда? На твоём пальце перстень? Драгоценный, красивый... И камень в нём сверкает голубой. Раньше у тебя не было перстня!

– Да, Милош, да... – голос Люкерды был тихим, в нём звучала глубокая печаль.

– Кто же тебе дал его? – в тревоге прошептал юноша. – Скажи, не скрывай от меня ничего!

– Этот перстень дал мне отец! – ответила девушка. – Он и вправду красив, только не радует меня такой дар... Ох, если бы ты знал, как давит он мне палец, как тяжёл он моему сердцу!.. Отец дал мне его затем, чтобы у меня было чем обручиться, когда он вернётся. Должна я отдать этот перстень богатому рыцарю, который руки моей просить будет... Отец велит мне выйти замуж за богатого пана... А я выбрала тебя, Милош... И тебе, только тебе хотела бы отдать этот перстень... Люблю тебя!

– Люкерда! – воскликнул юноша. – Жестокую судьбу готовит нам твой отец... Нет! Не можешь ты выйти замуж за рыцаря!

– Не могу, Милош...

С этими словами доплела девушка красивый венок из снежно-белых пахучих цветов, одела его на головку и обернула личико к юноше, чтобы он похвалил работу ее.

– Ты сама, как лесной цветочек! – в восторге прошептал юноша. – Разве можно не отдать тебе сердца – навсегда?

– Тогда посоветуй, что делать? Как отца умолить? – в очах Люкерды блеснула надежда. – Пойдем, походим немножко. День такой светлый, солнце позолотило горы...

Тропа вскоре привела их к скалам. Посекло их дождями, повывкрошило ветрами, а морозом трещин понасекло в породе. А над лесом – высоко, еще в снежной шапке, окутанная облаками дремала вершина горы: Большая Сова.

Долго советовались Милош и Люкерда, обдумывали, как отца ее, богатого и важного купца, склонить на сторону Милоша? Как упросить его, чтобы отменил свою жестокую во-

лю? Перстень осматривали, любовались работой мастера. Сапфир сверкал будто капля лазури, упавшая в прозрачную воду.

Когда Милош взял перстень из рук Люкерды, чтобы получше разглядеть его – перстень как-то странно выскользнул у него из пальцев и покатился вниз по каменистому склону горы. Юноша побежал следом, чтобы схватить его, но прежде, чем успел протянуть за ним руку, перстень упал в глубокую расщелину, что чернела поперек обрывистого в этом месте склона.

– Сейчас я его достану! – крикнул Люкерде юноша.

Он достал из-за пазухи завернутое в тряпицу горняцкое долото, с которым никогда не расставался. Раз и другой попытался юноша достать перстень из расщелины, но выскреб только клочок лишайника и горсточку песка. Люкерде тоже не удалось: тонкая длинная ветка тут же переломилась надвое. Перстень исчез...

– Что же делать? – спросила озабоченная девушка. – Что я скажу отцу, когда он вернется и спросит про перстень?

– Подожди, Люкерда, не огорчайся! Придумаю что-нибудь! – успокоил ее Милош. – Не в новинку мне искать то, что земля в себе скрывает, – горняк я! Эту расщелину я сделаю пошире и проникну туда... Буду отбивать твердую породу кусок за куском, пока не пробью в камне проход вглубь горы. А там и пройду этой штольной внутрь скалы, пока не найду твоего перстня. Хороший способ?

– Еще бы! – обрадовалась Люкерда. – Если ты умеешь находить в земле свинец и серебро, то и перстень найдешь... Ты молодец, Милош!

На том и порешили. А время шло. Не успели Люкерда и Милош оглянуться, как и день пролетел. Пора возвращаться в город, где дом ее отца стоял – богатый, двухэтажный, на самой рыночной площади. А Милоша ждала убогая хатенка старшины их горняцкой артели, где все были равны и делили промеж себя каждый ломоть хлеба, тяжкий труд и рабочую песню...

Солнце садилось. Краем оно уже касалось Совьих Гор и багрянцем окрашивало скалы. Снег на вершине Большой Совы порозовел от вечерней зари, белые днем облака теперь обрели лиловый оттенок, а их края отделила от бледно-голубого неба золотистая кромка...

В горняцкой артели старшим был мудрый Зых Кулимага. Горняки арендовали у Вроцлавского епископа – притом за немалую плату – склоны гор и часть лугов в долине. Там они и трудились: кто в штольнях, а кто в открытых раскопах. Каждый горняк имел свою долю в работе и в доходах – «кукс», и каждый имел свой голос – «гвар» – на собрании артельном, отсюда и название им пошло: «гварек», то есть «вольный горняк».

Старательные и согласные в работе и в жизни, трудились горняки с рассвета до сумерек. Уставшие, славно поработавшие, спали они в шалашах около входа в штольню, а порой и под ее сводами, укрепленными дубовыми стойками. Разводили костры, ужинали, рассказывали про разные дела любопытные – пока городские часы полночь не прозвонят. И всегда возле костра стояли две бочки – одна с пивом, другая с водой. Житный сухарь, кусок сала жареного, да печеная репа – вот и весь ужин горняцкий.

Не слишком-то хорошо жилось артели. Земля здесь скупа была на руду, скрывала от горняков золото и серебро. С большим трудом, по грошу, приходилось собирать плату арендную, чтобы отнести ее епископу. На мясо или вино денег в артели не было, а работать приходилось всё тяжелее. Бывало и так, что Милош за целый день неба не видел, спины натруженной разогнуть не мог – до ночи в штольне работал.

Однако, как ни трудно было ему и всей артели, нашел юноша время пробить новую штольню – там, где перстень упал. Всё глубже и глубже врубался он в скалу, откалывая большие куски гранита и гнейсов. Вот уже и двадцатую стойку из крепкого дуба поставил он под свод, а всё еще не мог перстня найти...

«Подшучивает надо мной земля... – думал юноша, продолжая вгрызаться в скальную штольню. – Только ни к чему ее шалости: сюда перстень упал, здесь я его и найти должен!»

И не отдыхал хлопец в работе, силы свои удваивал, всё дальше и дальше прорубая не-

широкий ход...

А был в артели один хитрый и на редкость завистливый человек. Звали его Сьядек, и имя это как нельзя лучше подходило к нему – словно бы нарочно подобрали. Любил этот Сьядек следить за каждым из своих товарищей и даже через плечи рядом сидящих артельщиков в тарелки чужие заглядывать. Все ему знать нужно было, всегда чужие новости подслушивал и на каждом слове великие сплетни плел. А был он некрасив и даже уродлив с виду – нос длиннющий, глазки маленькие, близко посаженные, брови косматые, а усами и бородой сама судьба его обделила. На голове же у Сьядека блестела выпуклая лысина, а на ней несколько бородавок сидело. И походка у него была какая-то кошачья, и все повадки лисьи...

Заметил этот Сьядек, что Милош – то вечером, то утром – берет с собой кайло и долото, да уходит куда-то.

«Эге! Парень-то, видать, втихомолку разведаль, где золото и серебро залегают! – с жадностью подумал Сьядек. – Вот и ходит туда, копает, чтобы своей невесте наряды дорогие купить... Умен, что говорить! Ловко прячется, только ведь и Сьядек не так глуп, как он думает! Пойду-ка за ним, да погляжу, сколько там золотишка лежит в руде скальной? Пусть-ка поделится Милош и со мной! Али я ему не товарищ? Пусть и мне золотишка даст!»

Стал прокрадываться Сьядек за юношей. И вот, когда Милош пришел в свою штольню, когда начал работать – хитрец проскользнул за ним, притаился и начал следить, как Милош пробивает свою штольню. А юноша, как всегда, работал усердно, ничего не замечая – только каганцом себе присвечивал.

«Не видать еще золотишка-то... – подумал Сьядек. – Наверно только подход к руде делает». И громко сказал юноше:

– Эй, Милош! Эй, братец! Что ты тут делаешь в одиночку? Почему ни слова артели не сказал, зачем сюда ходишь, дорогуша? Давай, помогу тебе, а? Хочешь? А ты мне дашь взамен долю из своей добычи? Ладно?

– Эх, Сьядек! – с обидой покачал головой юноша, продолжая бить кайлом. – Какая такая добыча, какая доля? Что тебе в голову пришло? Или не видишь, что тут окромя гнейсов да гранита, ничего нету?

– А тогда зачем тебе эта штольня, с таким трудом пробитая? Ага!..

– Да вот девушка моя перстень сюда уронила, ищу его – только и дел... Расширил ту расщелину, в которую он скатился и лежит где-то здесь, глубоко.

– Врешь ты всё! Не верю! – закричал Сьядек. – Столько труда для девки какой-то? Нет, братец, не отвертись! Золотишко ты ищешь, а не какие-то там бабские украшения, вот что!.. Дай мне долю, я тогда и слова никому не скажу...

– Я тебе правду сказал, Сьядек! А не веришь, так оставь меня и иди себе...

– Ага, оставить тебя? Теперь? Когда уже и золотишком можно попользоваться?.. Ну, нет, братец! Если не хочешь вместе со мной копать, то получишь только свою часть – мы горняки, у нас артель... Я тебе покажу «иди!»

И с этими словами учинил дело страшное: ударил сзади по голове Милоша тяжелым долотом!... Упал юноша навзничь и каганец масляный из ослабевших рук выронил. Густая и страшная темнота залегла вокруг. Перепугался Сьядек и кинулся бежать из глухой штольни. Раз и другой стукнули его сапоги по камню, потом всё стихло. Милош лежал недвижимо...

Перстень Люкерды был тяжелый и большой. А сделал его искусный мастер – золотильщик из далекой страны – на манер плоского и гладкого обручального кольца, украшенного драгоценным сапфиром; чтобы и для обручения был годен, и о богатстве купеческого дома свидетельствовать мог. Мастер-умелец настолько гладким этот перстень сделал, что, упав в расщелину, он, так нигде и не зацепившись, свободно покатился вглубь горы.

Ни Люкерда, ни Милош даже и подумать не могли, как далеко мог закатиться перстень. А он катился себе и катился до тех пор, пока не попал в небольшой грот, что образовался не-

когда в глубине горы от землетрясения. Известно: оно даже самую крепкую скалу раскалывает.

В этом тихом и сухом гроте жил пендзименжик – маленький, добродушный и трудолюбивый человек. Как рачительный хозяин, перегородил он грот плетнем из молодого камыша. В одной комнате устроил себе обычное для гномов мягкое и удобное ложе, а в другой – запасы всякие на зиму держал. Еще с осени натаскал он сюда орехов, ягод засушил, а в мисочки из желудевой скорлупы собирал меду цветочного. Хранил он там и пряжу из заячьей и косулиной шерсти, которую старательно собирал в лесу каждое лето. Набивал в мешки, плотно сотканые из самых тоненьких конопляных волокон, пух птичий – на зимние перины и подушки.

Гном только что пробудился от послеобеденной дремы и начал сшивать паутинкой свой красный кафтанчик, разодранный накануне о терновую колючку, когда в тишине подземного грота послышался стук. Он то стихал, то снова возникал, постепенно усиливаясь и нарастая, пока с шумом не вкатился в грот... чудесный перстень! В отблесках тусклого огонька, который горел в раковинке улитки, гном заметил блестящее золото, а сапфир таким ярким синим огнем сверкнул, что человек даже глаза протер кулачками.

– Вот это неожиданность! – всплеснув от удивления ручками, воскликнул гном.

Он знал, что обычно перстни носят люди – для украшения. Но никак не мог понять: кто и зачем бросил эту драгоценность в его грот?

С любопытством разглядывал человек дорогой перстень: маленькой ручкой прошелся по гладкой поверхности золота, затем прислонил перстень к стене и залюбовался великолепным камнем.

Прошло несколько дней. Не раз слышал человек, что где-то – всё ближе и ближе – раздается сильный и равномерный стук. Однажды ему показалось, что к этому стуку прибавились еще и голоса людей. Знал он, конечно, что в Совьих Горах работают горняки, но штольни их были далеко, а сейчас голоса раздавались уже довольно близко. Это встревожило гнома. Зажег он маленький каганец собственной работы и, неся его впереди, на вытянутой руке, поспешно направился к выходу на склон. Вскоре он увидел, что узкая прежде расщелина – совсем недалеко от грота – превратилась в широкую штольню, свод которой был укреплен дубовыми стойками. Знал и про это гном: люди, которые хотят добраться до ценной руды, что залегает отвесно в глубине горы, всегда укрепляют своды.

– А-а! Это горняки!.. – успокоенно прошептал гном.

Желтоватый свет каганца падал на пол штольни. Гном осмотрелся вокруг и вдруг вскрикнул от испуга: в углу, раскинув руки, навзничь лежал юноша. На голове его зияла глубокая рана, около которой блестела лужа крови...

Огромная жалость пронизала доброе сердце человека, когда увидел он это несчастье. Дрожа от нетерпения и страха за жизнь юноши, припустился гном обратно в свой грот, собрал в колпачок всю паутину, взял коробочки из берестяной коры, где снадобья целебные лежали, захватил даже рубаху свою мягкую из тончайшего полотна, и вернулся к юноше. Как умел, начал раны его перевязывать и хлопотать возле него, стараясь привести юношу в чувство, вернуть ему жизнь... Однако горняк по-прежнему лежал недвижно, бледный, с каплями крови, засохшей на светлых волосах.

«Что делать? Что делать? – в отчаянии думал человек. – Не помогают никакие мои старания!.. Должно быть рана смертельна. Позову-ка я своих собратьев, да выкопаем мы этому юношу горняку могилу на самой вершине... Пусть ему ветер песни поет, а ручьи музыкой улаживают... Ах! – вдруг припомнил гном, потирая лоб. – Теперь я понимаю, откуда взялся в моем гроте тот перстень! Это же его вещь! Видать, соскользнул у него с пальца, когда упал этот юноша на обломки скальные... Надобно одеть его обратно!»

Вернулся гном обратно в грот, выкатил перстень и, дотавив его до штольни, обратно на палец юноши надел. А в сапфире, когда решила Люкерда перстень этот Милошу отдать, превеликая сила любви скопилась. Едва одел его человек на палец Милоша, юный горняк пришел в себя и глаза открыл.

– Где я? – спросил он слабым голосом.

– В доме друга! – ответил человек и удвоил свои старания, чтобы остановить кровь и перевязать Милоша.

Отцветали уже белые снежицы в горах, лето уже кипрей на скальном склоне в розовый цвет окрасило, но тщетно Люкерда поджидала Милоша – то у входа в штольню, то у хатенки Зыха Кулимаги, то возле своего любимого камня над ручьем. Не приходил юноша и никакой вести о себе не подавал! На счастье, отец Люкерды дольше обычного в своей торговой поездке задержался, оттого и день обручения с рыцарем откладывался – к радости девушки.

Подлый и хитрый Сълядек, когда убегал из Милошевой штольни, так ловко понакидал у входа куски дерна и камни, чтобы люди подумали, будто в темном проходе свод обвалился и Милоша под собой похоронил...

– Не жди ты больше, дивчина! – сказал Зых, застав однажды Люкерду возле скального обвала, заплаканную и печальную. – Не вернется хлопец: не отдаст земля того, кого в себе сокрыла...

И наступили для Люкерды черные дни скорби. Забросила она яркие ленты и платья расшитые, сняла с шеи ожерелье янтарное, отложила красные сапожки в угол чулана. Кого ей теперь тешить пригожестью своей и румяным личиком, если не стало больше Милоша?

Сожалели горняки о своем юном, но верном товарище, вспоминали за кружкой пива в корчме, каким милым и отзывчивым ко всем был молодой горняк.

– Эх, недоля наша, тоска... – вздыхал Зых Кулимага. – Ни песни петь, ни сказки веселые рассказывать не хочется, коль нашего хлопца не стало...

Кто из них мог подумать, что глубоко под землей, в самом сердце гор, в темном и тихом гроте пендзименжика, лечит маленький человечек юного горняка, днем и ночью от него не отходит?

А Милош долгими вечерами, при свете крохотного каганца, рассказывал гному историю своей любви к Люкерде:

– Отец ее повелел дивчине обручиться с могущественным и богатым рыцарем... – печально говорил Милош, всматриваясь в желтый огонек каганца, – для этого и перстень ей дал. А от меня отказывается: беден я.

С интересом слушал человек всё, что говорил ему юный горняк. Хмурил снежно-белые брови, озабоченно дергал бородку. Однажды, под конец лечения, дал он Милошу такой мудрый совет:

– Пробей дальше свою штольню! Пусть она будет самой длинной в Совьих Горах. Тут, за стенами моего грота, лежит руда, а в ней есть золото. Если ты сумеешь искусно обойти мое хозяйство и грот не обрушишь, позволю тебе накопать руды железной и золота, сколько пожелаешь. А тогда отец этой девушки уже не посмеет сторониться тебя...

– Благодарю тебя от всего сердца! – ответил Милош. – Но попрошу тебя еще об одной услуге: допусти и товарищей моих, хороших горняков, к работе этой. Бедные они люди. Не откажи нам в общем труде и куске хлеба, добрый человечек!

– Не откажу!.. Приходите и начинайте работу хоть завтра. А теперь спи, Милош!

Охотно лег юноша. А когда проснулся – увидел, что солнце ярко светит, лес вокруг шумит и дрозды на пихте перекликаются. И понял хлопец, к немалому своему удивлению, что лежит он на траве около входа в штольню. Нетронутой стояла она! Свод крепко опирался на дубовые стойки. Кайло, долото и топор лежали рядом с ним.

«Видать, приснилось мне всё!» – подумал он, протирая глаза.

Но это не был сон: на пальце своем увидел Милош сверкающий сапфиром перстень. Теперь он мог вернуть его Люкерде. И он побежал к местечку, счастливый и веселый. Даже не вспомнил о подлом Сълядеке: не ожидал увидеть его больше в артели...

А тем временем Люкерда, захватив медное ведерко, ходила по саду, поливала расцветающие барвинки да собирала в кошелку сладкие вишни. Тихо и спокойно было во всем доме. В людской прислуга хлеб месила, а кругом чудесно пахли цветы.

Вдруг стукнула калитка и заскрипел песок под чьими-то нетерпеливыми шагами.

– Милош!..

– Да я, Люкерда!

Радостная и счастливая девушка перепрыгнула через грядки и бросилась к юноше, едва веря глазам своим.

– Вот твой перстень! – сказал Милош.

– Нет, погоди... Сначала расскажи, где ты был, что ты делал, почему никто из ваших не знал, жив ли ты, Милош?..

– Долго рассказывать придется! – ответил юноша и, взяв Люкерду за руку, на крыльцо с нею взошел. – Теперь все изменится! – радостно сказал он. – Теперь и я сам, и товарищи мои будем жить иначе. Хотя и ждет нас тяжелая и долгая работа, зато будет от нее и нам достаток!

– Как это? – обрадованно воскликнула девушка.

– А вот как, послушай!.. Большая Сова таит внутри себя немалые богатства, и один добродушный друг показал мне, как их отыскать. Я теперь знаю, каким путем можно добраться к медной и свинцовой рудам. А это богатое дело! Завсегда мать-земля при них золото и серебро хранит. Стало быть, начнем добывать руду, а с нею и золото. Труд нас вознаградит, и жить станет легче для меня и для тебя...

– Если так, – взволнованно сказала Люкерда, – то ждет нас теперь утешение. Отец мой не воспротивится больше против тебя, Милош! Он позволит мне взять тебя в мужья, и кончится наше горе...

– Скажу обо всем твоему отцу. Буду просить его от всего сердца. Может не откажет нам, и обручение скорое устроит!

– Как я рада, Милош! – прошептала Люкерда и даже покраснела от смущения и радости.

А юноша попросил девушку никому пока не рассказывать о том, что сделал с ним в штольне подлый Сълядек. Не хотел он этим горьким воспоминанием о низком человеке мутить счастливые минуты своего возвращения.

– Он, поди, куда ни то в далекий свет убежал! – прощаясь с Люкердой, засмеялся хлопец. – Да и где уж ему оставаться в нашей артели после такого злодейства!

Не думал Милош, что иначе всё было.

Покинув дом купца, отправился Милош в корчму «Под молотками», где за жбаном пива обычно собирались горняки. Сълядек сидел за столом у самого окна. Время было летнее, жаркое, в корчме народу полно, шумно, тесно, вот хозяин и пооткрывал все окна.

Сълядек вертел своей тонкой шеей то туда, то сюда – высматривал через окно, кто улицу переходит, кто в лавку зашел, кто чего покупает, что в мешок кладет? Все ему знать надо! Даже к голосам прислушивался: оттопыренными ушами своими каждое слово вокруг себя ловил. Пес хозяйский Бурек, что лежал под крыльцом и старательно обгрызал баранье ребро, почуяв на себе взгляд Сълядека, заворчал грозно и, поджав косматый хвост, за угол скрылся – подальше от Сълядека противного кость свою унести!

А тем временем Сълядек увидел на базарной площади совершенно неожиданное для себя зрелище – даже глаза вытаращил. Сначала совсем было голову из окна высунул, потом вдруг назад отскочил, побледнел. И такой страх, такая тревога его охватила, что невольно он лысую свою башку в плечи втянул. Зых Кулимага и другие горняки, занятые обедом и любопытной беседой о работе, мало внимания обращали на Сълядека. Поэтому и не заметили, как негодяй поднялся со скамьи и тихонько выскользнул из шумной корчмы...

В толпе, что была на рынке, Сълядек внезапно увидел Милоша. Хлопец протискивался к корчме – веселый, улыбающийся; рад был товарищей своих увидеть. Вот этого-то зрелища и устрасился негодяй Сълядек. Сам сатана в своем ужасном обличье так не испугал бы убийцу, как этот добрый светловолосый юноша, с улыбкой взирающий на свет божий и на людей.

«Кто бы мог подумать? – шептал в душе подлец, зарываясь в густые лопухи на задворках корчмы. – Кто бы мог поверить, что жив остался парень? Таким тяжелым долотом стукнул я его по голове, а он – на тебе! – по рынку разгуливает, здоровый и веселый!.. Что я буду делать, если он про всё артели расскажет? Как кары избежать?»

Не найдя ответа на эти свои вопросы, Сълядек на четвереньках выполз из лопухов и, скользя по земле, словно гадюка, полуживой от страха, помчался к прибрежным зарослям –

прямиком через огороды корчмаря...

Не описать той радости, не пересказать того веселья, с каким встретили горняки возвращение юноши. Зых громовым голосом гудел на всю корчму:

- Наш приятель лучший опять с нами! Давайте скорее мёду! Вина ему налейте!
- Повеселимся сегодня! – крепко обнимая юношу, кричали обрадованные горняки.
- Мяса и хлеба подайте, да поживей!
- Праздник нынче в нашей артели!

Шум этот до площади рыночной долетел, и вскоре у открытых окон много любопытных собралось. А Милош сидел среди развеселившихся товарищей своих, с аппетитом ел пшеничную кашу с печенкой и запивал ее пивом хмельным.

- Братья... Братья... – сказал взволнованно. – Рад я, что снова мы вместе!

До полуночи гуляли горняки в корчме «Под молотками». Обсуждали, как будут сообщать добывать из-под земли богатства ее, где раскопы делать, а в каком месте стволы вглубь гнать и новые штольни пробивать в горах.

– Будем мы теперь богатые и вольные горняки, – закончил свой рассказ Милош. – Никто до сих пор не называл своей Большую Сову, никто там руды не искал. Одному князю только будем подвластны, сами с ним говорить... Первыми там будем, а потому мать-земля станет к нам добрее и щедрее...

Зых Кулимага, а с ним и вся артель, так до конца беседы и не заметили, что нет за столом Сьядека – никто не вспомнил о нем. Не вспомнил и Милош: не надеялся он, чтобы после такого злодейства отважился подлец засесть с товарищами своими за один стол.

Не таили горняки от народа ничего, что услышали от Милоша. Да и как тут было таить?

Зых Кулимага отправился в лес, чтобы раздобыть у охотников рога оленя – на острые кайла. Иные горняки предпочли железные кирки и пошли к кузнецам. Да и лесорубов нужно было позвать на помощь: много древесины требовалось на закладку новой штольни – подумывали в артели новый ствол пробить у подножья горы, если добыча руды в штольне не гладко пойдет.

Вот таким-то манером весть о руде, шибче ласточки быстроскрылой, по всей округе пронеслась. Немало дивились люди тому, как это Милош узнал, где богатые клады земные залегают. Но напрасно они узнать старались, какой это добрый друг указал ему потаенное место: ничего не выяснили.

Мало говорил юноша. Известно: молчание – золото. Лишь одной Люкерде, когда сидел с нею на крылечке или в саду, рассказывал Милош обо всём: как их артель работать будет, каким способом руду отыскивать и добывать. Купец уже вернулся с дальней дороги и с изумлением немалым выслушал новость о счастливой перемене в Милошевой и всей артели судьбе.

Поначалу испугался – не колдовство ли тут замешано? Недоверчиво поглядывал на юношу. Однако потом, любя достаток и зажиточность, подобрее на хлопца смотреть начал, а неделю спустя и вовсе сдался: согласился день обручения назначить.

Только и разговоров было в городе, что об этом обручении Милоша с Люкердой.

Болтали сплетницы, что дивчина платье себе новое справила, юбку гарусом вышивает и еще чего-то. Что одних лишь дудочников с десятком играть будет в этот счастливый день – гостей купцовых веселить. А что хлеба там напечено, калачей, пряников, сколько освежевали баранов, поросят и птицы всякой – не счесть того и не рассказать!

Из темной кладовки, что стояла за старым амбаром, – туда купецкие работники складывали пустые мешки и ящики, – слышал эти разговоры притаившийся там Сьядек. Скрывался он от Милоша и горняков: дрожал перед заслуженной карой. Однако жаль ему было работы в артели, особенно теперь, когда всё по-доброму складывалось для горняков: завистлив был негодяй. Поэтому оставил он тихое укрытие и, не зная, как его примет артель, украдкой пробрался по улицам к хатенке Кулимаги. Здесь он снова спрятался в тени старой вербы, что стояла на огороде: решил дожидаться прихода Милоша, когда тот возвращаться будет от Люкерды.

Светлый и теплый стоял вечер, когда на тропу, что шла от усадьбы купца к хате Кулимаги, вышел навстречу юноше дрожащий и сторбленный Сьядек. Не сразу узнал его Милош: предстал убийца перед ним в самом жалком виде – исхудал, согнулся, на глаза надвинута пыльная и драная шапка, лохмотья покрывали дрожащее тело – кафтан свой продал Сьядек старьевщику, чтобы хоть краюху хлеба купить...

– Милош! – начал Сьядек. – Сжался над моей бедой...

Юноша отскочил на край тропы и в изумлении посмотрел на Сьядека – не верил, что видит его снова.

– Это я, Сьядек... – бормотал злодей. – Плохо я поступил с тобой, брат! Но смилуйся и прости меня... Злоба тогда меня ослепила, разум отняла. Потому и ударил тебя долотом. Теперь скрываюсь... Боюсь людей... С голоду помирать, видно, придется, если так еще проживу немного... А то и в темницу угожу, если ты за свою обиду ответ с меня спросишь.

– Чего же ты хочешь? – хмуро спросил Милош.

– Прости мне вину мою!

– Э-э-х, человек! Да я давно простил ее, старый разбойник, еще в тот день, когда в артель вернулся.

– Не проболтался Зыху?

– Нет. Я же думал, что ты давно удрал в дальние края!

– Благодарю тебя, брат!.. А теперь не скажешь никому?

– Нет... Чего ты еще хочешь?

– Вернуться в артель хочу. С вами вместе быть и работу делить по-прежнему... Пропаду я один – страх меня одолевает перед карой... Буду усердно работать, не стану злобствовать и завидовать, от хитрости своей откажусь. Теперь я совсем другой буду, Милош!

– Ну, что ж! Возвращайся на прежнее место. Ту штольню мы теперь наново укрепим и дальше пробивать будем. Завтра на рассвете...

Стучали топоры на склоне горы Большая Сова. Одна за другой падали березы и пихты. Лесорубы разделявали стволы на колоды, а потом кололи их на доски-обаполы, чтобы могли горняки надежно укрепить ими новую штольню.

Темный проход, уже очищенный от камней и начисто выметенный, все глубже уходил внутрь Большой Совы. Теперь уже Милош сам всей работой управлял – Кулимага уступил ему главенство в артели. В обе стороны от главной широкой штольни пробивали нынче две боковых – поменьше и поуже. Красная порода, залегающая тут плотными слоями, словно бы сама в руки горняков давалась, и работа беспрепятственно шла. При свете масляных лампочек, подвешенных к столбам, подпиравшим свод штольни, видны были только мокрые и темные тела горняков, одетых в кожаные фартуки. Штольню вели немного наклонно – так, чтобы подпочвенная вода, буде она там окажется, могла свободно вытекать наружу и не мешать работе.

Присев на корточки или пригнувшись возле стенки темной породы, старший горняк отбивал куски руды и складывал их в деревянные корыта с двумя ручками. Когда корыта наполнялись доверху, два подручных относили их в сторону, где штольня пошире, ссыпали руду в глубокие тачки и вывозили наружу. Работавшие у входа артельщики принимали руду и укладывали ее на телеги, запряженные волами.

Возы медленно спускались вдоль горного склона по дороге, проделанной лесорубами в густой чаще леса. Руду горняки отвозили в нижний поселок, чтобы там передать кузнецам и плавильщикам, хлопотавшим возле дымарок и горнов. Возчики в ушатых шапках и суконных сермягах, изредка взмахивая кнутом, весело покрикивали на волов. Иной же от радости, что работы хватает, – на весь лес запевал песню свою любимую.

Кипела на склоне Большой Совы жизнь, наполненная радостью труда. Сколько тут стоят эти высокие и далеко растянувшиеся Совьи Горы, никогда и никто не видел такого умного и проворного в работе хлопца, как Милош.

А из тихого и укромного грота поглядывал на горняков добрый пендзименжик в красном кафтанчике, на котором, по горняцкому обычаю, был одет кожаный фартук крохотный. Рад

был человечек, что так складно у людей работа вдет. Ночью, когда горняки спали в штольне на подстилках из веток, прикрытых бараньими шкурами или куском войлока, оказывал им гном немалые услуги: острил долота и кайла железные, подливал воду в кадки, чтобы им утром было чем жажду утолить.

Едва засыпали горняки, выходил человечек из штольни и звуком особой дудки, что была сделана из кости орлиной, вызывал из лесу медведя огромного и наказывал ему прогонять отсюда воров и разбойников, буде такие появятся вблизи. Сам же, неторопливо прохаживаясь то по штольне, то по склону горы, зорко сон артели горняцкой охранял.

Тем временем штольня всё глубже уходила в недра горы. Словно широкая река, вбравшая в себя речки и ручейки, штольня ответвилась боковыми забоями и более узкими ходами, которые вели к богатым залежам медной руды.

Грот маленького человечка горняки искусно обошли во время пробивки штольни – так, как он этого сам пожелал. И вот однажды поднялся радостный гомон: это Милош, заполняя рудой корыто, вдруг заметил на дне его золотые блёстки. Некоторые из них были мелкими, как песок речной, другие с горошину, но все они радовали глаз чистым блеском, похожим на солнечный.

Очистил их Милош от руды, ополоснул заботливо и сказал сбежавшимся на его крик товарищам:

– Ну, братья, нашли мы золотоносную штольню!.. До самых богатых кладов земли добрались... Так случилось, что я первый их нашел, но работаем мы артелью и дальше так работать будем, пусть же это золото станет нашим общим добром. Пусть им вся артель распоряжается!

Сказавши это, собрал Милош золото в особый ящичек и отнес его в обитую досками нишу, где горняки орудия свои и теплую одежду хранили.

– Пусть так и будет! – согласился Зых Кулимага, идя вслед за Милошем. – А если и мне суждено будет найти золото в нашей штольне, то высыплю его в этот ящичек, чтобы наше общее добро умножить.

– И я так сделаю! И я! И я! – послышалось вокруг.

Справедливым и умным признал это решение гном. «Если они так делают, – подумал он, – если сообща живут и друг друга поддерживают, то и я прибавлю кое-что в эту их копилку... Дам им побольше золота, ибо они заслуживают награды!»

С того дня всё чаще случалось горнякам находить драгоценные зернышки и песок. Но это были не только песчинки – то и дело земля дарила горнякам самородки чистого золота. Вечерами приходил Милош с товарищами к нише, и каждый высыпал в ящик свою дневную добычу золота... Потом двери в нишу толстым дубовым засовом замыкали, чтобы никто чужой туда проникнуть не мог.

Только гном, стороживший по ночам покой горняков, проникал в нишу одному ему известным способом – через щель – и, присвечивая себе крохотным каганцом, радовался блеску золота.

Шли дни. Ящик до краев наполнился золотом, оно уже начало ссыпаться на пол. Заботливый гном, придя как-то ночью в нишу, стал осторожно собирать золотые песчинки в свой колпак и уже оглянувшись, ища какой-нибудь мешок или ящичек, как вдруг заметил в штольне приближающийся свет. Он как-то странно мигал и просачивался в нишу через щели в дверях. Изумленный этим и даже немного испуганный, гном поспешно загасил свой каганец и, прижавшись к стене, спрятался за ящиком. Чьи-то сильные и нетерпеливые руки спешили отодвинуть дубовый засов. Но вот дверь открылась, и в нише-кладовой стало совсем светло от масляной горняцкой лампы.

При свете ее гном увидел сгорбленную фигуру человека, который беспокойно оглядывался назад и к чему-то прислушивался. Однако вокруг царил глухая ночная тишина: вся артель спала после тяжелого дня работы. Человек быстрыми лисьими шагами приблизился к ящику и поспешно начал выбирать золото, выискивая самородки покрупнее.

Теперь гном ясно видел его лицо. Это был горняк с длинным мясистым носом, неприятно торчавшим между близкопосаженными, бегающими глазками. Безусое и безбородое лицо

его искривила жадная и довольная усмешка. Худая фигура еще больше согнулась, прикикая к артельной копилке. Алчно и лихорадочно хватал вор золотые самородки и прятал их за голенища истоптанных сапог. Пальцы его дрожали, когда он касался золота...

Это был Сьядек. Несмотря на клятвенное обещание, данное им Милошу, задумал он обогатиться за счет артели. Выбрав удобное время, чтобы незаметно пробраться в штольню, он решил выкрасть большую часть золота. Злодей торопился и кое-как засовывал в карманы своей потрепанной сермяги артельное добро. «Пока рассветет, – думал он, – я далеко буду. Ни артель меня больше не увидит, ни я ее... Теперь я богат! – задыхаясь от жадности, шептал он. – Теперь и я буду паном...»

Он было повернулся к выходу из ниши, прислушиваясь, не проснулся ли кто из его товарищей? Нет, ни одного звука не донеслось до него, только дивно затряслась под ним земля, а дубовый засов, что торчал снаружи, словно бы двинутый невидимой рукой, захлопнул дверь и лег на свое место, преградив дорогу подлому вору. В ту же минуту Сьядек услышал голос, который, казалось, шел из-под земли:

– Положи золото обратно в ящик! Не твое оно, вор!

– Кто это? Кто это? – Сьядека охватили одновременно и страх, и злоба.

Он посветил себе лампой и вдруг испуганно отскочил в дальний угол. Перед ним стоял маленький человечек в красном кафтане и горняцком крохотном фартуке. Спиной он упирался в ящик с золотом, как бы преграждая путь злодею. В руке человечек держал крохотный горняцкий молоток, и глаза его сверкали из-под нахмуренных бровей.

– Оставь золото, оно не твое! – гневно повторил гном, и голос его, сильный и громкий, как у рослого человека, был полон достоинства и строгости.

– Вот как, мышиный король? – язвительно захохотал Сьядек. – Значит оставить золото? Может подарить его тебе и твоей мамке-лягушке?! Эх, ты, сморчок – тебе ли начинаться со мной?

С этими словами, хрипло смеясь, вор протянул руку, чтобы схватить гнома. В ту же минуту объял его смертельный ужас: почувствовал Сьядек, что не может двинуться с места. Ноги его будто чужими стали и как бы в пол вросли...

Остатком сил ухватился он за ноги, но, к еще большему ужасу, почуял, что они тверды и холодны, словно камень. Рывком содрал он кусок штанины и едва не упал в беспамятстве: вместо живого тела увидел Сьядек... блестящее холодное золото!

А гном все еще стоял, опираясь спиной о ящик, – грозный, молчаливый, разгневанный – не спуская глаз с подлого вора. Сьядек чувствовал, как тело его постепенно тяжелеет и ста-

новится холодным. И тогда понял, что постепенно – с ног до головы – превращается он в огромную мертвую золотую глыбу! Вот уже в груди все тише бьется сердце, и руки теряют гибкость, каменеют...

– Смилуйся надо мной!.. Прости! – едва прошептал он, с трудом склоняя тяжелеющее тело свое в молящем поклоне.

– Не меня ты обидел, – сурово и гневно ответил гном, – но сначала Милоша, славного и доброго хлопца, а теперь и всю артель! Их ты должен молить о прощении и милости. Но прежде сознайся товарищам своим в проступках и злодействе. Если сделаешь это – сниму с тебя заклятие. Если же нет – вращешь в землю глыбой золота и останешься здесь навеки!

– Сделаю... Признаюсь... – едва слышно шептал С्याдек, чувствуя холод и смерть.

– Если так, подожду! – с большим достоинством ответил гном и скрылся за ящиком.

Сядек почувствовал, как к нему возвращается жизнь. Он снова мог облизнуть пересохшие от волнения губы, поправить на голове шапку. Попробовал поднять с полу сначала одну, потом другую ногу. Поднявшись и пошевелив руками, Сядек побросал в ящик самородки и карманы вывернул. Забыл только те, что за голенищами остались. Понял, что снял с него гном заклятие. И тогда поспешно вышел из ниши – двери сами пред ним раскрылись, а потом захлопнулись...

А тем временем на склоне у входа в штольню уже захлопотали горняки – убрали подстилки, разожгли костер, повесили над ним котел с утренней похлебкой. На раскаленных камнях, дразня аппетит горняков, жарилось сало. Зых Кулимага широким ножом кроил привезенный из города хлеб.

– Эй, Сядек! – увидав его, крикнул Зых. – А ну, помоги мне немного!..

Но заметив странный вид и бледность Сядека, замолчал и пригляделся к нему.

– Что с тобой? – зорко всматриваясь в испуганные глаза Сядека и посиневшие его губы, спросил Зых. – Может ты заболел?

– Нет... Здоров я... – бормотал злодей. – Сделай милость, созови поскорее артель... Я должен вам всем что-то сказать... – весь дрожа и умоляюще глядя на Кулимага, пролепетал Сядек.

– Пусть так и будет, – ответил старшина горняков, – сейчас соберем всех.

Зых поднес к губам висевший на поясе рожок и протяжно затрубил. Заслышав этот зов, горняки побросали свои дела и бегом поспешили к штольне. Видать, какую-то важную новость должен объявить Кулимага – надо поторопиться!

Поспешил и Милош: он только что закончил точить долото на бруске из белого камня.

– Что случилось, Зых? – весело спросил юноша.

Но ответа не получил. Горняки столпились вокруг Зыха и Сядека. Ждали, что будет дальше? Кулимага подтолкнул Сядека вперед.

– Он скажет...

Долго водил злодей испуганным взором по лицам собравшихся горняков, наконец, заговорил пискливым, захлебывающимся голосом:

– Братья... Послушайте, что скажу... Знаете ли вы, где так долго пребывал ваш добрый товарищ Милош?

– Нет! Не знаем! Говори! – послышались голоса.

– Лечился он от смертельной раны, которую нанес я ему, когда злоба и зависть разум мой отуманили... Ударил я его долотом в голову там, в штольне... Помыслил, будто он один, тайком, к богатой руде подбирается...

– Правда ли это, Милош? Говори! Правда это? – зашумели встревоженные горняки.

Слегка побледнел Милош, но ответил спокойно:

– Правда! Но я же простил тебя, Сядек. Зачем ты начал говорить об этом?

– Я должен, должен признаться в этом... всей артели, – бормотал негодяй. – Я не могу сделать иначе!

– Но я простил тебя! – повторил Милош.

– Не одно это я сотворил, братья... – едва дыша от страха хрипел злодей. – Не одно это! Нынче ночью пошел я в нишу ящик с золотом открыть... Выбрал самородки, которые полу-

чше, и спрятал в карманы, чтобы унести и бежать далеко отсюда...

– Правда ли это, Сълядек? – грозно закричали горняки. – Правда ли?

– Правда... Вот оно ваше золото... – и негодяй поспешно вытащил из-за голенища несколько самородков. – Отдаю... Возьмите!.. Нет мне места в артели, не для меня общая миска и общий хлеб. Ухожу... Только не карайте меня, братья...

– погоди! – прервал его Зых. – Надобно разобрать твои вины. Хочу спросить тебя: как же это получается, что ты лишь сейчас говоришь нам о своих злодеяниях? Почему же ты раньше молчал? Почему загодя не искал облегчения совести своей и прощения нашего?

– Из страха перед карой молчал. Думал, что не откроется убийство и не узнаете вы ничего. И что Милош не вернется, не расскажет...

– А золото? – зашумели в толпе. – Ты же сам говоришь, что сегодня выкрал его? Стыдишься ли ты этого? Или жалеешь, что не вышло? Как же это так получается, что решил ты сознаться и в этой своей вине?

– Глубоко в штольне... – переведя дух и упершись спиной в дерево, чтобы не упасть от слабости и перепуга, начал Сълядек, – находится существо дивное... Черт какой-то горный, что ли? Бес малый, совсем невидный такой, а сильный и страшный... Благосклонен он к вам, я думаю, и золото сторожит. Когда я брал его, золотишко это, закачал он землю подо мной и едва свод на голову мою не обрушил... А потом, когда я посмеялся над ним и золотишко обратно в ящик сложить не захотел – бросил он на меня заклятие страшное... Хотел превратить меня в золотую глыбу... Уже и ноги мои в землю вросли, и язык заостенел... Каменел я, стыл... Только потом он меня обратно в человека оборотил – когда поклялся я ему, что вины свои перед вами открою. Признаю их...

Глубокая тишина запала вокруг. Онемевшие стояли горняки, тесно окружив Зыха и всматриваясь в Сълядека. Милош отвернулся от него и голову опустил: вспомнил обещание злодея!

– Убийца подлый, заугольный... Грабитель! – пали тяжкие слова горняков. – От страха ты, выходит, признался!

– Да, только из-за опаски одной, а не раскаяния ради! – крикнул кто-то. – Не пожалел нас, не признался, что зло нам учинил!

– Позор ему вечный, убийце!.. Как он может жить среди нас?

Всё сильнее шумели горняки, всё большее возмущение охватывало людей, искренне сдружившихся меж собой, побратавшихся и полных доверия один к другому. И тогда поднял Кулимага с земли несколько самородков, которые бросил подлый человек, и на раскрытой ладони протянул их Сълядеку:

– Выходит, никогда не был ты нам ни товарищем, ни братом! – печально и сурово сказал он негодяю. – Поэтому не можем мы оставить тебя в артели. Иди же прочь! А это возьми на дорогу – всё же и твоя доля работы в том есть...

Молча взял Сълядек золото. Ни на кого не глядя, помчался он по склону вниз и голову в плечи втянул – удара ждал. Страшно торопился, хотя и не пошел никто за ним.

А высоко на скале показалась Люкерда. Удивленно посмотрела девушка на беглеца. Венец из барвинков украшал ее головку, а в руках держала она корзинку с пшеничным хлебом, который выпекала ночью для своего Милоша и его артели. Медленно стала спускаться по тропке между скалами. И улыбкой встретила подбежавшего к ней Милоша...

*

Тщетно стали бы мы теперь искать эту штольню в Совьих Горах. Засыпало ее скальными обломками, зарос вход в нее густыми колючими кустами, мохом и травой его закрыло.

Не найдем мы в тех горах и золота: давным-давно исчерпались его запасы на землях Нижней Силезии. О том же, что было оно там некогда, говорят нам не только старые документы, но и названия таких городов, как Злоторыя. Гласят об этом старые предания и эта, почти забытая сказка.

Благодаря ней дошла и до нас весть о добром друге нижнесилезских горняков – малом, проворном и хозяйственном пендзименжике, который, как говорят, избрал своим жилищем

грот в глубине Совьих Гор.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Вот и закончилось твое путешествие в мир легенд и сказок, дорогой советский читатель! Верю, что этот мир захватил тебя и доставил много приятных минут не только тебе, но и твоей семье: своеобразие, прелесть и очарование сказки таково, что хочется поделиться своими впечатлениями с близкими и знакомыми. В каждом человеке заложены коллективные начала, поэтому свои чувства, особенно восхищение, он непременно высказывает тем, в ком надеется найти отклик.

Разве не на этом основано изустное творчество народа, передаваемое из поколения в поколение и дошедшее до нас из глубин седой древности?

Но когда прочтена сказка, человек обязательно полнобоится испытует – а в чем ее мораль, откуда она взялась, когда возникла? Что ж, это закономерные вопросы! И надо, непременно надо помочь читателю составить себе цельное представление о книге, заполнить те «белые пятна», которые, несомненно, появятся, когда перевернута последняя страница. Попытаюсь коротко и по возможности полнее ответить на могущие возникнуть вопросы.

*

Великий мыслитель и основоположник коммунизма, Карл Маркс сказал: «Бытие определяет сознание». Применительно к данной книге закон этот может быть изложен так: каждый народ по-своему воспринимает и отображает мир действительности и мир фантазии. Человек живет не только тем, что он видит вокруг себя: он еще стремится проникнуть за пределы окружающего, помечтать, пофантазировать, представить себе иную, сказочную жизнь. И в этом – огромная сила. Реальность и фантазия отнюдь не мешают одна другой, наоборот, они дополняют себя взаимно. Вспомним, например, известную фантастическую повесть Жюль Верна «С Земли на Луну». Опубликованная во Франции ровно 100 лет назад, она предвосхищала поистине фантастический подвиг советских космонавтов Павла Беляева и Алексея Леонова, вышедшего в космос! Как тут не вспомнить мудрые слова великого нашего учителя В. И. Ленина, сказанные в 1922 году: *«Напрасно думают, что она (фантазия) нужна только поэту. Это глупый предрассудок! Даже в математике она нужна, даже открытие дифференциального и интегрального исчисления невозможно было бы без фантазии. Фантазия есть качество величайшей ценности...»* (В. И. Ленин, собр. соч., изд. IV, 1952 г., стр. 284. Москва).

Польский народ, много претерпевший от нашествий чужеземцев (и, в первую очередь, от германской экспансии), естественно, создавал и такие сказки, где «польскость» темы и действующих лиц, даже на территории, насильственно отторгнутой немцами, приобретают особое значение. Это, прежде всего, касается сказки «Прусское знамя» и, частично, легенды «Как Метек Облаз в горах затерялся». Русским людям понятны и близки чувства, мечты и чаяния братского польского народа: и древняя Русь, и более поздняя Россия, и СССР (в разные периоды своего существования) не раз подвергались вражеским нашествиям. Доля обоих народов была в какой-то мере схожа. Поэтому нет сомнения, что советские читатели с большой теплотой и пониманием отнесутся к тем глубоким мыслям, которые содержатся в этом сборнике. В самом деле – разве не переключается поступок героя сказки «Прусское знамя», решительного парня Станека Завады с подвигами русских комсомольцев-подпольщиков, с риском для жизни, а порой и отдавая ее, срывавших ненавистное знамя с фашисткой паучьей свастикой? Разве это не пример того, как действительность и сказка взаимно дополняют друг друга? А Метек Облаз? Как он напоминает тех многих русских людей, которые в разные времена, несмотря на прельщения и угрозы чужеземных властителей, отказывались служить им!

*

Огромная заслуга автора сборника, замечательной исследовательницы польского фольк-

лора Корнелии Добкевич, прежде всего, заключается в мудром подборе тех сказок, которые впервые знакомят советского читателя с народным творчеством населения мало знакомых нам областей: Ополя, Бескидов и Нижней Силезии. Это – с политической точки зрения – весьма важно в данное время. Западногерманские реваншисты из кожи вон лезут, чтобы доказать, будто эти области «по праву» принадлежат им. А ведь земли эти – исконно польские, славянские, с древнейших и незапамятных времен!

К. Добкевич этим своим трудом дала возможность советским читателям ближе узнать мир чувств и амбиций силезцев, ополян и бескидцев, то есть населения больших областей Польши, где сельское хозяйство соседствует с крупной промышленностью: металлургией и горным делом. «Штольня в Совьих Горах» знакомит нас с рудокопами, а «Золотой Селезень» – с бытом крестьянина. Представление о последнем (хотя и более поздней формации, чем в сказке) советскому читателю дал опубликованный в СССР роман Вл. Реймонта «Мужики». Теперь, сопоставляя данные одного произведения с другим, можно пополнить запас сведений о быте, обычаях, традициях и, главное, о характере польского крестьянина. Легче представить себе и то время, которое отображено Корнелией Добкевич, что уже само по себе можно поставить в заслугу автору.

В Советском Союзе любят и почитают сказку. Она не только «отдохновение от трудов» – она дает большую пищу уму. А человек жаждет знаний, ему важно постичь не только видимое, но и знать прошлое, чтобы облегчить себе путь в будущее. В этой связи невольно вспоминаются замечательные слова Александра Сергеевича Пушкина: «Сказка – ложь, да в ней намек, добрым молодцам урок!»

Выше уже говорилось, что каждый народ по-своему воспринимает и отображает мир действительности и мир фантазии. Возьмем, к примеру, сказки, где фигурирует мифическое существо, Утопек. Как он непохож на русского Водяного или на «международного» Нептуна! Утопек не терпит лжи, несправедливости, заносчивости, он доброжелателен к людям, помогает им (вспомним, как он помог Ополю и его жителям во время пожара или раньше – во время строительства) и наказывает тех, кто чинит людям кривду. Своеобразие этого персонажа польских сказок, по-видимому, проистекает из национального духа самого народа, которому приходилось защищать не только чистоту своей морали против морали «гомо гомини люпус эст» многочисленных грабителей-чужеземцев, но и вооруженной рукой отбиваться от нашествий. В этом смысле весьма характерно, что образ положительного Утопца не одинок: гербом польской столицы Варшавы стало еще одно мифическое водяное существо – русалка, Сирена, вышедшая из Вислы с мечом и щитом, чтобы защитить любимый город. В сказках других народов вряд ли встретишь таких героев, как Утопек и Сирена, а введение их в легенду – хороший стимул для раздумий об извечной проблеме добра и зла!

И еще одно. Так сказать, суммарная мораль сборника заключается в стремлении польского народа создать образ идеального человека. Всем ходом действия сказка говорит: будь честным, смелым, гуманным!

*

Данный сборник является продолжением первой книги своеобразной трилогии, созданной талантливым автором: том первый – это «Медная лампа», которая, к сожалению, еще не вышла в СССР, а третьим томом, уже опубликованным в Польше, стал новый сборник: «Змеиная королева». Сейчас автор работает над продолжением этого цикла.

Корнелия Добкевич долго и тщательно собирала фольклорный материал. Труд этот огромен, он потребовал не только многих лет, но и напряженнейших усилий: многое уже затерялось, многое стерлось в памяти людей, которым их отцы и деды, матери и бабки передали народные сказания, легенды, предания и сказки. Надо было долго разыскивать и скрупулезно сопоставлять подлинные тексты, очищать их от налетов времени и перемен. Но тем ценнее, тем благороднее труд бескорыстного исследователя, тем большую заслуживает он благодарность. Есть древнее изречение: «верба волянт, скрипта манент» («Слова улетают, написанное остается»). То, что собрала и обработала Корнелия Добкевич, теперь увековечено и уже не исчезнет. Оно сохранится и перейдет к грядущим поколениям!

Итак, наше путешествие в мир сказок окончено. Может быть, пройдет некоторое время, и мы снова встретимся с польской сказкой – новым сборником, таким же хорошим, как этот. И тогда снова испытаем радость и благодарность к самоотверженным собирателям фольклора. Спасибо им!

Я. НЕМЧИНСКИЙ

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Лесной Дед* – сказочный персонаж: лесовик, леший.
2. *Комеса* – графиня (в раннем польском средневековье так называли всех богатых дам).
3. *Секанец* – кусок серебра определенного веса, служивший в те времена денежной мерой.
4. *Шлях* – большая проезжая дорога (большак, тракт).
5. *Козерыйка* – веселый народный силезский танец.
6. *Кросна* – деревенский самодельный ткацкий станок.
7. *Замлынская Гурка* – по-русски это название читается иначе: Замельничная Горка.
8. *Ландрат* – немецкий начальник уезда.
9. *Жабья Струга* – по-русски это название читается иначе: Лягушкин (Жабий) ручей.
10. *Остревка* – ствол молоденькой ели, очищенной от хвои, с наполовину отсеченными ветками: служит для сушки сена.
11. *Овензёк* – бескидский народный танец.
12. *Гайды* – народный музыкальный инструмент наподобие дуды: состоит из кожаного мешочка, соединенного с пищалкой.
13. *Кошки* – специальное приспособление для влезания на столбы и деревья: имеет форму серпа с зазубринами, металлические пластинки для ног и ремни для закрепления кошек на обуви.
14. *Бортник* – старинное название сборщиков лесного мёда с бортей, т.е. гнезд диких пчел.
15. *Костлявая* – народное название мифического персонажа – Смерти – обычно изображаемой в виде скелета с косою в руках.
16. *Тумен* – в старину название крупного татарского конного отряда.
17. *Ясырь* – во времена татарского нашествия этим словом называли захваченных для продажи в рабство людей.
- 17-а. *Неверный* – (по-татарски кяфир), так называли татары всех инакомыслящих людей, не исповедующих мусульманства (ислама).
18. *Аир* – (тюрк.) многолетнее травянистое болотное растение из семейства ароидных: применяется в медицине и парфюмерии.
19. *Полудница* – мифический персонаж: злой дух в виде женщины.
20. *Епанча* – (тюрк.) старинный широкий безрукавный плащ.
21. *Килоф* – род кирки или кайла: орудие горняков при работах по добыче руды.
22. *Хебд* – (гебд) род кустарникового растения с мягкими сочными листьями: обычно подмешивается в корм скоту.
23. *Кона* – польская мера счета: шестьдесят штук.
24. *Снежица* – (весенняя) луковичное растение, редкий белый цветок, обычно растущий в горах и предгорьях: сейчас находится под охраной государства.
25. *Брекина* – редко встречающийся ныне вид рябины.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Сказания Земли Опольской

О ТРЕХ БРАТЬЯХ ИЗ ОПОЛЯ
КРАСНЫЙ ЖУПАН
ПРУССКОЕ ЗНАМЯ
КАК УТОПВЦ КУБЕ НА ПЛОТИНЕ ПОКАЗАЛСЯ

Бескидские легенды

КАК МЕТЕК ОБЛАЗ В ГОРАХ ЗАТЕРЯЛСЯ
ПОРАБОЩЕННАЯ ВОДА

Сказки Нижней Силезии

ЗОЛОТОЙ СЕЛЕЗЕНЬ
КУЗНЕЦ И ГНОМЫ
ШТОЛЬНЯ В СОВЫХ ГОРАХ

ПОСЛЕСЛОВИЕ

ПРИМЕЧАНИЯ

PRINTED IN POLAND
DRUKARNIA NARODOWA
W KRAKOWIE